

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025

№ 26

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голки Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головки Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дершев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халуллин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формированию и применению законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – учеными и практиками, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: К.Г. Шилько, А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелюор; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 26.12.2025 г. Формат 60x80^{1/8}. Печ. л. 17,2. Усл.-печ. л. 16. Тираж 500 экз. Заказ № 6625. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.01.2026 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА

Ольховик Н.В. Научная, научно-организационная и педагогическая деятельность профессора С.А. Елисеева	5
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминологическое наследие профессора С.А. Елисеева	9

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дроздов И.С., Федякова О.Е. Уголовно-правовые средства борьбы с «опасным вождением» как инструмент обеспечения безопасности на дорогах	14
Лозинский И.В. Решение проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации: криминализация либо декриминализация?	21
Мельник В.С. Рост криптопреступности в научной литературе: критический уголовно-правовой анализ статистических аргументов и источников	29
Мусаев Х.Х. Уголовно-правовая характеристика присвоения чужого имущества (ст. 160 УК РФ): проблемы теории и судебной практики	34
Плохова В.И. Проблемы закрепления и толкования признаков хищения чужого имущества, выявленные из обращений граждан в Конституционный Суд РФ в 2019–2023 гг.	38
Рогова Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности в современных условиях	43
Уваров О.Н. К вопросу о содержании уголовного наказания	48

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреева О.И., Баранов А.М., Кудрявцева А.В. Уголовный процесс как разновидность информационного процесса	53
Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого и дифференциация формы судопроизводства	60
Головачук О.С., Раменская В.С. Прекращение уголовного дела в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: перспективы и пути совершенствования	66
Грушин Ф.В., Нечаев В.В., Теренков И.Е. Свидетель как участник уголовного судопроизводства: процессуальный статус, проблемы участия и защиты прав	71
Мезинов Д.А. Задачи изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе: научный и практический аспекты, междисциплинарный и узкодисциплинарный подходы	76
Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. О создании современного института следственного судьи в уголовном судопроизводстве России	85

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Тепляшин П.В. Демократизм как принцип уголовно-исполнительного законодательства: актуальность, юридическая природа, основные постулаты	96
Чуканова Е.С. Трудовые колонии с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних осужденных в пенитенциарной системе советского государства (1948–1957 гг.)	102

КРИМИНОЛОГИЯ

Антонченко В.В. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета оскорбления религиозных чувств верующих	108
Валеев М.Т. Эффект «амортизации» инфляционных процессов при назначении уголовного наказания на примере наказаний за кражу	115
Филиппова О.В. Криминологический мониторинг рецидивной преступности: цели, предмет и методы	118

КРИМИНАЛИСТИКА

Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Виртуальная сцена в компьютерных играх как источник криминалистически значимой информации о личности преступника: постановка проблемы	122
Завьялов В.А. Формы тактико-криминалистических комплексов	126
Коваленко А.С. Соотношение понятий тактико-криминалистической операции и следственной группы в контексте организации расследования	130

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами – отдельной отрасли прокурорского надзора быть	134

CONTENTS

IN MEMORY OF PROFESSOR SERGEY A. ELISEEV

Olkhovik N.V. Professor Sergey A. Eliseev: Scholarly, research management, and teaching contributions	5
Shesler A.V., Shesler S.S. Professor Sergey A. Eliseev: His criminological legacy	9

CRIMINAL LAW

Drozdov I.S., Fedyakova O.E. Criminal law measures against "dangerous driving" as a tool for ensuring road safety	14
Lozinsky I.V. Addressing the further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation: Criminalization or decriminalization?	21
Melnik V.S. The rise of crypto-crime in academic literature: A critical criminal law analysis of statistical arguments and sources ...	29
Musaev H.H. The criminal law characterization of embezzlement (Article 160 of the RF Criminal Code): Problems of theory and judicial practice	34
Plokhova V.I. Problems in defining and interpreting the elements of theft, as revealed by citizen appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation (2019–2023)	38
Rogova E.V. Criminal law response to property crimes in the modern context	43
Uvarov O.N. On the content of criminal punishment	48

CRIMINAL PROCEDURE

Andreeva O.I., Baranov A.M., Kudryavtseva A.V. Criminal procedure as a type of information process	53
Artamonova E.A. The defendant's declaration of will and the differentiation of judicial procedure forms	60
Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Termination of a criminal case in connection with the imposition of a criminal law measure in the form of a judicial fine: Prospects and avenues for improvement	66
Grushin F.V., Nechaev V.V., Terenkov I.E. Witness as a participant in criminal proceedings: Procedural status, problems of participation and rights protection	71
Mezinov D.A. Objectives in studying the motivation of the accused in criminal procedure: Scientific, practical, interdisciplinary, and specialized approaches	76
Maslennikova L.N., Sushina T.E. On the establishment of a modern institute of investigative judges in Russian criminal proceedings	85

PENAL LAW

Teplyashin P.V. Democratism as a principle of penal legislation: Relevance, legal nature, fundamental postulates	96
Chukanova E.S. The USSR Ministry of Internal Affairs' special-regime labor colonies for juvenile offenders in the penitentiary system of the Soviet state (1948–1957)	102

CRIMINOLOGY

Antonchenko V.V. Socio-legal analysis of the criminal law prohibition against insulting the religious feelings of believers	108
Valeev M.T. The "amortization" effect of inflationary processes in the imposition of criminal punishment: The example of penalties for theft	115
Filippova O.V. Criminological monitoring of recidivist crime: Goals, subject, and methods	118

FORENSIC SCIENCE

Vedernikov N.T., Yuan V.L. The virtual scene in computer games as a source of forensically significant information about an offender's personality: Problem formulation	122
Zavyalov V.A. Forms of tactical-forensic complexes	126
Kovalenko A.S. The relationship between the concepts of tactical-forensic operation and investigative team in the context of investigation organization	130

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. Prosecutor supervision over the execution of laws by bailiffs: The case for establishing a separate branch	134

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/26/1

НАУЧНАЯ, НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА

Николай Владимирович Ольховик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Анализируется научная, научно-организационная и педагогическая деятельность доктора юридических наук, профессора С.А. Елисеева. Утверждается, что научные интересы Сергея Александровича Елисеева затрагивали обширный круг уголовно-правовых и криминологических проблем истории и теории ответственности за преступления против собственности, причин имущественной преступности, личности корыстного преступника. Отмечается плодотворная научно-организационная и педагогическая деятельность профессора С.А. Елисеева.

Ключевые слова: преступления против собственности, история уголовного законодательства России, корыстная преступность, причины и условия корыстной преступности, личность корыстного преступника, предупреждение корыстной преступности

Для цитирования: Ольховик Н.В. Научная, научно-организационная и педагогическая деятельность профессора С.А. Елисеева // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 5–8. doi: 10.17223/23088451/26/1

original article

doi: 10.17223/23088451/26/1

PROFESSOR SERGEY A. ELISEEV:
SCHOLARLY, RESEARCH MANAGEMENT, AND TEACHING CONTRIBUTIONS

Nikolai V. Olkhovik¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The scholarly interests of Sergey Aleksandrovich Eliseev encompassed a broad spectrum of criminal law and criminological issues, focusing on the history and theory of liability for property crimes, the causes of property-related criminality, and the profile of the profit-driven offender. His research provided a definitive conceptualization of property crimes, analyzed their various typologies, and examined the placement of corresponding legal provisions within the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Professor Eliseev established key directions for improving the legislative framework governing property offenses, which included optimizing the statutory description of the objective elements of crimes, refining the legislative definition of their subjective elements, and enhancing the system of qualifying features. He traced the evolution of legislative approaches and elucidated the underlying logic in structuring criminal law prohibitions that establish liability for property crimes. His analysis was notably comprehensive, examining not only current Russian criminal law but also its historical antecedents from the 11th–17th centuries, the Imperial period, and the Soviet era. Professor Eliseev's fruitful research management and organizational contributions is also highlighted. He provided successful supervision for several candidate and doctor dissertations (Ph.D. equivalents). He served as the academic secretary of the Tomsk State University Dissertation Council for candidate and doctoral defenses and frequently acted as an official opponent. His editorial contributions included membership on the editorial board of the Tomsk State University Journal of Law and several academic collections, such as Materials of the Russian Congress of Criminal Law (Moscow), Legal Problems of Strengthening Russian Statehood (Tomsk), and Russian Jurisprudence: A Tribune for Young Scholars (Tomsk). Furthermore, he led research projects for students, master's candidates, and postgraduate researchers. His teaching legacy is equally distinguished. Professor Eliseev delivered lectures and conducted seminars for the "Criminal Law: Special Part" course. He was proactive in integrating active learning methods and computer technologies into the educational process. He also authored and published a range of textbooks, study guides, and lecture courses for undergraduate and master's programs, which were utilized not only at Tomsk State University but also at other higher education institutions across Siberia.

Keywords: property crimes, history of Russian criminal legislation, profit-driven crime, causes and conditions of profit-driven crime, profile of the profit-driven offender, prevention of profit-driven crime

For citation: Olkhovik, N.V. (2025) Professor Sergey A. Eliseev: Scholarly, research management, and teaching contributions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 5–8. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/1

Елисеев Сергей Александрович окончил в 1972 г. Томский государственный университет. После окончания университета остался работать на кафедре уголовного процесса и криминалистики. После окончания аспирантуры в 1980 г. в диссертационном совете ТГУ Сергей Александрович защитил диссертацию «Личность корыстного преступника. Ее криминологическое значение и уголовно-правовое значение» на соискание ученой степени кандидата юридических наук (научный руководитель: доктор юридических наук, профессор В.Д. Филимонов) [1].

С.А. Елисеев выделял корыстную преступность в зависимости от корыстного мотива, по которому совершаются преступления, ее образующие. Корыстный мотив С.А. Елисеев определял как «побуждение, выражающее стремление виновного к нетрудовой имущественной выгоде для себя или других лиц, в судьбе которых он заинтересован» и отличал его от корыстной цели, состоящей «в субъективном образе желаемого преступником результата в виде незаконного получения им имущественных благ» [2. С. 23–26]. Исходя из этого, С.А. Елисеев указывал, что корыстная преступность состоит из двух групп преступлений. Первую группу составляют преступления, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера (прежде всего преступления против социалистической и личной собственности). Вторую группу корыстной преступности, по мнению исследователя, составляют те, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить имущественную выгоду путем нарушения социалистического принципа распределения материальных благ по труду (стремлением удовлетворить свои материальные потребности за счет общества в целом, общественно-полезной деятельности других людей) [2. С. 26–30]. С.А. Елисеев предложил и другие классификации корыстных преступлений: по способу совершения; по типу местности и разновидности населенных пунктов; по социально-ролевым и социально-демографическим признакам лиц, совершающих корыстные преступления; по признаку рецидива; по особенностям мотивационного процесса; по объекту посягательства [2. С. 31–32].

На кафедре уголовного права Томского государственного университета Сергей Александрович стал работать с 1985 г., продолжая заниматься криминологическими исследованиями преступлений против собственности. В 1991 г. С.А. Елисеев в соавторстве с Л.М. Прокументовым подготовили учебное пособие, в котором проанализировали общеуголовные корыстные преступления, определили основные тенденции общеуголовной корыстной преступности [3. С. 5–27]; дали криминологическую характеристику краж, грабежей, разбоев и мошенничества [3. С. 28–50]; составили криминологическую характеристику осужденных за кражи, грабежи, разбой и мошенничество [3. С. 51–81]; обобщили практику применения мер уголовной ответственности к лицам, совершившим кражи, грабежи, разбой и мошенничество; сформулировали рекомендации по совершенствованию деятельности правоохранительных органов [3. С. 82–120]. Таким образом, С.А. Елисеев в начале своей научной деятельности занимался криминологическими исследованиями.

Состоявшись как ученый-криминолог, С.А. Елисеев продолжил исследовать юридические нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на собственность, обосновывая предложения по совершенствованию теории уголовного права, а также действующего на тот момент законодательства. Учитывая то, что не было разработано понятие преступления против собственности, не было единства в понимании объекта этого преступления, в литературе должным образом не были изучены правовые конструкции и юридические понятия, предусмотренные гл. 21 УК РФ, отсутствовала единая трактовка объективных и субъективных признаков преступлений против собственности, С.А. Елисеев определил преступление против собственности как «предусмотренное в УК РФ виновное общественно опасное деяние, нарушающее посредством противоправного изъятия имущества из обладания собственника, его правомочия по владению, пользованию, распоряжению имуществом, лишшающее собственника блага извлечения полезных свойств из принадлежащего ему объекта собственности» [4. С. 29], проанализировал виды преступлений против собственности [4. С. 29–62], место

норм о преступлениях против собственности в Особенной части уголовного законодательства [4. С. 62–88], определил основные направления совершенствования законодательного построения составов преступлений против собственности в части оптимизации законодательного описания объективной стороны преступлений [4. С. 89–123], совершенствования законодательного определения субъективной стороны преступлений [4. С. 124–149], усовершенствования системы квалифицирующих признаков [4. С. 149–174].

С.А. Елисеев показал и эволюцию законодательных решений, раскрыл логику построения уголовно-правовых запретов, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против собственности, проанализировав российское уголовное законодательство XI–XVII вв. [5. С. 5–24], Российской империи [5. С. 25–79], советского времени [5. С. 80–118].

Итогом проделанной работы стала успешная защита С.А. Елисеевым 25.06.1999 г. в диссертационном совете ТГУ диссертации «Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование)» на соискание ученой степени доктора юридических наук [6].

Сергей Александрович и после защиты докторской диссертации продолжил историческое исследование состояния корыстной преступности в различные периоды развития российского общества, установил зависимость между динамикой корыстных преступлений и социальными процессами на соответствующем этапе развития общества, выявил ее детерминанты и описал меры ее предупреждения [7. С. 19–23].

Таким образом, научные интересы Сергея Александровича затрагивали обширный круг уголовно-правовых и криминологических проблем истории и теории ответственности за преступления против собственности, причин имущественной преступности, личности корыстного преступника. Профессор С.А. Елисеев – автор более 100 научных и учебно-методических работ, среди которых: «Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений» (Томск: Изд-во ТГУ, 1986); «Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории)» (Томск: Изд-во ТГУ, 2000); «Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России» (Томск: Изд-во ТГУ, 2005); «Имущественная преступность в России XIX–XX веков» (Томск, 2011) и др. Исследования профессора С.А. Елисеева существенно углубили представления о социальной обусловленности норм об ответственности за преступления против собственности, механизме предупреждения этих преступлений. Результаты его исследований легли в основу ряда научных разработок других авторов, нашли отражение в уголовном законодательстве России.

Под руководством Сергея Александровича Елисеева подготовлено и успешно защищено 7 кандидатских диссертаций, в которых исследуются проблемы уголовной ответственности за совершение отдельных преступлений против собственности, должностных преступлений (В.М. Вьюнов, С.М. Будатаров, И.П. Галыгина, А.В. Сухоносенко, В.А. Смирнов, М.А. Тыняная, К.Ю. Логинова).

Сергей Александрович Елисеев был бессменным ученым секретарем диссертационного совета ТГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций, регулярно выступал в качестве официального оппонента, был членом редакционной коллегии журнала «Вестник Томского государственного университета. Право», сборников научных статей «Материалы Российского конгресса уголовного права» (г. Москва), «Правовые проблемы укрепления Российской государственности» (г. Томск), «Российское правоведение: трибуна молодых ученых» (г. Томск).

Состоявшись как ученый, С.А. Елисеев состоялся и как преподаватель. Многим поколениям студентов и выпускников Юридического института (ранее – юридического факультета) на всю жизнь запомнилась его особая манера чтения лекций и проведения семинарских занятий по курсу «Уголовное право. Особенная часть». За годы работы в университете С.А. Елисеев участвовал в подготовке более 5 тысяч специалистов, 500 магистров, получивших дипломы о высшем образовании, руководил научным студенческим кружком по уголовному праву.

Профессор Елисеев проявил себя и как опытный руководитель исследовательской работы студентов, магистрантов и аспирантов, умелый организатор учебного процесса. Более 20 лет заведя кафедрой уголовного права, возглавляя Отделение многоуровневой подготовки Юридического института (с сентября 2001 г. по март 2013 г.), Сергеем Александровичем была проделана значительная работа по формированию кадрового состава кафедры, магистратуры, внедрению активных форм и методов обучения, компьютерных технологий в учебный процесс. Благодаря С.А. Елисееву в Томском государственном университете проведена большая работа по разработке учебных планов подготовки бакалавров и магистров, лицензированию и аккредитации бакалавриата и магистратуры по направлению «Юриспруденция», а также подготовке и изданию учебных, учебно-методических пособий и курсов лекций для студентов магистратуры [8, 9].

Нельзя не отметить и огромный вклад профессора Елисеева в дело подготовки высококвалифицированных специалистов в других вузах Сибири и страны в целом. С июня 2001 г. по декабрь 2011 г. С.А. Елисеев был председателем ГАК юридического факультета Алтайского государственного университета, непосредственно участвовал в государственной аттестации более 1000 выпускников. В качестве эксперта Минобрнауки РФ работал в составе комиссий по лицензированию и аккредитации ряда российских вузов, а с 2009 г. – в составе секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию вузов РФ.

С.А. Елисеев – лауреат конкурса Томской области в сфере образования и науки (1996 и 2019 гг.), лауреат премии Томского государственного университета за высокие достижения в науке (2000 и 2012 гг.). Заслуги профессора С.А. Елисеева были отмечены медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1971 г.), медалью «За заслуги перед ТГУ» (2003 г.), медалью «400 лет Томску» (2004 г.), знаком «Почетный работник

высшего профессионального образования» (2003 г.), медалью Минюста России «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2006 г.), грамотой губернатора Томской области (2020 г.), благодарностями и грамотами ректора Томского государственного университета.

Список источников

1. Елисеев С.А. Личность корыстного преступника. Ее криминологическое и уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1980. 18 с.
2. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 110 с.
3. Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 122 с.
4. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 176 с.
5. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 121 с.
6. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1999. 337 с.
7. Елисеев С.А. Имущественная преступность в России XIX–XX веков (основные черты, концепции причин, предупреждения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. 112 с.
8. Особенная часть уголовного права Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. С.А. Елисеева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 138 с.
9. Елисеев С.А. Преступления против собственности : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 192 с.

References

1. Eliseev, S.A. (1980) *Lichnost' korystnogo prestupnika. Ee kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe znachenie* [The profile of the profit-driven offender. Its criminological and criminal law significance]. Law Cand. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
2. Eliseev, S.A. (1989) *Voprosy teorii i praktiki preduprezhdeniya korystnykh prestuplenii* [Issues of theory and practice of preventing profit-driven offences]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Eliseev, S.A. & Prozumentov, L.M. (1991) *Obshcheugolovnyye korystnyye prestupleniya: kriminologicheskaya kharakteristika, ugovolnaya otvetstvennost'* [Common profit-driven offences: Criminological characteristics, criminal liability]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii)* [Crimes Against Property under the Criminal Legislation of Russia (Theoretical Issues)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Eliseev, S.A. (2005) *Prestupleniya protiv sobstvennosti v istorii ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii* [Crimes Against Property in the History of Russian Criminal Legislation]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii (istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* [Crimes Against Property under the Criminal Legislation of Russia (Historical-Theoretical Research)]. Law Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
7. Eliseev, S.A. (2021) *Imushchestvennaya prestupnost' v Rossii XIX–XX vekov (osnovnye cherty, kontseptsii prichin, preduprezhdeniya)* [Property Crime in Russia in the 19th–20th Centuries (Main Features, Concepts of Causes, Prevention)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Eliseev, S.A. (ed.) (2013) *Osobennaya chast' ugovolnogo prava Rossiiskoy Federatsii* [Special Part of Criminal Law of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Eliseev, S.A. (2018) *Prestupleniya protiv sobstvennosti: kurs lektsii* [Crimes Against Property: A Course of Lectures]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Ольховик Н.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Olkhovik, docent, Cand. Sci. (Law), head at the Department of Criminal Law, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.97

doi: 10.17223/23088451/26/2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА

Александр Викторович Шеслер¹, София Сергеевна Шеслер²

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru
² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, sofish@inbox.ru

Аннотация. Анализируются основные криминологические работы доктора юридических наук, профессора С.А. Елисеева, более двадцати лет заведовавшего кафедрой уголовного права Томского государственного университета. Утверждается, что С.А. Елисеев первоначально состоялся в науках криминального цикла именно как ученый-криминолог. Выделяется авторский подход ученого к исследованию корыстной преступности с позиций доминирующего в 1970–1980-е гг. представления о предмете криминологии, в который входят преступность, представляющая совокупность преступлений, совершенных на определенной территории, в определенный промежуток времени, личность преступников, совершивших эти преступления, их причины и условия, предупреждение преступлений. Установлено, что в основу выделения корыстной преступности ученый положил корыстный мотив, по которому совершаются корыстные преступления, представляющий стремление виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера. Отмечается осуществленная ученым характеристика основных статистических показателей корыстной преступности в досоветский и советские периоды российского общества (состояния, структуры, динамики, вреда, тенденций), причин и условий корыстной преступности, обуславливающих сохранение корысти, криминологического «портрета» личности корыстного преступника, а также характеристика типов корыстных преступников (прежде всего злостных и случайных). Отмечается, что в качестве основного объекта предупреждения корыстной преступности исследователь указывает социальную среду, формирующую корыстную мотивацию на совершение преступлений либо способствующую ее сохранению или проявлению.

Ключевые слова: корыстная преступность, причины и условия корыстной преступности, личность корыстного преступника, предупреждение корыстной преступности

Для цитирования: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминологическое наследие профессора С.А. Елисеева // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 9–13. doi: 10.17223/23088451/26/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/2

PROFESSOR SERGEY A. ELISEEV: HIS CRIMINOLOGICAL LEGACY

Alexander V. Shesler¹, Sofya S. Shesler²

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, sofish@inbox.ru
² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, sofish@inbox.ru

Abstract. This analysis examines the principal criminological works of Doctor of Juridical Sciences, Professor Sergey A. Eliseev, who headed the Department of Criminal Law at Tomsk State University for over two decades. It establishes that Professor Eliseev initially made his mark in the criminal sciences precisely as a criminologist. The study highlights the author's distinctive approach to researching profit-driven crime, which was grounded in the predominant understanding of criminology's subject matter during the 1970s–1980s. This paradigm encompassed crime as an aggregate of offenses committed within a specific territory and timeframe, the personality of offenders, the causes and conditions of crime, and its prevention. It is established that the scholar based his delineation of profit-driven crime on the core motive of material gain—the offender's pursuit of unlawful property benefit. The analysis notes his comprehensive characterization of key statistical indicators of profit-driven crime in pre-Soviet and Soviet Russian society (including its scale, structure, dynamics, impact, and trends), its causes and conditions, and a criminological "portrait" of the profit-driven offender, including a typology distinguishing primarily between habitual and situational offenders. Finally, the work notes the researcher's conclusion that the primary focus for preventing profit-driven crime should be the social environment which forms, sustains, or facilitates the criminal motivation for material gain.

Keywords: profit-driven crime, causes and conditions of profit-driven crime, profile of the profit-driven offender, prevention of profit-driven crime

For citation: Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2025) Professor Sergey A. Eliseev: His criminological legacy. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 9–13. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/2

Сергей Александрович Елисеев был одним из тех преподавателей-исследователей, кто внес заметный вклад в развитие криминологических исследований в Томском государственном университете. По сути, С.А. Елисеев состоялся первоначально в науке именно как ученый-криминолог.

Основным объектом его исследований как криминолога была корыстная преступность, представленная прежде всего преступлениями против собственности. Такой научный интерес ученого был вполне оправдан, так как более половины всех регистрируемых преступлений в бывшем СССР составляла именно корыстная преступность.

Эти исследования характеризовались доминирующим в криминологической науке подходом, в соответствии с которым изучение любого вида преступности включало в себя четыре элемента, составляющих предмет криминологии, а именно: преступность, представляющую совокупность преступлений, совершенных на определенный территории и в определенный промежуток времени, личность преступников, совершивших эти преступления, их причины и условия, предупреждение преступлений.

В основу выделения корыстной преступности С.А. Елисеев положил понятие корыстного мотива, по которому совершаются преступления, образующие корыстную преступность. Под корыстным мотивом исследователь понимал побуждение, выражающее стремление виновного к нетрудовой имущественной выгоде для себя или других лиц, в судьбе которых он заинтересован [1. С. 23–26]. Данный мотив он отличал от корыстной цели, состоящей в субъективном образе желаемого преступником результата в виде незаконного получения им имущественных благ. Корыстная цель вместе с корыстным мотивом, по мнению С.А. Елисеева, составляла психологический механизм преступления, его корыстной мотивации [1. С. 25–26].

На основе такого вывода исследователь утверждал, что корыстную преступность составляют две группы преступлений: те, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера (прежде всего преступления против социалистической и личной собственности), и те, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить имущественную выгоду путем нарушения социалистического принципа распределения материальных благ по труду (стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет общества в целом, общественно-полезной деятельности других людей) [1. С. 26–30].

Классификацию корыстных преступлений как типового криминологического явления ученый осуществлял по различным основаниям, а именно: по способу, выделяя насильственные и ненасильственные преступления (исходя из применения или неприменения физического либо психического насилия к потерпевшим при реализации корыстного мотива); по типу местности и разновидности населенных пунктов (совершаемые в сельской местности, в городе, поселках городского типа и т.д.); по социально-ролевым и социально-демографическим

признакам лиц, совершающих корыстные преступления (совершаемые мужчинами, женщинами, несовершеннолетними, использующими служебное положение и т.д.); по признаку рецидива (впервые совершенные и совершенные рецидивистами); по особенностям мотивационного процесса (с ситуативной корыстной мотивацией и устойчивой корыстной мотивацией); по объекту посягательства (имущественные корыстные преступления и иные) [1. С. 31–32].

В целом, классификация корыстных преступлений по выделенным основаниям возражений не вызывает. Однако вряд ли можно согласиться с их разделением на ненасильственные и насильственные, так как последние совершаются со смешанной мотивацией (корыстно-насильственной) и образуют самостоятельный вид преступности – корыстно-насильственную преступность.

Особый интерес представляли выводы С. Елисеева об общественной опасности корыстной преступности, которую автор применительно к советскому периоду усматривал в значительном имущественном ущербе социалистической экономике, гражданам, в социально-психологическом ущербе, нарушающем принцип распределения имущественных благ в социалистическом обществе по труду, а также в сохранении в советском обществе несвойственных ему взглядов на удовлетворение материальных потребностей за счет общественно полезного труда законопослушных граждан [1. С. 3–6, 28–29].

Весьма поучительно для государства, как основного субъекта специального предупреждения корыстной преступности, историческое исследование С.А. Елисеева о ее состоянии в различные периоды развития российского общества. Так, говоря об особенностях этой преступности в царской России, исследователь подчеркивал, что такая ее часть, как имущественная преступность, составляла наибольший удельный вес в общей структуре зарегистрированной преступности, что составляющие ее преступления совершались в основном мужчинами, находившимися в социально активном возрасте (до 40 лет), рецидивистами, лицами, занятыми сельскохозяйственным трудом.

Ученый установил зависимость между динамикой таких преступлений и социальными процессами в царской России. Он отмечал, что в период Первой мировой войны возросло число краж в городах и снизилось в деревнях, заметно уменьшилось число грабежей и разбоев. Данное обстоятельство он связал с мобилизацией в армию мужчин социально активного возраста и их заменой в промышленной сфере подростками и женщинами, в том числе из сельской местности, которые были склонны в большей мере, чем мужчины, к совершению корыстных ненасильственных преступлений [2. С. 4–12].

Достаточно объективной и критичной была оценка С.А. Елисеевым состояния корыстной преступности, ее причин и мер противодействия ей в советский период. С одной стороны, исследователь отмечал позитивные тенденции в корыстной преступности, ее сокращение в 1950–1960-е гг., обусловленное позитивными социальными изменениями в послевоенное время [2. С. 20–21; 3. С. 14–15; 4. С. 85–89].

С другой стороны, он указал на очевидные ошибки государства в борьбе с корыстными преступлениями и на заметный рост корыстных преступлений со второй половины 1980-х гг. К числу ошибок он отнес прежде всего чрезмерно суровую карательную политику в отношении совершивших хищения социалистической собственности и снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет [2. С. 19, 22–23; 3. С. 14–15].

Усиление суровости карательной политики связано с принятым 7 августа 1932 г. Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предусматривавшим лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах – расстрел виновного с конфискацией его имущества (в памяти народной оно осталось как «Закон о трех колосках» и «Указ 7-8»). Суровость такой политики проявилась в том, что свыше половины расхитителей были осуждены к длительным срокам лишения свободы при незначительных размерах хищения. Вынужденный характер такой меры в Постановлении объяснялся тем, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна. Соответственно, люди, покушающиеся на общественную собственность, рассматривались как враги народа.

Снижение возраста уголовной ответственности было установлено Постановлением ЦИК и СНК от 5 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» за кражу, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство. Необходимость принятия этого Постановления объяснялась целью «быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних». Безусловно, такая позиция вытекала из преувеличения силового воздействия на преступность и недооценки общесоциальных мер, связанных с улучшением условий жизни подрастающего поколения.

Помимо заметного роста корыстной преступности автор констатировал наличие в ней целого ряда негативных тенденций. В частности, в работах С.А. Елисеева указывалось на увеличение среди осужденных за корыстные преступления числа рецидивистов (ранее осужденных за аналогичные преступления), несовершеннолетних, женщин, совершивших кражи личного имущества, сельских жителей, осужденных за кражи социалистического имущества, лиц, осужденных за групповые хищения, лиц, совершивших хищения при квалифицирующих признаках (с проникновением в квартиру, помещение или иное хранилище и т.д.), лиц, совершивших корыстно-насильственные преступления (насильственные грабежи, разбой, вымогательство), лиц, совершивших преступления по примитивным мотивам потребительского характера (например, по мотиву достать средства на спиртное) [2. С. 24–38].

Причины существования корыстной преступности исследователь увязал как с негативными явлениями в социальной среде, в которой формируется личность

преступника, так и со сформированной корыстной мотивацией лиц, совершивших такие преступления. Соответственно, ученый выделял причины корыстной преступности в целом, вытекающие из противоречий общественного развития и обуславливающие сохранение такого негативного социально-психологического явления, корысть, стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет труда других людей, общества, и причины конкретного корыстного преступления, обусловленного корыстной мотивацией, сформированной под влиянием ближайшего социального окружения [1. С. 68–92].

Такой вывод автор сделал при тщательном изучении подходов к объяснению обуславливания преступности учеными как дореволюционного, так и советского периода. Причем С.А. Елисеев бережно отнесся к криминологическому наследию прошлого, воздав должное вкладу в развитие криминологической мысли каждого из ученых независимо от приверженности его определенным концепциям причин преступности (социальной, биосоциальной, объективного или субъективного детерминизма и т.д.) [2. С. 39–92].

Следует обратить также внимание на достаточно емкое описание С.А. Елисеевым личности преступников, совершивших преступления по корыстным мотивам. Криминологический «портрет» такой личности исследователь дает через ее социальные и нравственно-психологические характеристики. В его исследованиях отмечался большой удельный вес лиц, не занятых общественно-полезным трудом (не работавших и не учившихся), причем в трудоспособном возрасте (до 40 лет), не имеющих постоянного места жительства и ранее осужденных за корыстные преступления; преобладание среди работавших преступников лиц с низкой профессиональной квалификацией и занятых низкоквалифицированным трудом, а также лиц, не состоящих в браке (лишь треть из осужденных имели семью).

Отмечая высокий образовательный уровень корыстных преступников (лишь 5% из них имели только начальное образование или были малограмотными), исследователь справедливо указывает, что сам по себе низкий образовательный уровень не имеет криминогенного значения, и, напротив, высокий образовательный уровень имеет антикриминогенное значение только в сочетании с высоконравственным развитием личности [1. С. 36–43].

Ценность такой социальной характеристики корыстных преступников состоит в том, что она позволяет, во-первых, субъектам предупреждения корыстной преступности выявить категории лиц, которые должны быть преимущественно объектом предупредительного воздействия, во-вторых, обратить внимание на основные криминогенные и антикриминогенные факторы такой преступности, на которые, соответственно, должно оказываться предупредительное воздействие или на которые такое воздействие должно опираться.

Проанализировав нравственно-психологический облик корыстного преступника, С.А. Елисеев приходит к выводу о том, что его основу составляет паразитизм,

стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет членов общества, труда других людей [1. С. 43–50; 5. С. 8–13]. Такой подход объясняет причину формирования конкретного корыстного преступления, которая воплощается в корыстной мотивации.

Особенности различных корыстных мотивов стали для ученого теоретической основой для классификации корыстных преступников на случайных и злостных. Случайных преступников он характеризует как лиц с общей положительной направленностью, совершивших корыстные преступления под сильным влиянием конкретной жизненной ситуации (неожиданной, экстраординарной, неблагоприятной и затяжной). Злостных преступников ученый характеризует как лиц с устойчивым паразитизмом, укоренившейся, осознанной установкой на удовлетворение своих материальных потребностей за счет членов общества, труда других людей [1. С. 43–50].

Достаточно спорным, но вызывающим научный интерес представляется выделение промежуточной группы корыстных преступников между случайными и злостными преступниками. Автор характеризует их как лиц, совершающих корыстные преступления под воздействием благоприятной для этого ситуации [1. С. 36–43]. Полагаем, что исследователь не указал этим достаточно четких критериев отличия таких ситуативных преступников от преступников случайных, так как и те и другие преступники совершают преступления под воздействием конкретной жизненной ситуации, способствующей проявлению их корыстной мотивации.

Логичным является подход С.А. Елисеева к предупреждению корыстной преступности. В связи с тем что он рассматривал социум как среду, в которой формируется личность преступника, в качестве объекта предупредительного воздействия в его исследованиях указывались причины и условия корыстной преступности. Исходя из этого, ученый отмечал необходимость улучшения материального благосостояния советских людей, которое должно быть тесно увязано с их позитивным нравственным воспитанием, формированием духовных и разумных материальных потребностей.

Поскольку субъективным источником конкретного корыстного преступления является стремление виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера за счет других людей, общества в целом (корыстная мотивация), которое проявляется под воздействием конкретных жизненных обстоятельств (способствующих или провоцирующих совершение корыстного

преступления), ученый указывал на необходимость предупредительных мер в отношении личности корыстного преступника и указанных обстоятельств.

Среди мер предупреждения, которые должны воздействовать на ликвидацию корыстной мотивации преступников и лиц, склонных к совершению корыстных преступлений, исследователь указывал на борьбу с уклонением их от трудовой деятельности (тунеядством), бродяжничеством, попрошайничеством, ведением ими иного паразитического образа жизни, пьянством. В его исследованиях справедливо подчеркивалось, что такая предупредительная работа должна проводиться с учетом личности, в частности, с учетом того, что корыстная мотивация у них может отличаться по глубине (быть стойкой или нестойкой) и направленности (в виде стремления получить нетрудовую выгоду имущественного характера или в виде стремления получить имущественную выгоду путем нарушения социалистического принципа распределения материальных благ по труду).

Особое внимание в его работах обращалось на предупреждение рецидива преступлений в отношении лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений, половина из которых отбывали наказание в виде лишения свободы именно за корыстные преступления. Отмечалось, что для закрепления результатов исправительного воздействия этим лицам необходимо оказать помощь в решении сложных жизненных проблем, связанных с поиском жилья, устройством на работу, восстановлением социально полезных связей, прежде всего с семьей.

Предупредительное воздействие на конкретные жизненные обстоятельства (способствующие или провоцирующие совершение корыстного преступления) ученый связывал прежде всего с участием в предупреждении преступности общественности, составлявшей в советский период основу политической системы советского общества (воспитательное воздействие трудового коллектива, общественных организаций) [1. С. 94–109].

Подводя итог анализу криминологических исследований С.А. Елисеева, можно сделать вывод о том, что они составили хорошую основу для исследования особенностей корыстной преступности и ее отдельных видов не только в позднесоветский, но и в постсоветский период, причем как с точки зрения методики изучения этой преступности, так и с точки зрения конкретных научных результатов.

Список источников

1. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 110 с.
2. Елисеев С.А. Имущественная преступность в России XIX–XX веков (основные черты, концепции причин, предупреждения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. 112 с.
3. Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 122 с.
4. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1999. 337 с.
5. Елисеев С.А. Личность корыстного преступника. Ее криминологическое и уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1980. 18 с.

References

1. Eliseev, S.A. (1989) *Voprosy teorii i praktiki preduprezhdeniya korystnykh prestuplenii* [Issues of theory and practice of preventing profit-driven offences]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Eliseev, S.A. (2021) *Imushchestvennaya prestupnost' v Rossii XIX–XX vekov (osnovnye cherty, kontseptsii prichin, preduprezhdeniya)* [Property Crime in Russia in the 19th–20th Centuries (Main Features, Concepts of Causes, Prevention)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Eliseev, S.A. & Prozumentov, L.M. (1991) *Obshcheugolovnye korystnye prestupleniya: kriminologicheskaya kharakteristika, ugolovnaya otvetstvennost'* [Common profit-driven offences: Criminological characteristics, criminal liability]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii (istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* [Crimes Against Property under the Criminal Legislation of Russia (Historical-Theoretical Research)]. Law Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
5. Eliseev, S.A. (1980) *Lichnost' korystnogo prestupnika. Ee kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe znachenie* [The profile of the profit-driven offender. Its criminological and criminal law significance]. Law Cand. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер С.С. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия) E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

S.S. Shesler, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of State-Legal Disciplines and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.346.24

doi: 10.17223/23088451/26/3

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С «ОПАСНЫМ ВОЖДЕНИЕМ»
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДОРОГАХ

Игорь Сергеевич Дроздов¹, Ольга Евгеньевна Федякова²

¹ Дальневосточный юридический институт, Владивосток, Россия, ig.drozdov@bk.ru

² Университет прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Россия, bloody_sky@mail.ru

Аннотация. Проанализированы уголовно-правовые нормы ст. 267¹ и 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие составы преступлений, предусматривающие ответственность за хулиганские действия участников дорожного транспорта, и некоторые связанные с этим институтом нормы уголовного законодательства о хулиганских действиях, совершаемых участниками дорожного движения. Рассматриваются первопричины введения данной нормы и проблемные вопросы регулирования и практики применения, а также предлагаются пути совершенствования уголовно-правовых средств, направленных на борьбу с автотранспортными преступлениями, совершаемыми на дорогах.

Ключевые слова: безопасность движения, эксплуатация транспорта, опасное вождение, хулиганские побуждения, протест прокурора

Для цитирования: Дроздов И.С., Федякова О.Е. Уголовно-правовые средства борьбы с «опасным вождением» как инструмент обеспечения безопасности на дорогах // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 14–20. doi: 10.17223/23088451/26/3

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/3

CRIMINAL LAW MEASURES AGAINST "DANGEROUS DRIVING"
AS A TOOL FOR ENSURING ROAD SAFETY

Igor S. Drozdov¹, Olga E. Fedyakova²

¹ Far Eastern Institute of Law, Vladivostok, Russian Federation, ig.drozdov@bk.ru

² University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation, bloody_sky@mail.ru

Abstract. Article 267¹ of the Criminal Code of the Russian Federation is undoubtedly a significant instrument for ensuring the safety of the transport system. However, for its effective application, it is necessary to address existing shortcomings and problems related to its broad interpretation and ambiguous wording. Otherwise, the article risks being transformed from a means of protection against hooligan threats into an instrument of excessive criminalization and unjustified prosecution. Currently, law enforcement agencies have the possibility to apply Article 267¹ of the Criminal Code of the Russian Federation in cases where an individual's actions constitute dangerous driving motivated by hooliganism, but have not resulted in the consequences specified in Article 264 (i.e., grievous bodily harm or death). To address gaps in enforcement practice concerning actions that threaten the safe operation of motor vehicles, it is proposed that amendments be made to the legal structure of Article 264, while the actual application of Article 267¹ should remain within the legislative intent regarding the operation of other modes of transport. Specifically, the authors propose introducing an additional qualifying element into Part 2 of Article 264, wording it as follows: "committed by a person out of hooligan motives, expressed through dangerous driving." While this formulation is a step in the right direction, its effective practical application requires further clarification and the development of implementation mechanisms. It is essential to ensure unambiguous and objective criteria for defining "dangerous driving" and assessing the degree of threat. This situation clearly illustrates how even minor errors in legal drafting can significantly distort legislative intent and lead to outcomes different from those originally envisaged when the norm was created, thereby underscoring the critical importance of meticulous elaboration in legislative acts.

Keywords: traffic safety, transport operation, dangerous driving, hooligan motives, prosecutor's protest

For citation: Drozdov, I.S. & Fedyakova, O.E. (2025) Criminal law measures against "dangerous driving" as a tool for ensuring road safety. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 14–20. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/3

На заседании межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации 11.09.2025 отмечена необходимость внесения ряда новаций в уголовное и административное законодательство, предусматривающих усиление ответственности за совершение отдельных видов правонарушений в сфере дорожного движения, создающих угрозу жизни и здоровью водителей, а также пешеходов [1].

Подобная инициатива, высказанная конституционным совещательным органом, осуществляющим содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, очевидно обусловлена удовлетворительной оценкой современного состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

За период реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.01.2018 № 1-р, количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) относительно 2017 г. снизилось на 22,1% (с 169 432 до 132 037), число погибших – на 24,5% (с 19 088 до 14 403), раненых – на 23,5% (с 215 374 до 164 754) [2].

Однако если обратиться к статистическим данным Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУОБДД МВД России), в период с 2022 по 2024 годы отмечается устойчивый восходящий тренд общего числа зафиксированных фактов несоблюдения правил дорожного движения (ПДД). Если в 2022 г. было зарегистрировано более 128 338 тыс. правонарушений, то к концу 2024 г. данный показатель увеличился на 16,4% и составил более 149 386 тыс. [3].

Наряду с увеличением числа нарушений ПДД наблюдается также рост количества ДТП. Согласно данным ГУОБДД МВД России, в 2022 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 126 705 происшествий, тогда как к 2024 г. этот показатель увеличился до 132 037, или +4,2%.

Особую обеспокоенность вызывают статистические показатели случаев ДТП, произошедших по вине водителей транспортных средств, нарушивших ПДД. В 2022 г. зарегистрировано более 111 тыс. таких происшествий, а в 2024 г. – свыше 117 тыс., или +4,9%. При этом количество погибших в результате ДТП увеличилось с 11 927 до 12 352, а количество получивших травмы – с 145 421 до 151 096 [3].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о комплексной проблеме с обеспечением безопасности на дорогах страны, требующей разработки и внедрения эффективных мер, направленных на снижение количества нарушений ПДД, аварийности и минимизации их последствий. В этой связи ключевой задачей является обеспечение неотвратимости наказания за нарушения ПДД посредством усиления контроля и совершенствования механизмов привлечения к ответственности злостных правонарушителей.

В настоящее время в социальных сетях и кроссплатформенных мессенджерах часто публикуются видеоролики, где обладатели дорогостоящих автомобилей демонстрируют рискованную езду, показывая пренебрежение к правилам и другим участникам движения, а также к административным взысканиям. Это может говорить о преднамеренном характере таких действий.

Игнорирование правил дорожного движения, демонстрация возможностей автомобиля и мнимого превосходства в уровне управления последним представляют серьезную опасность для окружающих.

В законодательстве Российской Федерации термин «опасное вождение» при управлении транспортным средством введен с 2016 г. [4]. Согласно поправкам, внесенным в п. 2.7 правил дорожного движения РФ, под опасным вождением понимается неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий, если эти действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба. Перечень таких действий в законе исчерпывающий.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на законодательное закрепление понятия, административная ответственность за него на текущий момент не предусмотрена.

Законодателем предпринимались попытки легитимировать административную ответственность за опасное вождение [5], однако данная работа ограничилась лишь стадией законопроекта.

Важно отметить, что вопрос об ответственности за опасное вождение не исчерпывается лишь административной плоскостью. С учетом потенциальной тяжести последствий, к которым могут привести действия, квалифицируемые как опасное вождение, не теряет своей актуальности и вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности в случаях, когда такие действия совершены из хулиганских побуждений, в том числе повлекли вред здоровью иным участникам дорожного движения. В этой связи представляется весьма актуальным дальнейшее изучение и проработка предложений, направленных на совершенствование нормативно-правовой базы в отношении как административной, так и уголовной ответственности за опасное вождение.

Пренебрежительное отношение к правилам дорожного движения, демонстративное игнорирование норм безопасности и систематическое нарушение ПДД могут свидетельствовать о хулиганских мотивах лица, совершающего такие деяния. В подобных случаях, когда действия водителя явно направлены на создание опасной ситуации на дороге, проявление неуважения к обществу и игнорирование прав других участников дорожного движения, возможно применение ст. 267¹ УК РФ [6].

Еще в 2017 г. законодателем рассмотрена и введена Федеральным законом от 03.04.2017 № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Феде-

рации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» статья ст. 267¹, предусматривающая ответственность за совершение действий из хулиганских побуждений, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

В первую очередь, введение данной статьи стало отправной точкой в борьбе с актами незаконного вмешательства в работу транспортной инфраструктуры, а также первым шагом в борьбе с новыми вызовами безопасности на транспорте и ужесточением ответственности за противоправные действия, дестабилизирующие функционирование транспортной системы. Несмотря на это, практика применения ст. 267¹ УК РФ выявила ряд сложностей и пробелов, требующих дальнейшего законодательного совершенствования и комплексного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения.

Проведя ретроспективный анализ, установлено, что еще 01.07.2011 возникла острая необходимость внесения отдельной нормы, предусматривающей ответственность за хулиганские действия на транспорте, что было продиктовано различными инцидентами на авиатранспорте, получившими широкую общественную огласку.

В целях повышения гарантий безопасности граждан законодателем подготовлен законопроект, в котором предлагалось дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой ст. 213¹, установив уголовную ответственность за действия, совершаемые из хулиганских побуждений, угрожающие безопасности эксплуатации транспортных средств [7].

Однако в решении комиссии Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 07.10.2011 указано о необходимости доработки проекта ст. 213¹ УК РФ, поскольку в ней отсутствует указание на конкретные действия, составляющие объективную сторону состава данного преступления. Законодатель посчитал, что в случае принятия законопроекта в представленной редакции может возникнуть конкуренция норм – проектной ст. 213¹ УК РФ со ст. 213 УК РФ, а также со статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающихся действий, угрожающих безопасности движения на различных видах транспорта, таких как железнодорожный, воздушный и водный, включая метрополитен.

Данная норма не была введена в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» в качестве ст. 213¹ УК РФ, а введена в конечном варианте указанного законопроекта в гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» в виде ст. 267¹ УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств».

Стоит подчеркнуть, что объективная сторона ст. 267¹ УК РФ в окончательной редакции практически полностью идентична проектной части первой ст. 213¹ УК РФ.

Однако, на наш взгляд, только лишь включение статьи в главу о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта недостаточно для устранения проблематики конкуренции ст. 213 и 267¹

УК РФ, фактически правоприменительно досталась довольно «сырая» норма.

Более того, статистические данные, как основа для определения устойчивых тенденций применения нормы права, демонстрируют неэффективное применение введенной новеллы уголовного закона в борьбе с острым социальным явлением – хулиганством на дорогах.

Несмотря на то что судебная практика по ст. 267¹ УК РФ фактически отсутствует ввиду криминализации этого деяния в 2017 г., количество осужденных по данной статье составило: в 2008 г. – 5 лиц; в 2019 г. – 3; в 2020 г. – 1; в 2021 г. – 2; в 2022 г. – 3; в 2023 г. – 2; в 2024 г. – 8 лиц [8].

Анализ статистических данных позволяет выявить два ключевых аспекта, ставящих под вопрос эффективность применения ст. 267¹ УК РФ. Во-первых, крайне ограниченное количество осужденных по данной статье не позволяет сделать вывод о ее широком использовании в правоприменительной практике. Во-вторых, непредсказуемый характер динамики количества осужденных, характеризующийся отсутствием четкой тенденции, может свидетельствовать о проблемах в единообразном понимании и применении данной нормы, что, в свою очередь, подрывает ее эффективность как инструмента уголовно-правового воздействия.

Немногочисленная правоприменительная практика в данной сфере свидетельствует, прежде всего, о ее целевом введении в рамках уголовно-наказуемого деяния, она направлена изначально на пресечение хулиганских действий, совершаемых на борту воздушного судна.

Объектом преступления выступают условия безопасности движения или эксплуатации транспортных средств [9. С. 187].

Согласно п. 11 ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», транспортные средства – это устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами [10]. Вид транспорта в законе не указан, однако, анализируя вышеуказанный закон, становится понятно, что он включает в себя: автомобильный транспорт; воздушные суда; суда, используемые в целях торгового мореплавания; суда, используемые на внутренних водных путях и железнодорожный подвижной состав, а также транспортные средства городского наземного электрического транспорта.

Объективная сторона выражается в действиях, характеристика которых законодателем связывается лишь с двумя обстоятельствами: во-первых, они должны угрожать безопасной эксплуатации транспортных средств; во-вторых, совершаться из хулиганских побуждений.

Хотя объективная сторона преступления не требует, чтобы хулиганские действия совершались непосредственно на транспортном средстве, ключевым элементом состава преступления является создание угрозы безопасности его эксплуатации. В этой связи особое значение приобретает правильное понимание термина «эксплуатация».

Если под эксплуатацией понимать широкий спектр действий, включающих как функционирование, так и движение транспортного средства, то под действие ст. 267¹ УК РФ подпадает широкий круг деяний. В противном случае, если ограничиться узким толкованием термина, исключая движение, значительная часть общественно опасных хулиганских действий, совершаемых во время движения, будет выведена за пределы уголовной ответственности, предусмотренной данной статьей.

Исходя из законодательной цели ст. 267¹ УК РФ, можно сделать вывод, что понятие «эксплуатация транспортных средств» следует понимать расширительно, охватывая и безопасность их движения. Включение именно в главу 27 УК РФ может служить дополнительным аргументом в пользу данной позиции. Однако во избежание проблем в правоприменении представляется предпочтительным прямое законодательное указание на включение безопасности движения в понятие «эксплуатация транспортных средств».

По своей сущности ст. 267¹ УК РФ является специальной уголовно-правовой нормой относительно ст. 213 УК РФ, которая распространяется на все формы хулиганских действий независимо от места их совершения, в то же время она конкретизирует ответственность за хулиганские действия, совершаемые именно на объектах транспортной инфраструктуры и представляющие повышенную общественную опасность в силу потенциальной возможности причинения вреда большему количеству людей и нарушения нормального функционирования транспортной системы.

Таким образом, если хулиганские действия, подпадающие под признаки ст. 213 УК РФ, совершены на объектах, указанных в ст. 267¹ УК РФ, приоритет в применении отдается последней.

При этом правовая специфика соотношения рассматриваемых норм обусловлена их различной направленностью и степенью конкретизации уголовно-правового запрета.

Ключевое различие между данными составами преступлений заключается в различном объекте уголовно-правовой охраны. Статья 267¹ УК РФ ориентирована на обеспечение безопасности функционирования транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, в то время как ст. 213 УК РФ призвана защищать общественный порядок и общественную нравственность в целом, включая случаи, когда нарушение общественного порядка осуществляется на транспорте.

Для более четкого разграничения данных составов необходимо учитывать не только формальную сторону деяния (место и способ совершения), но и субъективную направленность действий лица, совершающего преступление. Если действия, совершенные на транспорте, мотивированы стремлением нарушить общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, но при этом не создают реальной угрозы безопасности эксплуатации транспортных средств, то содеянное следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ. Однако если действия, даже формально несмотря на внешнее сходство с хулиганскими, направлены в первую очередь на создание помех в работе транспорта, повреждение транспортных

средств или иные действия, создающие угрозу безопасности его эксплуатации, и имеют целью дестабилизацию транспортной системы, то применяется ст. 267¹ УК РФ.

Важно учитывать, что конкуренция данных норм возможна лишь в случаях совершения хулиганских действий, объективно создающих угрозу безопасности транспорта. В случаях, когда хулиганство на транспорте не связано с созданием такой угрозы, квалификация деяния по ст. 267¹ УК РФ исключается.

В случаях, когда действия подпадают под признаки обеих статей, необходимо учитывать приоритет объекта уголовно-правовой охраны и субъективную направленность действий виновного.

При этом некоторые ученые различают соотношение норм по предмету преступного посягательства. Так, указывается, что «любое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, если оно совершено на транспорте общего пользования, всегда создает угрозу безопасной эксплуатации соответствующего транспортного средства. В связи с этим норма, закрепленная п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 267¹ УК РФ, так как в ней речь идет о любых транспортных средствах, а не только о транспорте общего пользования. В силу ч. 3 ст. 17 УК РФ эта конкуренция должна разрешаться в пользу п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ [11. С. 94].

Представленная позиция о соотношении ст. 213 и 267¹ УК РФ является одной из точек зрения и может не всегда поддерживаться правоприменителями.

В каждом конкретном случае необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела, чтобы правильно квалифицировать действия виновного.

Изменение в правоприменительной практике и разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 213 и 267¹, в первую очередь связано с введением 26.11.2024 п. 1(2) в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», в котором достаточно подробно описаны виды транспорта, на которых могут быть совершены хулиганские действия [12].

В новых разъяснениях изменился подход к пониманию хулиганства, и внесенные новеллы предопределили необходимость квалификации хулиганских действий на транспорте при отсутствии насилия или без применения оружия по ст. 267¹ УК РФ.

В судебной практике действия лиц по указанной статье квалифицируются в основном, когда имеет место угроза безопасной эксплуатации автомобильного транспорта: например, когда умышленно совершаются из хулиганских побуждений многочисленные маневры, направленные на создание помех для движения другого транспортного средства (требование ст. 2.7 ПДД «Опасное вождение»).

Например, такими действиями суд посчитал «неоднократные действия в виде управляемого заноса» в совокупности с нарушениями требований как в целом ПДД, так и непосредственно ст. 2.7 ПДД в виде «опасного вождения» [13].

В рассматриваемом примере правоприменитель квалифицировал содеянное по совокупности преступлений по ст. 264 УК РФ и 267¹ УК РФ, что, наверное, вписывается в уголовно-правовую политику государства, направленную на усиление уголовной репрессии в отношении злостных нарушителей ПДД.

Под совокупностью преступлений понимается совершение одним лицом нескольких различных по составам преступлений до вынесения приговора хотя бы за одно из них и до истечения сроков давности уголовного преследования [14].

В данном случае видится правильным подход В.Н. Кудрявцева, который отмечает, что нередко при совокупности нарушаются объекты, охраняемые весьма различными нормами; в совокупности могут быть совершены преступления, предусмотренные в разных главах Кодекса [15. С. 286].

В правоприменительной практике относительно автомобильного транспорта для квалификации действий по ст. 267¹ УК РФ необходимо наличие следующих условий: нарушение требований безопасности движения или эксплуатации транспорта, в том числе нарушение ПДД (и непосредственно действия виновного должны подпадать под требования опасного вождения, предусмотренного ст. 2.7 ПДД); совершение действий, создающих реальную угрозу безопасности эксплуатации транспортных средств, и наличие хулиганских побуждений.

Несмотря на то что российское право не является прецедентным, судебное решение, вынесенное 14.01.2025 мировым судьей судебного участка № 104 города Каспийска по ст. 267¹ УК РФ [16], оказало влияние на дальнейшее применение этого состава, предопределив правоприменительную практику, в том числе на деяния, совершенные на личном автомобильном транспорте.

Таким образом, распространенность нарушений правил дорожного движения лицами из хулиганских побуждений повлияла на криминализацию деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 267¹ УК РФ, и признание его общественно опасным.

При этом реализация принципа недопустимости привлечения лица к двойной юридической ответственности нашла свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в п. 12.1 Постановления от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [17]. Кроме того, указывается необходимость возвращения уголовного дела прокурору на основании ст. 237 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264–264³ УК РФ.

Указанная норма фактически не распространяется на ст. 267¹ УК РФ, что создает определенную коллизию и требует необходимости внесения изменений в указанное постановление Пленума.

На практике, уголовно-правовая норма применяется судами по аналогии [18].

В приведенном примере при квалификации действий лица по ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и по ст. 267¹ УК РФ учитываются одни и те же обстоятельства, составляющие объективную сторону составов правонарушения и преступления, что является взаимоисключающим по смыслу закона.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость принесения прокурором протестов на решения о привлечении лица к административной ответственности для устранения препятствия привлечения к уголовной ответственности.

Применение на практике состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, сопряжено с рядом трудностей. Объективная сторона данного преступления тесно связана с хулиганскими действиями и оценочным понятием «опасное вождение», критерии которого четко не определены.

Неизбежно возникают вопросы: кто правомочен устанавливать факт опасного вождения из хулиганских побуждений на автомобильном транспорте? Инспектор ГИБДД? И в каком статусе? – как специалист, или необходимо привлечение эксперта?

Оспаривание в суде действий, подпадающих под оценочный критерий, потребует проведения экспертизы. Однако в настоящее время доступна лишь автотехническая экспертиза, применяемая для установления обстоятельств ДТП и вины его участников. В рассматриваемом случае экспертиза будет носить усеченный характер, сводясь, по сути, к определению соответствия действий водителя правилам дорожного движения, наличия у него технической возможности предотвратить нарушение данных правил, а также причинно-следственной связи между нарушениями и наступившими (или) предполагаемыми последствиями.

Данный состав преступления является формальным – преступление считается завершенным с момента создания угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств.

Ключевая проблема заключается в широкой и расплывчатой формулировке диспозиции статьи. Сложность проявляется в ситуациях, когда действия, хотя и потенциально опасные, не привели к реальным последствиям.

В таких случаях необходимо установить, достаточно ли самого факта угрозы или необходимо доказать, что водитель, грубо или безответственно нарушая правила дорожного движения, создает опасность для физической целостности или жизни другого человека или для чужих вещей, имеющих значительную стоимость.

Отсутствие четких критериев оценки степени угрозы приводит к субъективности в принятии решений и может привести к несоразмерно суровому наказанию за действия, которые по своей сути не представляют серьезной общественной опасности.

Необходимо учитывать, что действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств из хулиганских побуждений, могут также подпадать под другие составы преступлений или административных правонарушений.

Таким образом, ст. 267¹ УК РФ, безусловно, является важным инструментом обеспечения безопасности транспортной системы.

Однако для эффективного применения необходимо устранить существующие недостатки и проблемы, связанные с ее широкой трактовкой и неоднозначностью формулировок. В противном случае статья может превратиться из средства защиты от хулиганских угроз в инструмент излишней криминализации и необоснованного преследования.

В настоящее время правоприменителям представляется возможным применение ст. 267¹ УК РФ в случаях, когда действия лица квалифицируются как опасное вождение и совершены из хулиганских побуждений, но не повлекли последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ (тяжкий вред здоровью или смерть).

Полагаем, что для устранения пробелов в правоприменительной практике при совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств на автомобильном транспорте, необходимо внести изменения в правовую конструкцию ст. 264 УК РФ, а фактическое применение ст. 267¹ УК РФ следует оставить в рамках замысла законодателя по отношению к эксплуатации иных видов транспорта.

Предлагается предусмотреть в ч. 2 ст. 264 УК РФ дополнительный квалифицирующий признак, изложив норму в следующей редакции: «совершено лицом, из хулиганских побуждений, выраженное в опасном вождении».

Предложенная формулировка является шагом в правильном направлении, однако для ее эффективного применения на практике требуются дополнительные уточнения и разработка механизмов реализации. Необходимо обеспечить однозначность и объективность определения понятия «опасное вождение» и критериев оценки степени угрозы.

Данная ситуация наглядно демонстрирует, каким образом даже незначительные ошибки юридической техники могут существенно исказить намерение законодателя и привести к результатам, отличным от тех, которые предполагались при создании правовой нормы, что подчеркивает важность тщательной проработки законодательных актов.

Список источников

1. МВК Совета Безопасности России по общественной безопасности одобрила проект Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Совет безопасности РФ: [сайт]. 11.09.2025. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3859/> (дата обращения: 12.10.2025).
2. Указ Президента РФ от 14.11.2025 № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2025).
3. Отчеты по форме № 1-БДД «Об административных правонарушениях в области дорожного движения и лицах их совершивших» // Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 № 477 «О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.10.2025).
5. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за опасное вождение)» : Проект Федерального закона № 644297-8 от 10.06.2024 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/644297-8#bh_histtras (дата обращения: 19.10.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [в ред. от 15.10.2025] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2012. № 30. Ст. 4172; 2023. № 1. Ст. 29; 2025. № 30. Ст. 4367.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Проект Федерального закона № 572517-5 от 01.07.2011 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572517-5/> (дата обращения: 19.10.2025).
8. Статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017–2024 гг., представленные в отчете по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 08.10.2025).
9. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М. : Проспект, 2018. 253 с.
10. Федеральный Закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [в ред. от 21.04.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837; № 33. Ст. 4985.
11. Харламов Д.Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2022. № 6. С. 82–100.
12. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (ред. 26.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2025).
13. Приговор Одинцовского городского суда Московской области от 22.07.2025 по делу № 1-592/2025 (УИД 50RS0031-01-2025-008730-66) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.10.2025).
14. Стручков Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1987. 172 с.
15. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1972. 352 с.
16. Сообщество Верховный Суд Республики Дагестан. URL: https://vk.com/publicvsrd?w=wall-218904563_530 (дата обращения: 22.10.2025).
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.10.2025).
18. Решение Каспийского городского суда от 18 сентября 2024 г. по делу № 12-161/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NkkMJrAsZz6R/> (дата обращения: 20.10.2025).

References

1. Russian Federation, Russian Security Council. (2025) *MVK Soveta Bezopasnosti Rossii po obshchestvennoy bezopasnosti odobrila proekt Strategii povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoy Federatsii* [The Interdepartmental Commission of the Russian Security Council on Public Safety Approved the Draft Strategy for Improving Road Traffic Safety in the Russian Federation]. 11th September. [Online] Available from: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3859/> (Accessed: 12th October 2025).
2. Russian Federation. (2025) *Ukaz Prezidenta RF ot 14.11.2025 № 841 "Ob utverzhdenii Strategii povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 841 dated 14.11.2025, On the Approval of the Strategy for Improving Road Traffic Safety in the Russian Federation for the Period until 2030 and with a View to 2036]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant plyus (Accessed: 12th October 2025).
3. Russian Federation. (n.d.) *Otchety po forme № 1-BDD "Ob administrativnykh pravonarusheniyakh v oblasti dorozhnogo dvizheniya i litsakh ikh sovershivshikh"* [Reports in Form No. 1-BDD "On Administrative Offenses in the Field of Road Traffic and Persons Who Committed Them"]. [Online] Available from: <http://stat.gibdd.ru/> (Accessed: 20th October 2025).

4. Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.05.2016 № 477 "O vnesenii izmeneniya v pravila dorozhnogo dvizheniya Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 477 dated 30.05.2016, On Amending the Road Traffic Rules of the Russian Federation]. [Online] Available from: SPS Konsultant plyus (Accessed: 20th October 2025).
5. Russian Federation. (2024) *"O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (v chasti ustanovleniya administrativnoy otvetstvennosti za opasnoe vozhenie)": Proekt Federal'nogo zakona № 644297-8 ot 10.06.2024* [On Amending the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Regarding the Establishment of Administrative Liability for Dangerous Driving): Draft Federal Law No. 644297-8 dated 10.06.2024]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/644297-8#bh_histras (Accessed: 19th October 2025).
6. Russian Federation. (1996, 2012, 2023, 2025) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ* [v red. ot 15.10.2025] [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 15.10.2025)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996, 25, Art. 2954; 2012, 30, Art. 4172; 2023, 1, Art. 29; 2025, 30, Art. 4367.*
7. Russian Federation. (2011) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Proekt Federal'nogo zakona № 572517-5 ot 01.07.2011* [On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 572517-5 dated 01.07.2011]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572517-5> (Accessed: 19th October 2025).
8. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Statisticheskie svedeniya Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF za 2017–2024 gg., predstavlennye v otchete po forme № 10-a "Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Statistical Data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2017–2024, Presented in Report Form No. 10-a "Report on the Number of Persons Convicted Under All Offenses of the Criminal Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 8th October 2025).
9. Chuchayev, A.I. & Pozharskiy, A.Yu. (2018) *Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, kharakteristika* [Transport Crimes: Concept, Types, Characteristics]. Moscow: Prospekt.
10. Russian Federation. (2007) *Federal'nyy Zakon ot 09.02.2007 № 16-FZ "O transportnoy bezopasnosti"* [v red. ot 21.04.2025] [Federal Law No. 16-FZ dated 09.02.2007 "On Transport Security" (as amended on 21.04.2025)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 7, Art. 837; 33, Art. 4985.*
11. Kharlamov, D.D. (2022) *Diskussionnye voprosy kvalifikatsii khuliganstva* [Debatable Issues of Qualifying Hooliganism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 6. pp. 82–100.*
12. Russian Federation. (2007) *Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 15.11.2007 № 45 "O sudebnoy praktike po ugolovnym delam o khuliganstve i inykh prestupleniyakh, sovershennykh iz khuliganskikh pobuzhdeniy (red. 26.11.2024)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 dated 15.11.2007, On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Hooliganism and Other Crimes Committed Out of Hooligan Motives (amended 26.11.2024)]. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus (Accessed: 20th October 2025).
13. Russian Federation. (2025) *Prigovor Odintsovskogo gorodskogo suda Moskovskoy oblasti ot 22.07.2025 po delu № 1-592/2025 (UID 50RS0031-01-2025-008730-66)* [Judgment of the Odintsovo City Court of the Moscow Region dated 22.07.2025 in case No. 1-592/2025 (UID 50RS0031-01-2025-008730-66)]. [Online] Available from: KonsultantPlyus (Accessed: 20th October 2025).
14. Struchkov, N.A. (1987) *Naznachenie nakazaniya pri sovokupnosti prestupleniy* [Imposing Punishment for the Aggregate of Crimes]. Moscow: [s.n.].
15. Kudryavtsev, V.N. (1972) *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General Theory of Crime Qualification]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. *The Supreme Court of the Republic of Dagestan*. [Online] Available from: https://vk.com/publicvsrd?w=wall-218904563_530 (Accessed: 22nd October 2025).
17. Russian Federation. (2008) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 (red. ot 25.06.2024) "O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, a takzhe s ikh nepravomernym zavladeniem bez tseli khishcheniya"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated 09.12.2008 (as amended on 25.06.2024), On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Violation of Traffic Rules and Operation of Vehicles, as well as Their Unlawful Seizure Without Intent to Steal]. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus (Accessed: 20th October 2025).
18. Russian Federation. (2024) *Reshenie Kaspiskogo gorodskogo suda ot 18 sentyabrya 2024 g. po delu № 12-161/2024* [Decision of the Caspian City Court dated 18 September 2024 in case No. 12-161/2024]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/NkkMJrAsZz6R/> (Accessed: 20th October 2025).

Информация об авторах:

Дроздов И.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Дальневосточного юридического института (Владивосток, Россия). E-mail: ig.drozdov@bk.ru

Федякова О.Е. – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Владивосток, Россия). E-mail: bloody_sky@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.S. Drozdov, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Prosecutorial Supervision over Law Enforcement in Operational Search Activities and Prosecutor Participation in Criminal Proceedings, Far Eastern Law Institute (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: ig.drozdov@bk.ru

O.E. Fedyakova, senior lecturer at the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: bloody_sky@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.533

doi: 10.17223/23088451/26/4

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЛИБО ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

Игорь Владиславович Лозинский¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, lozinsky.ig@yandex.ru*

Аннотация. Проанализированы изменения, внесённые законодателем в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации в июле 2023 г. – июле 2025 г., которые отражены в Федеральных законах РФ от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ, от 31 июля 2023 г. № 390-ФЗ, от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ, от 06 апреля 2024 г. № 79-ФЗ, от 23 ноября 2024 г. № 406-ФЗ, от 13 декабря 2024 г. № 467-ФЗ, от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ, от 24 июня 2025 г. № 172-ФЗ, от 24 июня 2025 г. № 175-ФЗ, от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, от 23 июля 2025 г. № 234-ФЗ. Анализируется, достаточно ли их для решения проблем дальнейшего совершенствования этой главы. Рассматривается, необходимы ли, вместе с указанными изменениями, и иные изменения для решения данных проблем. Даются предложения о направлениях решения вопроса дальнейшего совершенствования обозначенной главы.

Ключевые слова: совершенствование Главы 22 УК РФ, криминализация деяний, декриминализация деяний

Для цитирования: Лозинский И.В. Решение проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации: криминализация либо декриминализация? // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 21–28. doi: 10.17223/23088451/26/4

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/4

ADDRESSING THE FURTHER IMPROVEMENT OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CRIMINALIZATION OR DECRIMINALIZATION?

Igor V. Lozinsky¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lozinsky.ig@yandex.ru*

Abstract. The present article aims to analyze the amendments introduced to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Laws No. 323-FZ of July 10, 2023; No. 390-FZ of July 31, 2023; No. 43-FZ of March 11, 2024; No. 79-FZ of April 6, 2024; No. 406-FZ of November 23, 2024; No. 467-FZ of December 13, 2024; No. 510-FZ of December 28, 2024; No. 172-FZ, No. 175-FZ, No. 176-FZ of June 24, 2025; and No. 234-FZ of July 23, 2025. It has been established that the amendments introduced by these Laws are insufficient for perfecting this Chapter, as the fundamental problems of its further improvement remain unresolved. Following these amendments, Chapter 22 has been supplemented with new provisions: Article 172.4, establishing liability for "illegal activities related to the recovery of overdue debt of individuals"; and Article 173.3, establishing liability for "organizing activities for submitting deliberately falsified invoices and/or tax declarations (calculations) to the tax authorities of the Russian Federation and/or distributing them." This indicates an expansion of criminal law intervention in the sphere of economic activity, aimed at eliminating legislative gaps in this Chapter. Furthermore, the scope of Article 171.3 has been expanded—its new version establishes liability for the unlicensed production and trafficking of tobacco and tobacco products. Concurrently, the scope of other norms constituting Chapter 22 has also been expanded: the new version of Article 178 establishes liability for cartels; Articles 173.1-173.2 establish criminal liability for actions related to the illegal registration of individuals as individual entrepreneurs; and the new version of Article 187 establishes liability for "remote" theft of citizens' funds. The goal of this expansion is to eliminate legislative gaps within Chapter 22. In addition, the legislator has removed Article 200.2 from the Criminal Code, which provided for liability for "illegal import of tobacco products and alcoholic beverages into the Russian Federation from other member states of the Eurasian Economic Union." This indicates a contraction of criminal law intervention in economic activity. The aim of this contraction is to eliminate the "overload" of Chapter 22 with "duplicative" norms, as the conduct previously prohibited by this article can now be properly prosecuted under Article 226.1, which has a broader scope. Simultaneously, the scope of Article 189 has also been contracted, as its new version may now compete with Article 276.1, introduced into the Criminal Code in 2024. Despite the considered amendments, the problems of further improving Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation remain unresolved. This is evidenced by the analyzed shortcomings in the legislative construction of Articles 180, 183, and 189. Other norms constituting this Chapter have also been analyzed. The comparative method and analytical method were used in this analysis. The research revealed that the majority of norms constituting Chapter 22 establish criminal liability for acts that, by their legal nature, do not constitute

encroachments upon the procedure for conducting entrepreneurial or other economic activity. Simultaneously, it was revealed that the legislative constructions of some of these norms are imperfect—they lack definitions for individual elements, and the existing definitions do not align with the norms of regulatory and protective branches of law. Thus, for the correct resolution of the problems related to the further improvement of Chapter 22, the author contemplates, as one direction for such improvement, the criminalization of new acts that, by their legal nature, constitute unlawful methods of conducting entrepreneurial or other economic activity. Concurrently, the author also advocates for the decriminalization of acts prohibited by the norms of this Chapter as another direction, since the socio-economic development of the Russian Federation, alongside the emergence of new unlawful methods of conducting economic activity, implies that certain acts prohibited by this Chapter may lose their public danger. Furthermore, as a direction for correctly solving these problems, the author proposes the removal from Chapter 22 of norms prohibiting acts that, by their legal nature, are not encroachments upon relations in the sphere of entrepreneurial or other economic activity—either by "transferring" them to other Chapters of the Criminal Code or by decriminalizing some of the acts they prohibit.

Keywords: improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminalization of acts, decriminalization of acts

For citation: Lozinsky, I.V. (2025) Addressing the further improvement of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation: Criminalization or decriminalization? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/4

Несмотря на внесённые в июле 2022 г. – марте 2023 г. законодателем серьёзные изменения в Главу 22 УК РФ, в течение июля 2023 г. – июля 2025 г. рассматриваемая глава снова подверглась значительным изменениям.

На основании Федерального закона РФ от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ законодатель дополнил её ст. 172.4 УК РФ, устанавливающей ответственность за «незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц». Запрещаемое данной новеллой деяние по своей правовой природе представляет собой незаконные действия коллекторов по возврату просроченной задолженности физических лиц. Такими действиями, по мнению законодателя, являются применение к должнику и иным лицам физической силы либо угроза её применения, угроза убийством или причинение вреда здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества либо угроза данных уничтожения либо повреждения, применение методов, опасных для жизни и здоровья людей, оказание на должника и иных лиц психологического давления, а также использование выражений и совершение действий, унижающих честь и достоинство должника и иных лиц.

Благодаря криминализации исследуемого деяния оказалось возможным повысить уровень защиты прав и законных интересов физических лиц от обозначенных противоправных действий, а также обеспечить неотвратимость уголовной ответственности за их совершение. Следует отметить, что до дополнения УК РФ ст. 172.4 лица, использующие незаконные способы возврата просроченной задолженности, привлекались к уголовной ответственности по следующим статьям УК РФ: ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»; ст. 128.1 «Клевета»; ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища»; ст. 163 «Вымогательство»; ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества»; ст. 330 «Самоуправство». Таким образом, имело место применение уголовного закона по аналогии, что противоречило принципу законности уголовного права – ст. 3 УК РФ. В рассматриваемой ситуации уголовная ответственность наступала только за возможные последствия незаконных способов возврата

просроченной задолженности и только после совершения одного из этих деяний [1]. По нашему мнению, в результате криминализации деяния, запрещаемого ст. 172.4, устранён законодательный пробел в УК РФ, что позволит более эффективно бороться с незаконной деятельностью по возврату просроченной задолженности.

На основании Федерального закона РФ от 31 июля этого же года № 390-ФЗ были внесены законодательные поправки в ст. 171.3 УК РФ, в результате чего сфера действия указанной нормы стала более «широкой», поскольку установлена уголовная ответственность и за безлицензионное производство и оборот табака и табачной продукции. На основании оценок экспертов имеют место как рост преступных доходов от реализации данной продукции, так и противоправная конкуренция в сфере её реализации. Таким образом, «частичная» криминализация деяния, запрещаемого этой уголовно-правовой нормой, правомерна, так как деятельность по производству и обороту нелегальной табачной продукции также противоправная и общественно опасная, поскольку в результате её осуществления имеют место не только значительные потери доходов бюджетной системы РФ, но и угроза жизни и здоровью граждан [2].

На основании Федерального закона РФ от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ декриминализирован «незаконный ввоз табачных изделий и алкогольной продукции в Российскую Федерацию из других государств – членов Евразийского экономического союза», запрещаемый ст. 200.2 УК РФ. Указанная декриминализация объясняется «узкой» сферой действия обозначенного уголовно-правового запрета, поскольку эта норма не распространяется на сопредельные с другими государствами – членами Евразийского экономического союза участки государственной границы Российской Федерации [3]. При этом ст. 226.1 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконный ввоз товаров и иной продукции в Российскую Федерацию через любой участок её государственной границы, независимо от того, является ли этот участок государственной границей Российской Федерации с государством – членом Евразийского экономического союза, либо с государством, не являющимся его членом. Таким образом, сфера действия ст. 226.1 более «широкая», чем сфера действия утратившей силу ст. 200.2, что

позволит привлекать к уголовной ответственности по ст. 226.1 и за совершение деяний, ранее наказуемых по ст. 200.2. В исследуемой ситуации декриминализация деяния, как и дополнение Главы 22 УК РФ ст. 172.4, также является правомерной, поскольку устранена перегрузка этой главы фактически дублирующими друг друга нормами.

Кроме этого, рассматриваемым Законом «расширяется» и сфера действия ст. 200.1 УК РФ, поскольку в новой редакции стало возможным её практическое применение и в рамках Евразийского экономического союза.

На основании Федерального закона РФ от 06 апреля указанного года № 79-ФЗ законодатель внёс изменения и в ст. 170.2 УК РФ, 171 УК РФ, 171.5 УК РФ, 172.3 УК РФ, 178 УК РФ, 180 УК РФ, 185 УК РФ, 185.1 УК РФ, 185.6 УК РФ, 193.1 УК РФ, 194 УК РФ, 199 УК РФ, 199.1 УК РФ, 199.3 УК РФ, 199.4 УК РФ, 200.3 УК РФ. В отличие от рассмотренных ранее изменений, эти изменения заключаются только в индексации как крупного размера, так и особо крупного размера ущерба, причинённого в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности. Данная индексация «продиктована ростом инфляции в РФ, имеющим место в последние годы, что препятствует реализации такого принципа уголовного права, как принцип справедливости наказания, закреплённого в ст. 6 УК РФ» [4]. Таким образом, внесение законодателем обозначенных незначительных поправок в отдельные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ, также является обоснованным.

На основании Федерального закона РФ от 23 ноября указанного года № 406-ФЗ данная глава дополнена законодателем ст. 173.3, предусматривающей уголовную ответственность «за организацию деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчётов)». Криминализация указанного деяния, как и деяния, запрещаемого ст. 172.4 УК РФ, также является обоснованной, поскольку в результате неё устранён значительный пробел в действующем уголовном законодательстве в сфере ответственности за нарушения налогового законодательства Российской Федерации, в частности, за сбыт подложных счетов-фактур и подложных налоговых деклараций, подтверждающих налоговые вычеты недобросовестных налогоплательщиков. По данным Федеральной налоговой службы, в 2021 г. по этой схеме были оформлены незаконные налоговые вычеты на общую сумму около 1 трлн руб. При этом действующие в тот период нормы УК РФ (ст. 172, 173.1, 173.2, 199, 327) не позволяли применять к организаторам обозначенной противоправной деятельности уголовно-правовых мер, соответствующих её общественной опасности [5]. Таким образом, дополнение Главы 22 УК РФ ст. 173.3, как и ст. 172.4, является правильным шагом законодателя.

На основании Федерального закона РФ от 13 декабря указанного года № 467-ФЗ законодателем внесены изменения в ст. 178 УК РФ. Благодаря этим изменениям в новой редакции ею установлена ответственность за кар-

тели, общественная опасность которых достаточно высокая [6]. Таким образом, как и в предыдущих ситуациях, устранён серьёзный пробел в сфере охраны отношений конкуренции, являющейся «нервом» рыночной экономики.

На основании Федерального закона РФ от 28 декабря указанного года № 510-ФЗ законодателем внесены изменения и в ст. 189 УК РФ. В результате сфера её действия оказалась «суженной», поскольку возможна её конкуренция со ст. 276.1 УК РФ, введённой в УК РФ этим Законом. Несмотря на внесение данных изменений, проблема практического применения ст. 189 так и осталась нерешённой, поскольку по-прежнему не ясно, когда возможно привлечение виновного лица к уголовной ответственности – либо только за незаконный экспорт из Российской Федерации товаров или технологий, либо только за экспорт вооружения или военной техники, либо за все обозначенные в её диспозиции деяния. Нами ранее отмечалось о несовершенстве рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Таким образом, ст. 189 УК РФ по-прежнему является неясной для её адресатов. На наш взгляд, во избежание обозначенной проблемы необходимо внесение в её диспозицию либо соединительных, либо разделительных союзов [7. С. 157].

В 2025 г. на основании Федерального закона РФ от 24 июня указанного года № 172-ФЗ законодатель внёс поправки в ст. 173.1–173.2 УК РФ [8]. В результате данных поправок установлена уголовная ответственность и за действия, связанные с незаконной регистрацией физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, что свидетельствует о расширении сферы действия рассматриваемых норм, поскольку в предыдущей их редакции уголовная ответственность предусматривалась только за действия по незаконному образованию юридических лиц. Поскольку в течение 2014–2023 гг. в Российской Федерации наблюдается устойчивая трансформация организационно-правовой формы субъектов предпринимательской деятельности, при которой частой становится регистрация индивидуальных предпринимателей и уменьшается количество фактов регистрации юридических лиц [8]. Таким образом, в результате проведённой законодателем «частичной» криминализации устранён пробел в Уголовном кодексе РФ. Также в результате внесения этих поправок ст. 173.1 дополнена и Примечанием, которым установлено специальное основание освобождения от уголовной ответственности подставных лиц, впервые совершивших преступления, ответственность за совершение которых установлена как указанной уголовно-правовой нормой, так и ст. 173.2 УК РФ. Таким образом, в отличие от предыдущей редакции, в новой редакции ст. 173.1 УК, наряду с расширением сферы её действия, имеет место и основание освобождения от уголовной ответственности.

На основании Федерального закона РФ от 24 июня 2025 г. № 175-ФЗ законодателем внесены изменения и в ст. 183 УК РФ. В результате их внесения в её новой редакции оказалась ужесточённой уголовная ответственность за незаконное получение и использование коммерческой, налоговой или банковской тайны.

По своей правовой природе обозначенное деяние, как и деяние, запрещаемое ст. 178 УК РФ, представляет собой посягательство на отношения конкуренции, что также оказывает негативное влияние на ситуацию в отечественной экономике. Несмотря на это, наказания, назначаемые за совершение деяния, запрещаемого ст. 183 УК РФ, несопоставимы с их общественно опасными последствиями [9]. Таким образом, усиление уголовной ответственности за совершение этого деяния правомерно. Несмотря на внесение указанных законодательных поправок в санкции ст. 183 УК РФ, в её диспозиции по-прежнему имеет место законодательный пробел, поскольку отсутствует дефиниция такого её элемента, как «тяжкие последствия», что нами отмечалось ранее [7. С. 157]. Представляется, что для дальнейшего совершенствования этого уголовно-правового запрета необходимо законодательно определение тяжких последствий в виде Примечания к ст. 183.

На основании Федерального закона РФ от 24 июня обозначенного года № 176-ФЗ законодателем внесены изменения и в ст. 187 УК РФ. Необходимость этого обусловлена тем, что ежегодно имеет место высокое количество совершаемых с помощью электронных средств платежа «дистанционных» хищений, причиняющих ущерб гражданам в больших суммах, – так, за 2024 г. они составили более 197,5 млрд руб. против 133 млрд руб. в 2023 г. Как показывает практика, совершению таких хищений способствует вовлечение в преступную цепочку держателей электронных средств платежей, открывающих платёжные карты, электронные кошельки и счета на своё имя с целью их дальнейшей передачи или предоставления доступа к ним за денежное вознаграждение третьим лицам либо для неправомерного осуществления операции по приёму, переводу денежных средств, выдаче и/или получению денежных средств. При этом нормативно-правовые акты РФ не содержат прямого запрета на такую деятельность, а отсутствие у держателей электронных средств платежей умысла на хищение имущества не позволяло привлекать их к уголовной ответственности за хищения [10]. Таким образом, в результате дополнения рассматриваемой уголовно-правовой нормы как частями 3–6, так и Примечаниями 1–4 окажется устранённым значительный законодательный пробел, что позволит более эффективно бороться с «дистанционными» хищениями.

На основании Федерального закона РФ от 23 июля обозначенного года № 234-ФЗ законодатель внёс изменения и в ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Их необходимость обусловлена приведением указанной нормы в соответствие с законодательством Российской Федерации в сфере обязательной маркировки товаров средствами идентификации [11]. Об этом же было отмечено и в юридической литературе [12. С. 56]. Таким образом, внесение данных изменений обусловлено не только решением законодателя, но и мнением учёных, что свидетельствует о наличии связи теории и практики. Представляется, что в результате этого, как и в результате внесения предыдущих изменений, окажется устранённым серьёзный законодательный пробел.

Таким образом, как одно из направлений совершенствования составляющих Главу 22 УК РФ норм следует выделить приведение их диспозиций в соответствие с нормами регулятивных отраслей права. Нами отмечалось, что большинство указанных уголовно-правовых норм имеет бланкетные диспозиции [7. С. 143]. Примером является ст. 171.1 УК.

В качестве следующего примера уголовно-правовой нормы с бланкетной диспозицией в юридической литературе рассматривается ст. 180, устанавливающая ответственность за «незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». По мнению учёных, для уяснения отдельных элементов её диспозиции, таких как «чужой товарный знак», «знак обслуживания», «наименование места происхождения товара», необходимо принять во внимание нормы Гражданского кодекса РФ, в которых даётся их определение [13. С. 48]. По мнению авторов, в диспозиции ст. 180 УК РФ имеют место совершенно иные дефиниции этих элементов, отличающиеся от гражданско-правовых, что «не позволяет признать удовлетворительным уголовно-правовое регулирование использования средств индивидуализации товаров, работ и услуг» [13. С. 53]. Таким образом, в настоящей редакции данная уголовно-правовая норма практически неприменима. Представляется, что для совершенствования её диспозиции, как и в ситуации со ст. 171.1 УК РФ, необходимо привести рассмотренные ранее её элементы в соответствие с нормами Гражданского кодекса РФ. При этом нами было отмечено, что для формулирования совершенных уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, законодатель обязан использовать в их диспозициях термины и понятия так же, как они понимаются регулятивным законодательством, откуда они заимствованы [7. С. 144]. Несоблюдение этого требования о согласованности диспозиций уголовно-правовых норм, составляющих Главу 22, с положениями регулятивных и охраняемых отраслей права способно привести к наличию пробелов в уголовном законе [7. С. 106]. Одновременно, указанное несоблюдение может привести и к такому негативному последствию криминализации деяний в исследуемой нами сфере, как «вторжение» уголовного права в область поведения, дозволенного нормами регулятивных отраслей права, что свидетельствует об «избыточной» криминализации. Представляется, что для правильного решения проблем дальнейшего совершенствования обозначенной Главы необходимо установить баланс между криминализацией и декриминализацией деяний, совершаемых в охраняемой ею сфере. Проанализировав изменения, внесённые законодателем в Главу 22 УК РФ, следует отметить, что в основном они состояли именно в криминализации деяний. В результате их внесения данная глава оказалась перегруженной практически неприменимыми нормами. Таким образом, имеет место ситуация, когда, с одной стороны, Глава 22 УК является лидером как по количеству составляющих её норм, так и вносимых в неё изменений; с другой – большую часть составляющих её норм невозможно применить на практике, что не способствует эффективной борьбе с запрещаемыми ими преступлениями.

По нашему мнению, причина этого – не только избыточная криминализация, но и сложная законодательная конструкция диспозиций указанных норм. Нами уже отмечалась сложность законодательной конструкции диспозиций ст. 183, 189 УК РФ. Приведённые примеры не единичны. Несовершенными, на наш взгляд, являются и нормы, охраняющие общественные отношения в сфере оборота ценных бумаг – ст. 185–185.4 УК РФ. Аналогично рассмотренным ранее, в данной ситуации имеет место достаточно сложная законодательная конструкция этих норм. Нами уже отмечалось, что для их совершенствования законодателю необходимо применительно к ним сформулировать определённый понятийный аппарат, в котором должны быть точно раскрыты отдельные элементы их диспозиций, оформив его в качестве Примечания к ст. 185 УК [7. С. 157].

Для правильного решения проблем совершенствования Главы 22 УК РФ возможна и декриминализация отдельных деяний, запрещаемых составляющими её нормами. За всё время действия УК РФ 1996 г. законодатель декриминализировал лишь пять (!) деяний, являющихся преступлениями небольшой тяжести. Правильность указанной декриминализации отметили и практические работники в ходе их анкетирования [7. С. 116]. Представляется, что обозначенные мнения являются актуальными и в настоящее время. Одновременно, декриминализация отдельных деяний, запрещаемых нормами рассматриваемой главы, зависит от развития отечественной экономики, предполагающего их «отмирание».

Развитие отечественной экономики предполагает и появление новых форм недобросовестной конкуренции, для борьбы с которыми необходима их криминализация. Представляется, что для правильного решения вопроса об указанной криминализации необходимо проведение мониторинга криминогенной ситуации в сфере экономической деятельности. Также проведение данного мониторинга позволит избежать «перегрузки» Главы 22 УК РФ как практически неприменимыми нормами, так и нормами, устанавливающими ответственность за деяния, не являющиеся общественно опасными.

Одновременно, решение проблемы совершенствования этой главы предполагает и простоту законодательной конструкции диспозиций составляющих её норм. Проанализировав обозначенные диспозиции, можно отметить, что большая часть из них имеет сложные законодательные конструкции. Кроме этого, они являются бланкетными и для их уяснения необходимо обращаться к положениям норм регулятивных отраслей права. Пример – ст. 171 УК РФ, предусматривающая ответственность за «незаконное предпринимательство». Понятие «предпринимательской деятельности» даётся в ст. 2 ГК РФ. Согласно ей, она представляет собой «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Таким образом, диспозиция ст. 171 УК РФ требует обращения к гражданско-правовому понятию «предпринимательская деятельность». Следуя ему,

предпринимательство представляет собой деятельность по систематическому получению прибыли. Данное получение может быть осуществлено как законными, так и незаконными способами. Законный способ предполагает извлечение прибыли, соответствующее всем условиям, предусмотренным в ст. 2 ГК РФ. Однако возможен и незаконный способ извлечения прибыли – без регистрации, без лицензии, представляющий собой общественную опасность [7. С. 162]. Таким образом, уголовный закон должен запрещать именно незаконное получение дохода в крупном размере. Данная законодательная конструкция является простой и понятной её адресатам. Представляется, что в результате её возникнет необходимость декриминализации некоторых деяний, являющихся по своей правовой природе деятельностью по незаконному извлечению дохода, например незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК).

Несмотря на достаточно большое количество рассмотренных законодательных поправок, внесённых в Главу 22 УК РФ, в юридической литературе имеют место мнения о том, нужна ли была криминализация отдельных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена составляющими указанную главу нормами. В частности, криминализация создания финансовых пирамид, запрещённая ст. 172.2 УК. По мнению А.А. Зубцова, по своей правовой природе «финансовая пирамида – простое перераспределение активов, что позволяет рассматривать её в качестве формы иной экономической деятельности, но не предпринимательства, поскольку в ней отсутствует направленность на получение прибыли (ст. 2 ГК РФ)» [14. С. 72]. Следуя этой логике, финансовую пирамиду возможно рассматривать как одну из разновидностей мошенничества, наказуемого по ст. 159 УК РФ. Таким образом, поднятый А.А. Зубцовым вопрос о том, насколько необходимой была криминализация деятельности по созданию финансовых пирамид, является обоснованным. По его мнению, для правильного решения этого вопроса следует в диспозиции ст. 172.2 УК РФ указать на «отсутствие признаков хищения», характерных как для мошенничества, так и для иных преступлений против собственности, что позволит вести борьбу с созданием финансовых пирамид более эффективно [14. С. 77].

Одновременно возникает вопрос, нужна ли была криминализация иных деяний, запрещённых нормами Главы 22 УК РФ? Нами ранее отмечалось, что большинство составляющих её запретов представляет собой новеллы, которые не были известны советскому уголовному законодательству [7. С. 71]. Несмотря на это, некоторые из указанных уголовно-правовых норм запрещают совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся посягательствами на порядок осуществления предпринимательской либо другой экономической деятельности. Пример – незаконное получение кредита, запрещаемое ст. 176 УК РФ. По своей правовой природе рассматриваемое деяние является разновидностью мошенничества, запрещаемого ст. 159 УК РФ и посягающего на отношения собственности, охраняемые нормами Главы 21 УК РФ. На основании Федерального закона РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Глава 21 УК

была дополнена ст. 159.1, устанавливающей уголовную ответственность за совершение «мошенничества в сфере кредитования». В результате анализа обозначенного деяния возможно сделать вывод о сходстве его с незаконным получением кредита, запрещаемым ст. 176 УК РФ. По нашему мнению, вполне обоснован вопрос о целесообразности существования в УК РФ ст. 176, поскольку ею также установлена ответственность за разновидность мошенничества, совершаемого в сфере кредитования и аналогичного запрещаемому ст. 159.1 УК РФ. При этом диспозиция ст. 176 УК РФ, в отличие от диспозиции ст. 159.1 УК РФ, имеет достаточно сложную законодательную конструкцию, в связи с чем ст. 176 не получила применения на практике. В рассматриваемой ситуации более эффективной окажется ст. 159.1 УК. Таким образом, необходима декриминализация незаконного получения кредита.

Следующий пример такой криминализации деяний – злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 177 УК РФ. По своей правовой природе обозначенное деяние представляет собой посягательство на нормальное осуществление правосудия, фактически не являющееся экономической деятельностью [7. С. 48]. Следуя логике законодателя, уголовная ответственность за совершение этого деяния наступает после вступления в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта. При этом отсутствует дефиниция такого элемента законодательной конструкции диспозиции ст. 177 УК РФ, как злостное уклонение, что позволяет правоприменителю толковать его произвольно, по собственному усмотрению. На наш взгляд, в данной ситуации имеет место нарушение одного из принципов уголовного права – принципа законности, закреплённого в ст. 3 УК РФ. Следует отметить, что ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» также устанавливает ответственность за «злостное» неисполнение этих судебных актов. Таким образом, как и в ситуации со ст. 176 УК РФ, вполне обоснованно возникает вопрос о необходимости существования ст. 177 УК РФ, поскольку в действующей её редакции возможна конкуренция её со ст. 315 УК РФ. Представляется, что в перспективе запрещаемое ст. 177 УК РФ деяние будет декриминализовано.

Одновременно нами к преступлениям против правосудия ранее были отнесены и деяния, запрещаемые: ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём»; ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления»; ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём». Как и в ситуации со ст. 177 УК РФ, поведение нарушителей указанных норм также нельзя назвать экономической деятельностью [7. С. 48]. Представляется, что для правильного решения вопроса о совершенствовании Главы 22 УК РФ необходимо перевести эти нормы в Главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

В результате данного «перевода» Глава 22 УК окажется менее перегруженной нормами, предусматривающими ответственность за деяния, не являющиеся по своей правовой природе посягательствами на порядок осуществления как предпринимательской, так и иной экономической деятельности.

Таким образом, несмотря на внесённые законодателем серьёзные изменения и дополнения, рассмотренные нами, Глава 22 УК РФ по-прежнему далёка от совершенства. Об этом свидетельствует как перегрузка её нормами, устанавливающими ответственность за совершение деяний, по своей правовой природе не представляющих посягательств на порядок осуществления и предпринимательской, и иной экономической деятельности, так и несовершенство законодательных конструкций некоторых составляющих её норм. Указанное несовершенство состоит в отсутствии дефиниций отдельных элементов этих законодательных конструкций, что представляет собой законодательные пробелы. Как несовершенство законодательных конструкций отдельных уголовно-правовых норм, составляющих данную главу, следует рассматривать непринятие во внимание законодателем в процессе их формулирования положений регулятивных и охраняемых отраслей права. Следовательно, в качестве одного из направлений правильного решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать внесение изменений в законодательные конструкции некоторых уголовно-правовых норм, составляющих её, с целью достижения одинакового толкования их элементов в регулятивных отраслях права и в уголовном праве. При этом большая часть этих норм имеет бланкетные диспозиции. Таким образом, должна иметь место как частичная криминализация, так и частичная декриминализация отдельных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Одновременно, не исключается и криминализация новых деяний, по своей правовой природе представляющих противоправные способы осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Цифровизация общества, а в совокупности с ней и развитие компьютерных технологий способны привести к появлению новых способов осуществления указанной противоправной деятельности с использованием таких технологий. Представляется, что в перспективе, с целью устранения законодательного пробела в Главе 22 УК РФ, возникнет необходимость криминализации этих способов, т.е. полной криминализации деяний, также представляющей собой направление правильного решения исследуемой проблемы.

Как направление правильного решения обозначенной проблемы следует рассматривать и полную декриминализацию отдельных деяний, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ. Декриминализация необходима, если какое-либо из указанных деяний в результате экономического развития перестаёт быть общественно опасным посягательством на общественные отношения в охраняемой этой главой сфере. Известно, что действующий УК РФ был принят законодателем в достаточно сложный период, когда рыночные

отношения ещё находились на стадии формирования. В обозначенный период фактически не было работ отечественных учёных, посвящённых уголовно-правовой охране этих отношений, и, как следствие, отсутствовали дефиниции экономической деятельности, что привело не только к включению в Главу 22 УК РФ достаточно большого количества уголовно-правовых норм, но и к перегрузке её нормами, устанавливающими уголовную ответственность за совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся преступными посягательствами на порядок осуществления такой деятельности. Необходимо отметить, что из всех входящих в неё норм только небольшая их часть запрещает преступные посягательства на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Таким образом, направления правильного решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ должны представлять собой как полную и ча-

стичную криминализацию деяний, так и их полную и частичную декриминализацию. Социально-экономическое развитие РФ предполагает появление новых противоправных способов осуществления предпринимательской либо иной экономической деятельности, бороться с которыми неуголовно-правовыми мерами окажется невозможным. Одновременно, указанное развитие предполагает и утрату отдельными деяниями, запрещаемыми нормами данной главы, их общественной опасности. Как направление правильного решения проблем дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать исключение из неё норм, запрещающих совершение деяний, которые по своей правовой природе не являются посягательствами на отношения в сфере осуществления предпринимательской либо иной экономической деятельности. Указанное исключение возможно как путём перевода из Главы 22 УК РФ в другие Главы УК РФ данных норм, так и путём декриминализации некоторых из запрещаемых ими деяний.

Список источников

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 154486-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.06.2025).
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 310855-8 «О внесении изменений в статью 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.06.2025).
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 437637-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 23.06.2025).
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 263208-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 23.06.2025).
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
8. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 810023-8 «О внесении изменений в статьи 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 825103-8 «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
10. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 909076-8 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
11. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 728668-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 07.08.2025).
12. Жук О.Д. Об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере производства и оборота алкогольной и табачной продукции // Законодательство. 2024. № 12. С. 55–58.
13. Аюпова Г.Ш., Харламова А.А. Особенности уголовно-правового регулирования использования средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Законодательство. 2023. № 6. С. 48–54.
14. Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172.2 УК РФ): нужна ли была криминализация? // Законодательство. 2023. № 11. С. 70–77.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 154486-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'i 150 i 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 154486-8, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 17th June 2025).
2. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 310855-8 "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 171.3 Ugolovnogogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 310855-8, On Amending Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 17th June 2025).
3. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 437637-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 437637-8, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 23rd June 2025).
4. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 327269-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 327269-8, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 23rd June 2025).
5. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 263208-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 263208-8, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 23rd June 2025).

6. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 848246-7, "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 178 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 848246-7, On Amending Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 23rd June 2025).
7. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the Principles of Criminalization and Legislative Technique in the Field of Combating Economic Crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 810023-8 "O vnesenii izmeneniy v stat'i 173.1 i 173.2 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 810023-8, On Amending Articles 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 30th June 2025).
9. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 825103-8 "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 183 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 825103-8, On Amending Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 30th June 2025).
10. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 909076-8 "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 187 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 909076-8, On Amending Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 30th June 2025).
11. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona № 728668-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 728668-8, On Amending the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru> (Accessed: 7th August 2025).
12. Zhuk, O.D. (2024) *Ob ugolovnoy otvetstvennosti za sovershenie prestupleniy v sfere proizvodstva i oborota alkohol'noy i tabachnoy produktsii* [On Criminal Liability for Committing Crimes in the Sphere of Production and Turnover of Alcohol and Tobacco Products]. *Zakonodatel'stvo*. 12. pp. 55–58.
13. Ayupova, G.Sh. & Kharlamova, A.A. (2023) *Osobennosti ugolovno-pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya sredstv individualizatsii tovarov, rabot, uslug* [Peculiarities of Criminal Law Regulation of the Use of Means of Individualization of Goods, Works, Services]. *Zakonodatel'stvo*. 6. pp. 48–54.
14. Zubtsov, A.A. (2023) *Organizatsiya finansovykh piramid (st. 172.2 UK RF): nuzhna li byla kriminalizatsiya?* [Organization of Financial Pyramids (Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Was Criminalization Necessary?]. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 70–77.

Информация об авторе:

Лозинский И.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lozinsky.ig@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Lozinsky, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutorial Supervision, and Law Enforcement, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozinsky.ig@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.9.018

doi: 10.17223/23088451/26/5

РОСТ КРИПТОПРЕСТУПНОСТИ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КРИТИЧЕСКИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ АРГУМЕНТОВ И ИСТОЧНИКОВ

Виктор Сергеевич Мельник¹

¹ *Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу (с дислокацией в городе Ессентуки Ставропольского края), Ессентуки, Россия, melnik210580@yandex.ru*

Аннотация. Показано, как в российской уголовно-правовой доктрине обосновывается тезис о «росте криптопреступности» при отсутствии официальной статистики преступлений с использованием цифровой валюты. На примере работ ряда авторов продемонстрировано, что используются разнородные статистические источники, что затрудняет сопоставимость результатов и создаёт риск завышенной криминализации; обосновывается необходимость специальных категорий учёта и стандартов работы с количественными данными.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, криптопреступность, судебная статистика

Для цитирования: Мельник В.С. Рост криптопреступности в научной литературе: критический уголовно-правовой анализ статистических аргументов и источников // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 29–33. doi: 10.17223/23088451/26/5

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/5

"THE RISE OF CRYPTO-CRIME" IN ACADEMIC LITERATURE: A CRITICAL CRIMINAL LAW ANALYSIS OF STATISTICAL ARGUMENTS AND SOURCES

Viktor S. Melnik¹

¹ *Head Investigative Directorate for the North Caucasus Federal District, Investigative Committee of the Russian Federation (headquartered in Yessentuki, Stavropol Krai), Yessentuki, Russian Federation, melnik210580@yandex.ru*

Abstract. This article examines the prevailing discourse in Russian criminal law doctrine concerning the "rise of crypto-crime," which exists in the absence of official statistics for offenses related to digital currency and digital financial assets. The study's objective is to analyze, through the works of scholars such as M.M. Dolgieva, O.N. Tisen, A.G. Volevodz, Ya.O. Kuchina, A.V. Arkhipov, I.S. Mochalkina, E.A. Ruskevich, I.I. Malygin, and others, the empirical foundations used to substantiate the thesis of rising crypto-crime and to assess their comparability. The analysis demonstrates that a significant portion of publications relies on evaluative statements ("rapid growth," "mass character," etc.) without disclosing underlying statistical data or accounting methodologies. Another group of studies cites financial intelligence data on "suspicious transactions" involving cryptocurrencies and global estimates of money laundering scale and criminal activity in digital currencies. Some authors utilize selected sets of court rulings; however, the lack of a unified methodology for selecting cases—by keywords, criminal offenses, or types of targeted assets—hinders the comparability of such research. Drawing on findings from independent reviews of judicial practice (by "RTM Group," "Moscow Digital School," and the law firm "EBR"), the article shows that while the number of cases involving digital currency is steadily increasing, their proportion within the broader landscape of IT-related crime remains relatively small. Consulting judicial statistics thus provides a more balanced perspective compared to publicistic portrayals of a near-total shift of criminal activity into the cryptocurrency sphere. The author concludes that there is methodological heterogeneity in the statistical arguments employed and highlights the risks of excessive criminalization when using aggregated indicators without accounting for the specific level of reality (transactions, suspicions, convictions) to which they pertain. The article justifies the necessity of introducing distinct reporting metrics within departmental statistics for crimes where digital currency serves as the object of an offense, a means of payment, or a tool for money laundering. It further advocates for grounding criminal law doctrine in verifiable empirical data rather than relying on a rhetorical narrative of a perpetually escalating threat.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, crypto-crime, judicial statistics

For citation: Melnik, V.S. (2025) "The rise of crypto-crime" in academic literature: A critical criminal law analysis of statistical arguments and sources. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 29–33. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/5

За последнее десятилетие цифровые финансовые активы и цифровые валюты, ранее рассматривавшиеся преимущественно в гражданско-правовой плоскости, прочно вошли в криминалистическую и уголовно-правовую литературу. В работах о конфискации цифровой валюты, легализации доходов, наложении ареста на криптовалютные активы и расследовании преступлений с их использованием почти неизменно говорится о расширении криминального оборота виртуальных активов. Аналогичный мотив прослеживается в публикациях М.М. Долгиевой, И.Б. Тутьнина и О.В. Химичевой, Е.А. Русскевич и И.И. Малыгина, а также в исследованиях международно-правовых аспектов противодействия отмыванию доходов, полученных с использованием цифровых валют.

Ведомственная статистика МВД России и Следственного комитета не выделяет категорию «преступления с использованием цифровых финансовых активов и цифровой валюты», поэтому масштаб такой преступности оценивается по судебным решениям и специальным обзорам. По данным RTM Group¹, в 2021 г. в России вынесено 1531 судебное решение по делам с участием цифровых валют, из них 954 уголовных, главным образом по делам о незаконном обороте наркотиков, отмывании доходов и организации азартных игр [1]. Исследования Moscow Digital School и юридической компании «ЭБР»² показывают: к 2023 г. общее число судебных дел, связанных с цифровыми активами и валютами, достигло 2 653, доля уголовных дел составила около одной трети [2]. На фоне сотен тысяч ежегодно регистрируемых ИТ-преступлений доля «криптовалютных» дел остаётся небольшой, хотя их количество стабильно растёт.

Таким образом, тезис о «росте криптопреступности» формируется при отсутствии прямых статистических данных о числе преступлений, где цифровая валюта и цифровые финансовые активы выступают предметом посягательства, средством расчёта либо способом легализации доходов. Исследователь опирается на косвенные индикаторы – массивы судебных решений, аналитические данные финансовой разведки о подозрительных операциях, сведения международных организаций и коммерческих компаний блокчейн-аналитики.

Во многих работах рост криптовалютной преступности описывается оценочными формулами без числовых параметров. М.М. Долгиева, анализируя легализацию криптовалюты, пишет о «стремительном росте числа посягательств в различных криминальных сферах» и связывает его с потребностью в уточнении понятийного аппарата уголовного права [3. С. 52], но опирается главным образом на общую криминологическую картину и зарубежную практику, не раскрывая динамику российских уголовных дел. В коллективной работе о правовом регулировании цифровой экономики утверждается, что в сфере финансово-цифровых отношений сложилось

множество форм преступной деятельности, число которых постоянно растёт [4. С. 352]. Перечисляется скрытый майнинг, взлом платёжных порталов, фишинг, киберсаботаж, отмывание через криптовалюты и «миксеры», покупка запрещённых товаров за цифровую валюту, однако не формулируется критерий отделения собственно криптовалютных преступлений от более широкого круга киберпреступлений и сопоставления динамики разных групп деяний. Аналогично В.В. Красинский, рассматривая финансирование наркобизнеса и легализацию доходов от продажи наркотиков с использованием криптовалют, говорит о «стабильном росте масштабов и объёмов финансирования преступной деятельности», ссылаясь на данные правоохранительных органов [5. С. 105], но не раскрывает статистический ряд и методику подсчёта, вследствие чего описываемая тенденция не подкреплена сопоставимыми количественными показателями.

Ранние работы, предшествовавшие вступлению в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, фиксировали минимальный объём судебной практики по делам о криптовалюте. А.В. Архипов указывал на отсутствие сложившейся практики привлечения к ответственности за её хищение и отмечал, что единичные приговоры (в том числе приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15.02.2019) не позволяют говорить о тенденции [6. С. 22]. И.С. Мочалкина, анализируя преступления против собственности с предметом в виде цифровой валюты и цифровых прав, констатировала немногочисленность решений и преобладание квалификации посягательств на криптовалюту как мошенничества [7. С. 19]. В литературе преобладал мотив «зарождающейся» практики и отсутствия подходов к учёту таких дел.

С начала 2020-х гг. акценты смещаются. М.М. Долгиева, исследуя легализацию цифровой валюты, подчёркивает распространённость её отмывания, получение от незаконного оборота наркотиков при отсутствии развитой практики по иным формам злоупотреблений [5. С. 53]. О.Н. Тисен, опираясь на следственную и судебную практику, указывает, что незаконный оборот запрещённых товаров и услуг преимущественно оплачивается цифровыми валютами и что «резкий рост фактов использования криптовалют для совершения преступлений» во всём мире пришёлся на 2017 г. на фоне роста их стоимости [8. С. 8].

В доктрине прослеживается переход от констатации единичных случаев к утверждению массовости явления при неполной прозрачности эмпирической базы. Часть авторов опираются на массивы судебных решений. О.Н. Тисен подчёркивает отсутствие в России, как и в большинстве государств, официальной статистики преступлений с использованием цифровых валют и указывает, что зарегистрированное число деяний занижает ре-

¹ RTM Group – группа экспертных и юридических компаний, специализирующихся на вопросах информационных технологий, информационной безопасности, ИТ-права и судебной экспертизы; в том числе она проводит исследования судебной практики по делам, связанным с цифровыми финансовыми активами и валютами 9<https://rtmtech.ru/> (дата обращения: 20.11.2025)).

² Юридическая компания «ЭБР» – российская юридическая фирма, работающая на рынке более 15 лет и оказывающая услуги в сфере корпоративного права, банкротства, интеллектуальной собственности, медиа и рекламы, а также консультирования по вопросам цифровых финансовых активов и валют (<https://ebrlaw.ru/> (дата обращения: 20.11.2025)).

альный уровень из-за анонимности операций и отсутствия единых механизмов противодействия [8. С. 7]. М.М. Долгиева, используя данные ГАС «Правосудие», приводит сведения о более чем 2000 приговоров по делам криптовалютного наркотрафика за три года, связывая их с развитием нелегальных рынков даркнета [9. С. 176]. Пример демонстрирует потенциал судебной статистики для оценки динамики при отсутствии раскрытия структуры массива по составам и периодам.

В настоящей статье применяется иной подход к оценке масштабов криптовалютной преступности: эмпирическую базу составляют независимые исследования, использующие поиск по текстам судебных актов дел с участием цифровых валют. Полученные показатели (1 531 судебное решение за 2021 г. и 2 653 дела за 2023 г.) демонстрируют относительную динамику и одновременно свидетельствуют, что на фоне сотен тысяч ИТ-преступлений удельный «криптовалютный» сегмент остаётся сравнительно небольшим, что заметно расходится с публицистическим образом почти тотального смещения преступности в криптовалютную плоскость.

Статистические аргументы, используемые для описания «роста криптопреступности», можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа статистических аргументов роста криптопреступности опирается на данные финансовой разведки о подозрительных операциях с криптовалютами. По сведениям Росфинмониторинга, за девять месяцев 2023 г. зафиксировано около 185 тыс. операций с криптовалютой против примерно 60 тыс. за тот же период 2022 г., что трактуется как трёхкратное увеличение [10]. В докладе за 2024 г. говорится о примерно шестикратном росте числа сообщений о незаконной деятельности с использованием криптовалют в первые месяцы года [11]. Одновременно сообщается о внедрении системы мониторинга «Прозрачный блокчейн» [12], подключении к ней около 7 тыс. сотрудников правоохранительных органов и доведении до суда нескольких десятков уголовных дел на основе анализа криптовалютных транзакций [13]. Такие данные отражают расширение массива операций, попадающих в поле зрения финансовой разведки, но не число уголовно наказуемых деяний. Использование показателей по подозрительным операциям в качестве прямого доказательства роста преступности предполагает специальный методологический переход, который в доктрине, как правило, не раскрывается.

Во-вторых, активно используются оценки международных организаций и частных аналитических компаний. А.Г. Волеводз и соавторы, ссылаясь на данные Управления ООН по наркотикам и преступности об отмывании 2–5% мирового ВВП [14. С. 3], отмечают, что этот показатель не охватывает большинство операций с виртуальными активами и что в условиях неопределённости их статуса число правонарушений закономерно растёт. В такой ситуации сведения платформ наподобие Chainalysis¹ о похищенных криптоактивах и потоках на

адреса, идентифицированные как преступные, следует использовать прежде всего как фон, демонстрирующий глобальный масштаб оборота, тогда как характеристика российской криптовалютной преступности должна опираться на национальные массивы судебной и правоприменительной информации.

В-третьих, данные судебной практики (ГАС «Правосудие», независимые обзоры) показывают потенциал этого подхода, что иллюстрирует пример более 2 000 приговоров по делам криптовалютного наркотрафика за три года; однако отсутствие единой методики отбора дел затрудняет сопоставимость исследований и их использование для уголовно-политического планирования.

Наконец, часть работ описывает рост криптопреступности через расширение перечня составов, в которых цифровая валюта и цифровые права выступают объектом посягательства: И.С. Мочалкина показывает, что они могут охватываться составами кражи, мошенничества, присвоения, растраты, разбоя, вымогательства и иных деяний главы 21 УК РФ при единичной судебной практике [15. С. 58]; Е.А. Рускевич и И.И. Малыгин предлагают классификацию преступлений, где цифровая валюта выступает средством совершения, предметом посягательства или связана с майнингом, что создаёт основу для более точного учёта [16. С. 106], но такие подходы пока не отражены в официальной отчётности.

Отсутствие в государственной статистике отдельной категории «преступления с использованием цифровой валюты» приводит к тому, что в доктрине и правоприменительной практике под термином «криптопреступность» понимаются разные группы деяний.

В одном случае речь идёт о преступлениях, где цифровая валюта используется как средство расчёта при сбыте наркотиков, оружия и иных запрещённых предметов. О.Н. Тисен, анализируя кассационные определения по делам о незаконном обороте наркотических средств, показывает, что оплата преступных услуг участников организованных групп нередко осуществляется посредством криптовалютных транзакций [8. С. 8].

В другом случае под криптовалютной преступностью понимаются хищения цифровых валют, включая мошенничество, разбойные нападения и вымогательства, направленные на завладение криптовалютой потерпевшего. О.Н. Тисен приводит в пример дело, в котором обвиняемый требовал у потерпевшего передачу десяти биткоинов и совершал действия, квалифицированные как покушение на похищение человека и убийство, а также вымогательство в особо крупном размере [8. С. 10].

А.В. Архипов [6. С. 22] и И.С. Мочалкина [15. С. 58] анализируют случаи квалификации корыстных посягательств на цифровую валюту как мошенничество, указывая, что судебная практика в этой части продолжает складываться.

Третье направление связано с легализацией преступных доходов. М.М. Долгиева отмечает, что в России наиболее отлаженной сферой применения цифровой валюты в преступной деятельности является легализация

¹ Chainalysis Inc. – международная аналитическая компания, специализирующаяся на блокчейн-аналитике и разработке программных решений для комплаенса и финансовых расследований.

доходов от незаконного оборота наркотических средств. Практика раскрытия подобных дел прослеживается на протяжении нескольких лет, тогда как другие формы либо не выявляются, либо не находят отражения в уголовном законе [3. С. 53].

Обзоры судебной практики по конфискации цифровой валюты фиксируют её использование в коррупционных схемах и в качестве предмета взятки по приговорам военных судов [17. С. 13]. Объединение разнородных деяний под термином «криптопреступность» размывает статистическую аргументацию: рост числа подозрительных операций финансовой разведки смешивается с увеличением приговоров за легализацию доходов и хищения цифровой валюты, а также с расширением перечня составов, где она выступает предметом посягательства. В результате формируется образ лавинообразного роста криптовалютной преступности, тогда как независимые исследования показывают, что её доля в структуре ИТ-преступности остаётся ограниченной при устойчивой положительной динамике. Дисбаланс между дискурсом и эмпирическими данными влияет на уголовно-правовые решения, усиливая давление в пользу специальных составов, дублирующих нормы о хищении, легализации доходов и незаконном обороте наркотиков, но с указанием на цифровую валюту. Обсуждение идеи уголовной ответственности за незаконный приём цифровой валюты при торговой деятельности в период подготовки Закона № 259-ФЗ показало, что такие инициативы способны необоснованно расширять сферу уголовного запрета [18. С. 38].

Анализ литературы позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, тезис о росте криптопреступности в российской доктрине в основном оценочный: утверждения

о стремительном или постоянном росте редко опираются на конкретные статистические ряды и методику учёта.

Во-вторых, используемые количественные данные разнородны (статистика подозрительных операций, глобальные оценки объёма отмывания доходов и преступной активности в цифровых валютах, выборочные массивы судебных решений), отражают разные уровни реальности (операции, «подозрения», приговоры), поэтому их простое сопоставление или суммирование методологически некорректно.

В-третьих, исследования судебной практики (А.В. Архипов, И.С. Мочалкина, О.Н. Тисен) показывают, что при устойчивой положительной динамике число уголовных дел с участием цифровой валюты как предмета посягательства или средства совершения преступления остаётся несопоставимым с общим массивом ИТ-преступлений.

В-четвёртых, отсутствие единой операциональной дефиниции криптовалютной преступности и специализированной статистической категории затрудняет формирование взвешенной уголовной политики и оценку необходимости новых составов. Представляется целесообразным выделить в ведомственной отчётности отдельные показатели по преступлениям, где цифровая валюта выступает предметом, средством либо инструментом легализации доходов, опираясь на разработанные в доктрине классификации.

Уголовно-правовая наука, оперируя понятием «рост криптопреступности», нуждается в опоре на прозрачную эмпирическую базу и строгий методологический инструментарий. В противном случае статистические аргументы подменяются риторикой, а уголовно-правовые решения начинают строиться не на проверяемых фактах, а на образе постоянно расширяющейся цифровой угрозы.

Список источников

1. Криптовалюты и криптобиржи. Майнинг: судебная практика и ключевые аспекты: сокращ. версия отчёта // RTM Group. М., 2022. 19 с. URL: <https://rtmtech.ru/wp-content/uploads/2022/06/Issledovanie-Kriptovaluty-i-kriptobirzhi-2022.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Число «криптовалютных дел» в судах России выросло за два года в пять раз // РБК.Крипто. 26.03.2024. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6602adf09a794774ac975acf/> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Долгиева М.М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3 (1037). С. 50–54.
4. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Уголовно-правовое регулирование отношений, возникающих при нарушении порядка оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М. : Норма ; ИЗиСП, 2022. 376 с.
5. Красинский В.В. Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют // Современное право. 2025. № 4. С. 105–111.
6. Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. № 6. С. 16–23.
7. Мочалкина И.С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.
8. Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. 2024. № 5. С. 7–11.
9. Долгиева М.М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2. С. 171–177.
10. В России количество операций с криптовалютой за девять месяцев выросло втрое // ТАСС. 01.11.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19168461/> (дата обращения: 23.11.2025).
11. Кузьмичева А. Путину доложили о росте использования криптовалют в коррупционных схемах // РБК.Крипто. 2025. 8 июля. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/686cf74b9a79474d6153ad4e/> (дата обращения: 23.11.2025).
12. Негляд Г. Герман Негляд: Россия одна из немногих стран, которая имеет свою программу для анализа криптовалютных транзакций // Российская газета. 2023. 4 июля. URL: <https://rg.ru/2023/07/04/dokazatelstva-na-lico.html/> (дата обращения: 23.11.2025).
13. Герейханова А. Директор Росфинмониторинга Чиханчин отметил двукратный рост подозрительных операций с криптовалютой // Российская газета. 2023. 30 нояб. URL: <https://rg.ru/2023/11/30/direktor-rosfinmonitoringa-chihanchin-otmetil-dvukratnyj-rost-podozritelnyh-operatsij-s-kriptovalutoj.html/> (дата обращения: 23.11.2025).
14. Кунев Д.А., Волеводз А.Г. К вопросу о противодействии перемещению преступных активов в иностранные юрисдикции и их возврате в страны происхождения // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 3. С. 3–8.
15. Мочалкина И.С. Классификация преступлений против собственности, предметом которых являются цифровая валюта и цифровые права // Российский следователь. 2021. № 10. С. 56–59.

16. Рускевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.
17. Долгиева М.М. Криптовалюта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2025. № 11. С. 11–15.
18. Матушкина А. и др. «Цифра» к нам приходит // Банковское обозрение. 2021. № 1. С. 36–39.

References

1. RTM Group. (2022) *Kriptovalyuty i kriptobirzhi. Mayning: sudebnaya praktika i klyuchevye aspekty: sokrashch. versiya otcheta* [Cryptocurrencies and Cryptocurrency Exchanges. Mining: Judicial Practice and Key Aspects: Abridged Report Version]. [Online] Available from: <https://rtmtech.ru/wp-content/uploads/2022/06/Issledovanie-Kriptovalyuty-i-kriptobirzhi-2022.pdf/> (Accessed: 20th November 2025).
2. RBK.Kripto. (2024) *Chislo "kriptovalyutnykh del" v sudakh Rossii vyroslo za dva goda v pyat' raz* [The Number of "Cryptocurrency Cases" in Russian Courts Has Grown Fivefold in Two Years]. 26th March. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6602adf09a794774ae975acf/> (Accessed: 20th November 2025).
3. Dolgieva, M.M. (2021) *Legalizatsiya kriptovalyuty: sudebnaya praktika* [Legalization of Cryptocurrency: Judicial Practice]. *Zakonnist'*. 3 (1037). pp. 50–54.
4. Nudel, S.L. & Pechegin, D.A. (2022) *Ugolovno-pravovoe regulirovanie otnosheniy, voznikayushchikh pri narushenii poryadka oborota tsifrovyykh finansovykh aktivov i tsifrovoy valyuty* [Criminal Law Regulation of Relations Arising from Violation of the Procedure for Circulation of Digital Financial Assets and Digital Currency]. In: Kucherov, I.I. & Sinityn, S.A. (eds) *Tsifrovaya ekonomika: aktual'nye napravleniya pravovogo regulirovaniya* [Digital Economy: Current Directions of Legal Regulation]. Moscow: Norma; IZiSP.
5. Krasinskiy, V.V. (2025) *Protivodeystvie finansirovaniyu narkobiznesa i otmvyaniyu prestupnykh dokhodov s ispol'zovaniem kriptovalyt* [Counteracting the Financing of Drug Business and Money Laundering Using Cryptocurrencies]. *Sovremennoe pravo*. 4. pp. 105–111.
6. Arkhipov, A.V. (2020) *Tsifrovye ob'ekty kak predmet khishcheniya* [Digital Objects as the Subject of Theft]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 16–23.
7. Mochalkina, I.S. (2022) *Tsifrovye prava i tsifrovaya valyuta kak predmet prestupleniy v sfere ekonomiki* [Digital Rights and Digital Currency as the Subject of Crimes in the Economic Sphere]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Tisen, O.N. (2024) *Mekhanizm soversheniya prestupleniy s ispol'zovaniem kriptovalyt: po rezul'tatam analiza sledstvennoy i sudebnoy praktiki* [The Mechanism of Committing Crimes Using Cryptocurrencies: Based on the Analysis of Investigative and Judicial Practice]. *Rossiyskiy sledovatel*. 5. pp. 7–11.
9. Dolgieva, M.M. (2023) *Protivodeystvie kriptoprestupnosti ugolovno-pravovymi sredstvami* [Countering Cryptocrime by Criminal Legal Means]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 18 (2). pp. 171–177.
10. TASS. (2023) *V Rossii kolichestvo operatsiy s kriptovalyutoy za devyat' mesyatshev vyroslo vtroe* [In Russia, the Number of Cryptocurrency Transactions Has Tripled in Nine Months]. 1st November 2023. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/19168461/> (Accessed: 23rd November 2025).
11. Kuzmicheva, A. (2025) *Putinu dolozhili o roste ispol'zovaniya kriptovalyt v korruptsiyonnykh skhemakh* [Putin Was Informed About the Growth of Cryptocurrency Use in Corruption Schemes]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/crypto/news/686cf74b9a79474d6153ad4e/> (Accessed: 23rd November 2025).
12. Neglyad, G. (4th July 2023) *German Neglyad: Rossiya odna iz nemnogikh stran, kotoraya imeet svoju programmu dlya analiza kriptovalyutnykh transaktsiy* [German Neglyad: Russia is One of the Few Countries that Has Its Own Program for Analyzing Cryptocurrency Transactions]. *Rossiyskaya gazeta*. 4th July. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/07/04/dokazatelstva-na-lico.html/> (Accessed: 23rd November 2025).
13. Gerykhanova, A. (2023) *Direktor Rosfinmonitoringa Chikhanchin otmetil dvukratnyy rost podozritel'nykh operatsiy s kriptovalyutoy* [Director of Rosfinmonitoring Chikhanchin Noted a Twofold Increase in Suspicious Cryptocurrency Transactions]. *Rossiyskaya gazeta*. 30th November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/11/30/direktor-rosfinmonitoringa-chihanchin-otmetil-dvukratnyj-rost-podozritelnykh-operacij-s-kriptovalyutoj.html/> (Accessed: 23rd November 2025).
14. Kunev, D.A. & Volevodz, A.G. (2019) *K voprosu o protivodeystvii peremeshcheniyu prestupnykh aktivov v inostrannye yurisdiksiy i ikh vozvrate v strany proiskhozhdeniya* [On the Issue of Counteracting the Movement of Criminal Assets to Foreign Jurisdictions and Their Return to Countries of Origin]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 3. pp. 3–8.
15. Mochalkina, I.S. (2021) *Klassifikatsiya prestupleniy protiv sobstvennosti, predmetom kotorykh yavlyayutsya tsifrovaya valyuta i tsifrovye prava* [Classification of Crimes Against Property, the Subject of Which is Digital Currency and Digital Rights]. *Rossiyskiy sledovatel*. 10. pp. 56–59.
16. Ruskevich, E.A. & Malygin, I.I. (2021) *Prestupleniya, svyazannye s obrashcheniem kriptovalyt: osobennosti kvalifikatsii* [Crimes Related to Cryptocurrency Circulation: Qualification Features]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 106–125.
17. Dolgieva, M.M. (2025) *Kriptovaluta v ugolovnom sudoproizvodstve* [Cryptocurrency in Criminal Proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel*. 11. pp. 11–15.
18. Matushkina, A. et al. (2021) *"Tsifra" k nam prikhodit* ["Digital" Comes to Us]. *Bankovskoe obozrenie*. 1. pp. 36–39.

Информация об авторе:

Мельник В.С. – старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу (с дислокацией в городе Ессентуки Ставропольского края), полковник юстиции (Ессентуки, Россия). E-mail: melnik210580@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Melnik, senior investigator for particularly important cases, Head Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the North Caucasus Federal District (headquartered in Yessentuki, Stavropol Krai); Colonel of Justice (Yessentuki, Russian Federation). E-mail: melnik210580@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.41

doi: 10.17223/23088451/26/6

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСВОЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА (СТ. 160 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Хамзат Хамзатович Мусаев¹

¹ Херсонский государственный педагогический университет, Скадовск, Россия, hamzat_hamzatovich@mail.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ – присвоение или растрата. Исследуются объективные и субъективные признаки данного деяния, его отличие от смежных составов преступлений (кражи, мошенничества). Особое внимание уделено квалифицирующим признакам, в частности, совершению преступления группой лиц по предварительному сговору и использованием служебного положения. На основе анализа актуальной судебной практики Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции выявлены проблемные аспекты квалификации, разграничения форм хищения и оценки доказательств. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного законодательства.

Ключевые слова: присвоение, растрата, хищение, вверенное имущество, квалификация преступлений

Для цитирования: Мусаев Х.Х. Уголовно-правовая характеристика присвоения чужого имущества (ст. 160 УК РФ): проблемы теории и судебной практики // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 34–37. doi: 10.17223/23088451/26/6

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/6

THE CRIMINAL LAW CHARACTERIZATION OF EMBEZZLEMENT (ARTICLE 160 OF THE RF CRIMINAL CODE): PROBLEMS OF THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Hamzat H. Musaev¹

¹ Kherson State Pedagogical University, Skadovsk, Russian Federation, hamzat_hamzatovich@mail.ru

Abstract. Based on the analysis and identified problems, the following recommendations are proposed: 1. To the Legislator: Consider supplementing the note to Article 158 or Article 160 of the Criminal Code with a statutory definition of "entrusted property". This could be formulated as "property legally transferred to the perpetrator by its owner or an authorized person, thereby imposing on the perpetrator obligations for its safekeeping, management, designated use, or return." 2. To the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: Prepare and adopt a new ruling dedicated exclusively to judicial practice under Article 160. This ruling should provide detailed explanations on distinguishing embezzlement from fraud, qualifying group misappropriation, and interpreting the feature of "using one's official position." Furthermore, it should establish a presumption that in contentious situations where the moment the intent to steal arose cannot be proven, the actions of a person who received property under a contract and failed to return it should be classified not as fraud, but as a civil law tort or under Article 165 of the Criminal Code, provided intent for gratuitous seizure is not proven. 3. To Law Enforcement Agencies and Courts: During the investigation and adjudication of embezzlement and misappropriation cases, increased attention must be paid to establishing and examining circumstances that confirm the legal grounds for transferring property to the perpetrator (e.g., employment contract, job description, civil law contract), as well as the specific direction of intent and the presence of a mercenary motive.

Keywords: embezzlement, misappropriation, theft, entrusted property, criminal offense classification

For citation: Musaev, H.H. (2025) The criminal law characterization of embezzlement (Article 160 of the RF Criminal Code): Problems of theory and judicial practice. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 34–37. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/6

Среди различных форм хищения присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) занимают особое место, поскольку они непосредственно связаны с нарушением не только права собственности, но и отношений доверия, основанных на гражданско-правовых, трудовых или иных договорах. Это причиняет потерпевшим не только материальный, но и значительный моральный вред, подрывает основы добросовестности в экономическом обороте.

Согласно данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, ежегодно российские суды рассматривают тысячи уголовных дел по ст. 160 УК РФ.

При этом правоприменительная практика сталкивается с рядом устойчивых проблем: разграничением присвоения и растраты между собой и с другими формами хищения, толкованием признака «вверенное имущество», квалификацией действий организованных групп

и лиц, использующих служебное положение. Родовым объектом присвоения и растраты, как и всех преступлений против собственности, являются общественные отношения в сфере распределения, обмена и потребления материальных благ. Видовой объект – отношения собственности как родовое понятие по отношению к различным формам собственности. Непосредственный объект – право собственности конкретного лица на определенное имущество.

Предметом преступления по ст. 160 УК РФ является чужое, но вверенное виновному имущество. Ключевым здесь является признак вверенности. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «вверенность означает, что имущество было передано виновному на законном основании самим собственником или уполномоченным им лицом, и виновный в силу такого основания получил определенные правомочия в отношении этого имущества (владение, пользование, управление, распоряжение)» [1. С. 145].

Основаниями для вверения могут выступать:

- трудовой договор (например, полномочия кассира, кладовщика, курьера);
- гражданско-правовой договор (аренды, хранения, перевозки, комиссии, поручения);
- специальное полномочие, вытекающее из служебного положения (например, распоряжение бюджетными средствами главным бухгалтером);
- иные частные договоренности, если они предполагают передачу имущества с возложением на виновного обязанностей по его сохранности или целевому использованию.

Имущество, в отношении которого лицо хотя и имеет доступ, но не обладает указанными правомочиями (например, уборщица в офисе), не может считаться вверенным. Его изъятие будет квалифицировано как кража.

Объективная сторона присвоения и растраты характеризуется двумя альтернативными действиями:

1. Присвоение – это безвозмездное, совершенное с корыстной целью противоправное обращение виновным вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника. Присвоение считается окончательным преступлением с момента, когда законное владение имуществом превратилось в незаконное и виновный начал совершать действия по его удержанию и обращению в свою пользу (например, подложил в свою сумку, вывез с территории предприятия, внес в реестр как свое собственное) [2. С. 98].

2. Растрата – это безвозмездное, совершенное с корыстной целью противоправное потребление или расходование виновным вверенного ему имущества (продажа, дарение, передача в уплату долга и т.д.). Растрата окончена с момента противоправного отчуждения или потребления имущества.

На практике часто встречается смешанная форма: лицо сначала присваивает имущество (устанавливает над ним незаконный контроль), а затем его растрчивает. В этом случае его действия квалифицируются единообразно по ст. 160 УК РФ как присвоение, т.е. растрата, и дополнительной квалификации не требуют, поскольку это единое продолжаемое преступление [3. С. 45–49].

Обязательным признаком объективной стороны является причинение собственнику реального материального ущерба, размер которого влияет на квалификацию и наказание.

Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом. Виновный осознает, что обращает вверенное ему чужое имущество в свою пользу против воли собственника, и желает этого. Обязательным признаком является корыстная цель.

Субъект преступления – специальный: вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, которому имущество было вверено. В квалифицированных составах (ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ) субъект может быть наделен дополнительными признаками (лицо, использующее свое служебное положение).

Остановимся на квалифицирующих признаках и их толковании в судебной практике.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 160 УК РФ). Данный квалифицирующий признак вызывает значительные сложности в правоприменении. Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», групповое хищение вверенного имущества возможно только в случае, если все соучастники обладают признаками специального субъекта, т.е. им это имущество было вверено [4]. Если же один из соучастников не обладает полномочиями в отношении имущества, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в хищении, но не по ст. 160 УК РФ, а как пособничество в краже (ст. 33, ст. 158 УК РФ) либо, при наличии оснований, по правилам о мошенничестве.

Пример из судебной практики. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 15.03.2022 по делу № 1-125/2022. Кладовщица склада А. по предварительному сговору со своим братом Б., не работавшим на данном предприятии, систематически выносила с территории склада товарно-материальные ценности, передавая их Б., который их сбывал. Суд первой инстанции квалифицировал действия обоих по ч. 2 ст. 160 УК РФ. Однако Верховный Суд РФ в кассационном определении переквалифицировал действия Б. на ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (пособничество в краже, совершенной группой лиц по предварительному сговору), указав, что Б. не являлся лицом, которому имущество было вверено, и потому не мог быть соисполнителем присвоения. Действия кладовщицы А. были правомерно оставлены без изменения [5].

Присвоение или растрата с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ). Использование служебного положения предполагает, что виновный использует вытекающие из его служебных полномочий возможности по управлению, распоряжению или доступу к вверенному имуществу. Субъектом здесь выступает как должностное лицо, так и иной служащий коммерческой или иной организации, не являющийся должностным лицом (например, менеджер, агент по закупкам). Проблема заключается в разграничении самого факта вверенности и использования служебного положения. Если имущество уже было вверено виновному в

связи с его служебным положением, то дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 160 УК РФ не требуется [6. С. 33–37]. Данный признак применяется, когда лицо, не обладая полномочиями по распоряжению конкретным имуществом, использует свои общие служебные полномочия для облегчения доступа к нему и его хищения.

Пример из судебной практики. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.10.2023 № 5-УД23-75-К7. Начальник отдела логистики З., используя свои служебные полномочия по формированию маршрутов и учету горюче-смазочных материалов, организовал хищение бензина путем оформления фиктивных путевых листов с завышенным расходом топлива. Хотя бензин как таковой не был вверен З. на хранение, он использовал свое служебное положение для создания условий хищения. Суд правомерно квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 160 УК РФ [7].

Крупный и особо крупный размер (ч. 3 и ч. 4 ст. 160 УК РФ). Определение размера ущерба нередко связано со спорными вопросами оценки стоимости похищенного имущества. Согласно сложившейся практике, ущерб исчисляется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о стоимости назначается экспертиза. Важной проблемой является квалификация продолжаемого хищения, когда имущество изымается частями. Если умысел виновного изначально был направлен на хищение имущества в крупном размере, но совершалось оно несколькими действиями, содеянное квалифицируется как единое преступление. Если же умысел на хищение каждой последующей части возникал заново, то действия квалифицируются отдельно по совокупности преступлений.

Проблемы разграничения присвоения и смежных составов преступлений.

Отграничение от кражи (ст. 158 УК РФ). Основной критерий разграничения – отношение виновного к похищаемому имуществу. При краже имущество является для виновного чужим, к которому он не имеет никакого правомочия. При присвоении имущество становится вверенным, т.е. виновный на законном основании обладает им и имеет определенные правомочия (владение, управление, распоряжение). Например, если шофер угоняет автомобиль, который был вверен ему для выполнения рейса, намереваясь продать его, – это присвоение. Если же этот шофер проник в гараж и похитил другой автомобиль, не вверенный ему, – это кража.

Отграничение от мошенничества (ст. 159 УК РФ). Ключевое различие заключается в способе завладения имуществом. При мошенничестве виновный путем обмана или злоупотребления доверием убеждает потерпевшего добровольно передать ему имущество или права на него. При присвоении имущество уже находится у виновного на законном основании, и он его незаконно удерживает или обращает в свою пользу.

Сложности возникают в ситуациях, когда лицо получает имущество по договору, изначально не намерева-

ясь исполнять обязательства (преднамеренное неисполнение договорных обязательств). В данном случае решающее значение имеет установление момента формирования умысла. Если умысел на хищение возник до получения имущества, содеянное квалифицируется как мошенничество. Если же умысел возник после того, как имущество было получено во владение на законных основаниях, – как присвоение или растрата.

Пример из судебной практики. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2022 № 57-П22. Гражданин К. получил по договору беспроцентного займа от знакомого крупную сумму денег. Впоследствии обязательства не вернул и скрылся. Следствие квалифицировало его действия по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Однако Верховный Суд указал, что денежные средства были переданы К. на законном основании (договор займа), и не было доказано, что умысел на хищение возник у него до момента получения денег. Ввиду отсутствия доказательств первоначального обманного умысла действия К. были переквалифицированы на ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), так как прямой ущерб собственности в виде изъятия имущества отсутствовал, имел место лишь упущенный доход [8]. Данное дело иллюстрирует тонкую грань между составами.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– присвоение и растрата как формы хищения обладают сложным составом, центральным элементом которого является признак «вверенность» имущества виновному. Отсутствие четкого законодательного определения данного признака порождает неоднозначность в судебной практике;

– квалификация группового присвоения по ч. 2 ст. 160 УК РФ требует неукоснительного соблюдения правила о специальном субъекте: все соисполнители должны обладать полномочиями в отношении вверенного имущества;

– квалифицирующий признак «использование служебного положения» (ч. 3 ст. 160 УК РФ) должен применяться в случаях, когда служебные полномочия используются не для реализации уже имеющихся правомочий в отношении имущества, а для облегчения доступа к нему и его хищения лицом, которому оно изначально не было вверено;

– наибольшие трудности в правоприменении вызывает разграничение присвоения/растраты и мошенничества, где решающий критерий – установление момента возникновения умысла на хищение, что является сложной задачей доказывания.

На основе проведенного анализа и выявленных проблем предлагается:

1) законодателю: рассмотреть возможность дополнения примечания к ст. 158 УК РФ или ст. 160 УК РФ легальным определением понятия «вверенное имущество», сформулировав его как «имущество, переданное виновному на законном основании собственником или уполномоченным им лицом, с возложением на виновного обязанностей по его сохранности, управлению, использованию по назначению или возврату»;

2) Пленуму Верховного Суда РФ: подготовить и принять новое постановление, посвященное исключительно практике применения ст. 160 УК РФ, в котором дать развернутые разъяснения по вопросам разграничения с мошенничеством, квалификации группового присвоения и толкования признака «использование служебного положения». Закрепить в таком постановлении презумпцию, согласно которой в спорных ситуациях, когда момент возникновения умысла на хищение доказать невозможно, действия лица, получившего имущество по договору и не вернувшего его, следует квалифицировать

не как мошенничество, а как гражданско-правовой деликт либо по ст. 165 УК РФ, если не доказан умысел на безвозмездное изъятие;

3) правоохранительным органам и судам: при расследовании и рассмотрении дел о присвоении и растрате уделять повышенное внимание установлению и исследованию обстоятельств, подтверждающих правовые основания передачи имущества виновному (трудовой договор, должностная инструкция, гражданско-правовой договор), а также направленности умысла и наличия корыстной цели.

Список источников

1. Рарог А.И. Уголовное право России. Особенная часть : учебник. М. : Проспект, 2021. 832 с.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений против собственности : науч.-практ. пособие. М., 2018. 256 с.
3. Комиссаров В.С. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания // Законность. 2020. № 4. С. 45–49.
4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2022 № 57-П22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7. СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 12.10.2025).
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.07.2022 № 78-КГ22-15-К4 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2025).
6. Кузнецова А.П. Проблемы разграничения присвоения и мошенничества в судебной практике // Российский следователь. 2019. № 10. С. 33–37.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.10.2023 № 5-УД23-75-К7 // СПС «Гарант» (дата обращения: 12.10.2025).
8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2022 № 57-П22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7. СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. Rarog, A.I. (2021) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part]. Moscow: Prospekt.
2. Gaukman, L.D. (2018) *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv sobstvennosti* [Qualification of Crimes Against Property]. Moscow: [s.n.].
3. Komissarov, V.S. (2020) *Prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy kvalifikatsii i nakazaniya* [Crimes Against Property: Problems of Qualification and Punishment]. *Zakonost'*. 4. pp. 45–49.
4. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.03.2022 № 57-P22* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57-P22 dated 21.03.2022]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 7. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).
5. Russian Federation. (2022) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 12.07.2022 № 78-KG22-15-K4* [Cassation Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 78-KG22-15-K4 dated 12.07.2022]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).
6. Kuznetsova, A.P. (2019) *Problemy razgranicheniya prisvoeniya i moshennichestva v sudebnoy praktike* [Problems of Distinguishing Between Embezzlement and Fraud in Judicial Practice]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 10. pp. 33–37.
7. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 10.10.2023 № 5-UD23-75-K7* [Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-UD23-75-K7 dated 10.10.2023]. [Online] Available from: SPS Garant (Accessed: 12th October 2025).
8. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.03.2022 № 57-P22* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57-P22 dated 21.03.2022]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 7. [Online] SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).

Информация об авторе:

Мусаев Х.Х. – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института управления и права Херсонского государственного педагогического университета (Скадовск, Россия). E-mail: hamzat_hamzatovich@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

H.H. Musaev, senior lecturer at the Department of Jurisprudence, Institute of Management and Law, Kherson State Pedagogical University (Skadovsk, Russian Federation). E-mail: hamzat_hamzatovich@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/26/7

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА, ВЫЯВЛЕННЫЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ В 2019–2023 гг.

Валентина Ивановна Плохова¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vplohova@yandex.ru*

Аннотация. Проанализировано 7 решений Конституционного Суда, 16 исследований, и практика ординарных судов в них. Показано, что абсолютное большинство обращений граждан в КС РФ касалось мошенничества, кражи и примечания 1 к ст. 158 УК РФ. Часть обращений связана с толкованием вопроса, не вызывающего ранее дискуссии (субъективное содержание обмана). Особое внимание уделено вопросам закрепления и толкования их признаков в УК, выводы Конституционного Суда по поводу разграничения и существенно различающейся общественной опасности п. «г» ч. 3 ст. 158 УК в сравнении со ст. 159.3 УК, а также дополнению примечания 5 к ст. 158 УК. Намечены некоторые аспекты решения проблем.

Ключевые слова: решения Конституционного суда, мошенничество, кража, хищение, находка, присвоение найденного

Для цитирования: Плохова В.И. Проблемы закрепления и толкования признаков хищения чужого имущества, выявленные из обращений граждан в Конституционный Суд РФ в 2019–2023 гг. // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 38–42. doi: 10.17223/23088451/26/7

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/7

PROBLEMS IN DEFINING AND INTERPRETING THE ELEMENTS OF THEFT, AS REVEALED BY CITIZEN APPEALS TO THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION (2019–2023)

Valentina I. Plokhova¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vplohova@yandex.ru*

Abstract. Socio-economic transformations inevitably influence criminal law, particularly the legal conception of "property" in theft offenses. This evolution affects the legal object of the crime, the moment of its completion, and the very generic definition of theft. Consequently, law enforcement officials and legal scholars have adopted diverging interpretations of the elements of theft, leading to infringements of constitutional rights and prompting citizen appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation (CC RF). This study, therefore, examines which specific elements of theft, in the view of citizens and the Constitutional Court, currently contravene the Constitution. To identify persistent issues in the application of theft statutes and propose solutions, this analysis reviews 7 CC RF rulings, 16 scholarly works, and relevant ordinary court practice from a five-year period (2019–2023). This timeframe saw the highest number of citizen appeals challenging the constitutionality of norms on the misappropriation of another's property, predominantly concerning fraud, theft, and Note 1 to Article 158 of the Criminal Code. Some appeals addressed previously uncontested interpretive issues, such as the subjective content of deception. The solutions proposed by the CC RF and the legislator—namely, defining the subjective aspect of fraud by codifying a case-specific resolution in Note 5 to Article 158 (the generic definition of theft)—prove insufficiently convincing. The most significant criticisms target the legislative formulation and judicial application of offenses under Part 3 (g) of Article 158 compared to Article 159.3. Neither the legal positions of the CC RF and the Supreme Court nor the repeatedly amended text of Article 159.3 have resolved the delineation between these offenses. The substantial disparity in their perceived public danger (and corresponding sanctions) lacks compelling justification, thereby undermining the principles of legal certainty and equality before the law. Furthermore, the classification of a "lost-and-found" item (*nakhodka*) as an object of theft under certain conditions requires additional legal substantiation. CC RF decisions reveal a concerning trend embedded in Article 158 (regarding qualifying elements): shifting the burden of protecting property from the owner or lawful possessor onto the state via criminal law. This contradicts the civil law principle (Article 210 of the Civil Code, etc.) that "the owner bears the burden of maintaining his property, unless otherwise provided by law or contract." A more appropriate initial step might be to introduce administrative liability for the appropriation of found or accidentally acquired property, reflecting a historical precedent in Russian law where such acts carried lesser criminal sanctions than full-fledged theft. In summary, citizen appeals and Constitutional Court rulings over this relatively brief five-year period have exposed both long-standing and contemporary deficiencies in defining and interpreting the elements of theft and its specific forms, underscoring the pressing need for legislative and interpretive reform.

Keywords: Constitutional Court rulings, fraud, theft, misappropriation, lost property, appropriation of found property

For citation: Plokhova, V.I. (2025) Problems in defining and interpreting the elements of theft, as revealed by citizen appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation (2019–2023). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 38–42. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/7

Толкование теоретиками и практиками многих признаков хищений к концу XIX в. устоялось. Однако происходящие изменения в экономике не могли не повлиять на право, в том числе гражданское и уголовное. Изменение объекта гражданских прав, например, не могло не повлиять на понятие имущества в хищении, а оно ведет к изменению объекта преступления, момента окончания и др. и в целом родового определения хищения. В результате правоприменитель и исследователи стали по-разному толковать многие признаки [1], что приводит к нарушению конституционных требований в отношении средства ограничения прав и обращению граждан в Конституционный Суд (КС). Поэтому небезынтересно, что толкование каких признаков хищений на данный период, по мнению граждан и Конституционного Суда, не соответствует Конституции РФ.

1. Абсолютное большинство обращений в КС и вынесенных по ним решений в 2019–2023 гг. среди всех хищений касается признаков мошенничества (основного состава и квалифицирующих признаков, специальных норм) и кражи – примечания к ст. 158 УК РФ и ее квалифицирующих признаков.

Больше всего претензий к законодательной формулировке и практике применения весьма распространенного преступления, признаки которого предусмотрены п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в сравнении со ст. 159.3 УК РФ. Ни определение КС 2021 г. [2], ни меняющиеся редакции ст. 159.3 УК РФ (за шестилетний срок своего существования), ни Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3] не разрешили многих вопросов разграничения кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничества с использованием электронных средств платежа; не названы веские причины столь существенной разницы в общественной опасности (санкций) этих преступлений. Многие другие проблемные аспекты этих составов показаны в имеющихся исследованиях. Причем в некоторых из них авторы, соглашаясь с выводом КС о том, что нет нарушения принципа определенности и соразмерности, сами на многочисленных примерах практики судов показывают ее разнородность, противоречивость и в вопросах, затронутых КС и многими другими авторами [4].

При введении ст. 159.3 УК РФ презюмировалось, что мошенничество с использованием электронных средств платежа более общественно опасно по сравнению с общим составом мошенничества. Использование электронных средств платежа в нем выступает криминообразующим признаком. При этом санкцию в этом мошенничестве по сравнению с общим составом законодатель увеличил на один год лишения свободы (другие наказания, имеющиеся в санкции, идентичны). Тогда как в

краже этот же признак выполняет роль квалифицирующего, а разница с простой кражей составляет 4 года лишения свободы. Отсюда при совершении кражи возможно применение лишения свободы до 6 лет, преступление признается тяжким с невозможностью привлечения к административной ответственности за мелкую кражу; при совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа возможно назначение лишения свободы до 2 лет, преступление небольшой тяжести, за мелкое мошенничество возможна административная ответственность, т.е. это не уголовно наказуемое деяние. Чем объяснить такое неравенство? Оба состава преступления относятся к ненасильственным формам хищения. Главными криминообразующими признаками в них, по нашему мнению [5. С. 180–246] и по мнению других современных исследователей [6. С. 113–157], является размер изъятого имущества и способ хищения. В связи с этим в качестве квалифицирующих признаков должны закрепляться те, от которых зависит возможность изъятия большего количества (размера) имущества, которые позволяют причинить больший вред собственнику или иному владельцу. В связи с происходящим в России стремительным развитием системы безналичных расчетов¹ можно предположить повышенную общественную опасность таких деяний [8. С. 152]. Но это касается и кражи, и мошенничества. Таким образом, позиции КС и ПВС о наличии дополнительного объекта только в краже бездоказательны.

Объяснение КС повышенной общественной опасности кражи дополнительным объектом, в отличие от мошенничества, опровергается и многими солидными исследованиями, касающимися как конкретного состава мошенничества [9, 12], так и в целом хищений [10], в которых обосновывается суждение о том, что дополнительный объект имеется в мошенничестве, что, возможно, более обоснованно, чем в краже. Отсюда – нет равенства перед законом и судом лиц, совершивших кражу и мошенничество. Призыв КС по-другому урегулировать данные вопросы остается пока неуслышанным, возможно, и оправданно. Криминализация, пенализация получивших масштабное распространение в обществе деяний без предварительного опробирования технических возможностей их предупреждения, искоренения опрометчиво.

2. Из практики ординарных судов и решений КС по данным составам выявляется не менее сложный вопрос в определении и доказывании содержания их субъективной стороны – определение потерпевшего и доказательства субъективной стороны обмана.

2.1. В двух постановлениях в 2020 г. [11] и 2021 г., т.е. с разницей в один год, Конституционному Суду пришлось обосновывать, что если налоговые органы подтвердили право обратившегося к ним налогоплательщика на налоговый вычет и не обнаружили подделки до-

¹ Согласно отчету ПАО «Сбербанк», за первый квартал 2019 г. доля безналичных расчетов в России составила 49,4% от общих расходов

граждан по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, рост наблюдается на 5% [7].

кументов, то нет обмана. Статья 159 УК РФ, указывается в постановлении КС, «...не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика» [12]. Эти же и другие положения о взаимосвязи налогового законодательства и мошенничества при законном и противоправном налоговом вычете, наличии или отсутствии обмана содержатся и в определении КС 2023 г. [13]. Действия должны быть направлены на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика. Полагаем, что правоприменительно не удалось доказать и показать аксиоматические положения о некоторых особенностях субъективных признаков обмана. Они были выявлены и раскрыты еще в 1976 г. в диссертации, а затем в других публикациях Р.А. Сабитова [14. С. 86–89], в последующем подтверждены в современной юридической литературе и судебной практике [1, 15]. Обману присущи объективные и субъективные признаки. Обманывать можно только умышленно. «В сознании обманщика одновременно сосуществуют два противоположных представления о действительности: правильное и неправильное» [16. С. 161]. Несомненно, что доказывание субъективной стороны преступления сложно, но без доказательства осознанности этих двух составляющих возможны ошибки при вменении обмана.

2.2. Сделанное в 2020 г. Конституционным Судом заявление о том, что в понятие хищения нет неопределенности, в 2022 и 2023 г. пришлось менять. В двух постановлениях КС скорректировал толкование примечания 1 к ст. 158 УК РФ. Более того, Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ был признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, «...в той мере, в какой ввиду своей неопределенности он допускает в правоприменительной практике различную оценку размера похищенного при хищениях, совершаемых путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия) применительно к отнесению или неотнесению к этому размеру суммы налога, удержанной и уплаченной налоговым агентом с начисленной под воздействием обмана части заработной платы (денежного довольствия)» [17]. Законодатель как никогда оперативно (27.11.2023 г.) внес изменения в примечание к ст. 158 УК РФ, дополнив его п. 5 следующего содержания: «В случае, когда предметом хищения является доход,

облагаемый налогом на доходы физических лиц, в размер хищения не подлежит включению сумма указанного налога, удержанная и уплаченная налоговым агентом в соответствии с законодательством Российской Федерации». Безусловно, определенность закона достигнута. Но насколько корректно в примечание, касающееся родового определения хищения, включать разъяснения по конкретным случаям разной судебной практики? Возможно, неоднократно меняющиеся толкования Верховным судом элементов родового определения хищения (корыстной цели, последствий, момента окончания и др.) не позволили правоприменительно единообразно применять закон, что доказывает несовершенство родового определения хищения. Полемика по поводу его признаков в настоящее время активизировалась из-за изменения общественных отношений, в том числе отношений собственности, а отсюда – предмета, механизма причинения вреда, обозначению деяния, которыми может быть причинен вред.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П [18] резко изменилась, причем в худшую для виновного сторону, многолетняя практика толкования термина «обращение», обозначающее деяние в родовом определении хищения. Несколько десятилетий многими исследователями и практикой признавалось, что обращение чужого имущества без его изъятия возможно применительно к ст. 160 УК РФ [19. С. 106]. Однако КС изменил устоявшуюся тенденцию и показал, что при наличии определенных условий завладение находкой может расцениваться как хищение чужого имущества, без его изъятия. Отсюда, по сути, решением Конституционного Суда криминализованы деяния, ранее не признаваемые устоявшейся практикой хищением, правда, при наличии определенных условий. В этом решении КС, на наш взгляд, проявляется имеющаяся в ст. 158 УК РФ (при закреплении квалифицирующих признаков) тенденция переложения бремени охраны своего имущества с собственника или иного владельца на УК РФ, тогда как, согласно гражданскому законодательству (ст. 210 ГК и др.), «собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором». В понятие «бремя содержания», предложенное КС в Определении от 2 ноября 2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека» [20], входит и его сохранность (охрана). Это же в интересах собственника. Возможно, корректнее в связи с этим (обязанностью собственника сохранять и охранять свое имущество) [21] ввести для начала административную ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества. В истории уголовного законодательства в течение долгого времени существовала уголовная ответственность с меньшими по сравнению с хищением санкциями за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества (Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.) [5. С. 120].

Таким образом, за сравнительно короткий период (5 лет) в обращениях граждан и решениях КС обнажены и давние, и современные проблемы закрепления и толкования признаков хищения, его отдельных форм, требующих изменения закона и его применения.

Список источников

- Архипов А.В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования. М. : Юрлитинформ, 2022. 312 с.
- Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта г части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани». URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.10.2025).
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». URL: [consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/) (дата обращения: 01.12.2025).
- Хромов Е.В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2023. № 2. С. 44–58.
- Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности // Теория и практика уголовного права и уголовного процесса. СПб., 2003. 295 с.
- Архипов А.В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 424 с.
- Рейтинг «безналичных» городов и регионов. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/rb.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
- Шавалеев Б.Э. Общественная опасность мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 4. С. 152–154.
- Шавалеев Б.Э. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. 222 с.
- Смоляков А.Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова». URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.10.2025).
- Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова». URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.10.2025).
- Определение Конституционного Суда РФ от 09.03.2023 № 477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каретникова Леонида Михайловича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.10.2025).
- Сабитов Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86–89.
- Степанов Ю.И. Уголовно-правовая характеристика обмана как признака преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 253 с.
- Плохова В.И. Особенная часть уголовного права. Часть первая : учеб. пособие. Барнаул, 2006. 180 с.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433984/ (дата обращения: 12.10.2025).
- Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузряжкова». URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 12.10.2025).
- Бойцов А.И. Преступления против собственности // Теория и практика уголовного права и уголовного процесса. СПб., 2002. 775 с.
- Определение от 2 ноября 2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64900/ (дата обращения: 12.10.2025).
- Памятка об ответственности граждан по сохранности личного имущества. URL: <https://www.v.sancheleevov.stavrsp.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).

References

- Arkhipov, A.V. (2022) *Zakonodatel'stvo ob ugovolnoy otvetstvennosti za khishcheniya v Rossii: problemy pravoprimeniya i kontseptual'nye osnovy reformirovaniya* [Legislation on Criminal Liability for Theft in Russia: Problems of Law Enforcement and Conceptual Foundations of Reform]. Moscow: YurLitinform.
- The Russian Federation. (2021) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.07.2021 № 1374-O "O prekrashchenii proizvodstva po delu o provere konstitutsionnosti punkta g chasti tret'ey stat'i 158 i stat'i 159.3 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Zheleznodorozhnogo raionnogo suda goroda Ryazani"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1374-O dated 09.07.2021 "On Termination of Proceedings in the Case of Verification of Constitutionality of Point 'g' of Part Three of Article 158 and Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Request of the Zheleznodorozhny District Court of the City of Ryazan"]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed: 12th October 2025).
- The Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 (red. ot 15.12.2022) "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 30.11.2017 (as amended on 15.12.2022) "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement and Misappropriation"]. [Online] Available from: [consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/) (Accessed: 1st December 2025).
- Khromov, E.V. (2023) *Problemy kvalifikatsii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskogo scheta* [Problems of Qualifying Theft of Funds from a Bank Account]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 44–58.
- Plokhova, V.I. (2003) *Nenasil'stvennyye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Non-Violent Crimes Against Property]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
- Arkhipov, A.V. (2025) *Sistema sostavov khishcheniy po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii: problemy i perspektivy* [System of Theft Offenses under the Criminal Legislation of Russia: Problems and Prospects]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
- Sberbank.ru. (n.d.) *Reyting "beznaalnykh" gorodov i regionov* [Rating of "Cashless" Cities and Regions]. [Online] Available from: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/rb.pdf> (Accessed: 12th October 2025).
- Shavaleev, B.E. (2019) *Obshchestvennaya opasnost' moshennichstva s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv pletezha* [Social Danger of Fraud Using Electronic Means of Payment]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 4. pp. 152–154.
- Shavaleev, B.E. (2024) *Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv pletezha: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskiiy aspekt* [Fraud Using Electronic Means of Payment: Criminal Law and Criminological Aspects]. Law Cand. Diss. Kazan.

10. Smolyakov, A.N. (2023) *Khishchenie beznalichnykh, elektronnykh denezhnykh sredstv i tsifrovoy valyuty: voprosy yuridicheskoy tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti* [Theft of Non-Cash, Electronic Funds and Digital Currency: Issues of Legal Technique and Differentiation of Responsibility]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.07.2020 № 38-P "Po delu o provere konstitutsionnosti chasti tret'ey stat'i 159 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Litvinova"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 38-P dated 22.07.2020, On Verification of Constitutionality of Part Three of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen M.A. Litvinov]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed: 12th October 2025).
12. Russian Federation. (2021) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.03.2021 № 5-P "Po delu o provere konstitutsionnosti chasti pervoy stat'i 159 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Kalugarova"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P dated 04.03.2021, On Verification of Constitutionality of Part One of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen V.V. Kalugarov]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed: 12th October 2025).
13. Russian Federation. (2023) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.03.2023 № 477-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Karetnikova Leonida Mikhailovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chetvertoy stat'i 159 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 477-O dated 09.03.2023, On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Leonid Mikhailovich Karetnikov on Violation of His Constitutional Rights by Part Four of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed: 12th October 2025).
14. Sabitov, R.A. (2015) *Ponyatie i priznaki kriminal'nogo obmana* [Concept and Signs of Criminal Deception]. *Ugolovnoye pravo*. 5. pp. 86–89.
15. Stepanov, Yu.I. (2001) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika obmana kak priznaka prestupleniy v sfere ekonomiki* [Criminal Law Characteristics of Deception as a Sign of Crimes in the Economic Sphere]. Law Cand.Diss. St. Petersburg.
16. Plokhova, V.I. (2006) *Osobennaya chast' ugolovnoy prava. Chast' pervaya* [Special Part of Criminal Law. Part One]. Barnaul: [s.n.].
17. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.12.2022 № 53-P "Po delu o provere konstitutsionnosti punkta 1 primechaniy k stat'e 158 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Tikhookeanskogo flotskogo voennogo suda"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P dated 08.12.2022, On Verification of Constitutionality of Point 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Request of the Pacific Fleet Military Court]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433984/ (Accessed: 12th October 2025).
18. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12.01.2023 № 2-P "Po delu o provere konstitutsionnosti stat'i 227 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy i punkta 1 primechaniy k stat'e 158 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii, statey 75, 87 i 88 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan A.V. Galim'yanovoy i V.S. Puzyryakova"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated 12.01.2023, On Verification of Constitutionality of Article 227 of the Civil Code of the Russian Federation, Part One and Point 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, Articles 75, 87 and 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with Complaints of Citizens A.V. Galimyanova and V.S. Puzyryakov]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed: 12th October 2025).
19. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes Against Property]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
20. Russian Federation. (2006) *Opreделение ot 2 noyabrya 2006 g. № 444-O "Po zhalobe Upolnomochennogo po pravam cheloveka"* [Determination No. 444-O dated 2 November 2006, On the Complaint of the Human Rights Commissioner]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64900/ (Accessed: 12th October 2025).
21. The Russian Federation, Samara Region. (n.d.) *Pamyatka ob otvetstvennosti grazhdan po sokhrannosti lichnogo imushchestva* [Memo on Citizens' Responsibility for the Safety of Personal Property]. [Online] Available from: <https://www.v.sancheleevov.stavrsp.ru/> (Accessed: 12th October 2025).

Информация об авторе:

Плохова В.И. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vplokhova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.I. Plokhova, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vplokhova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.2/7

doi: 10.17223/23088451/26/8

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Евгения Викторовна Рогова¹

¹ Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия, rev-80@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты уголовно-правового противодействия преступлениям против собственности с учетом масштабной цифровизации общественных отношений, обуславливающей значительные риски, связанные с криминальным поведением людей, а также оказывающей влияние на состояние и структуру преступности. Появляются новые средства и способы совершения преступлений против собственности, трансформируется предмет хищений, что влечет за собой изменения и дополнения действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовое противодействие, преступления против собственности, цифровизация, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Рогова Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности в современных условиях // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 43–47. doi: 10.17223/23088451/26/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/8

CRIMINAL LAW RESPONSE TO PROPERTY CRIMES IN THE MODERN CONTEXT

Evgeniya V. Rogova¹

¹ Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, rev-80@yandex.ru

Abstract. This article analyzes key aspects of the criminal law response to property crimes in light of the development and integration of information and telecommunication technologies into various spheres of human activity. The author emphasizes that a significant proportion of crimes are now committed using these technologies, with property crimes—specifically theft and fraud—being the most prevalent. This shift is accompanied by notable changes in the structure of recorded property offenses. Official statistics indicate a substantial increase in recorded fraud cases alongside a certain decrease in recorded thefts. The emergence of new methods and means for committing property crimes necessitates scientifically and criminologically grounded amendments to the law. One legislative measure aimed at countering property crimes in the modern context has been the introduction of the qualifying feature "from a bank account, or with respect to electronic money." This has led to heightened criminal liability for theft and fraud involving computer information. However, law enforcement practice encountered difficulties in distinguishing between offenses under Part 3 (g) of Article 158 and Article 159.3 of the Criminal Code, which were subsequently resolved by the nation's highest judicial authority. A contemporary trend in criminal law involves moving beyond an exclusively tangible concept of property subject to theft, expanding it to include intangible objects of value. This expansion raises several practical questions for law enforcement. The legal nature and types of digital assets are diverse, a fact that must be considered when determining their properties as subjects of theft or other property crimes. A separate issue requiring attention is the determination of the value of such digital objects, as the pricing mechanism in this sphere remains insufficiently regulated.

Keywords: criminal law response, property crimes, digitalization, information and telecommunication technologies

For citation: Rogova, E.V. (2025) Criminal law response to property crimes in the modern context. *Ugolovnaya justitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 43–47. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/8

Цифровые технологии значительно меняют общественные отношения, они стали неотъемлемой частью нашей жизни. С одной стороны, такие технологии упрощают и ускоряют коммуникацию, позволяют получать информацию, совершать покупки в любое время и в любом месте, удаленно управлять механизмами, устройствами и техническими системами, решать сложные за-

дачи. Искусственный интеллект, имитирующий когнитивные функции человека, способен обрабатывать огромнейшие объемы данных, а также имеет все возможности принимать различные решения. В результате применения искусственного интеллекта в сотни раз сокращается путь от постановки проблемы до ее решения.

С другой стороны, масштабное внедрение информационных технологий несет в себе и значительные риски для общества, связанные с криминальным поведением людей.

Удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за 2024 г. в Российской Федерации составил 40% от общего количества всех зарегистрированных преступлений. При этом данные официальной статистики свидетельствуют о ежегодном росте рассматриваемых преступлений (в 2022 г. такие преступления составляли 26,5%, в 2023 г. – 34,8% от общего количества всех зарегистрированных преступлений). Наибольшее количество противоправных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в настоящее время приходится на мошенничества, кражи.

Такое развитие ситуации было ожидаемо, сегодня киберпреступность вытесняет преступность в реальном мире. Преступления против собственности в большей своей части в настоящее время совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Появление безналичных и электронных денежных средств и возможность расплачиваться ими за товары привели к тому, что преступники получили неправомерный доступ к информационным ресурсам, с помощью которых собственник управляет своими средствами. Фишинговые электронные письма, различные вредоносные файлы, неисправное программное обеспечение, методы социальной инженерии являются наиболее распространенными способами проникновения, доступа к системам и данным потенциальных жертв таких преступлений.

Следует сказать, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий повлекло за собой и определенные изменения в структуре преступлений против собственности, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Начиная с 2016 г. доля краж в общем количестве зарегистрированных преступлений против собственности начинает снижаться, достигнув к настоящему времени показатель практически в 45% (рис. 1).

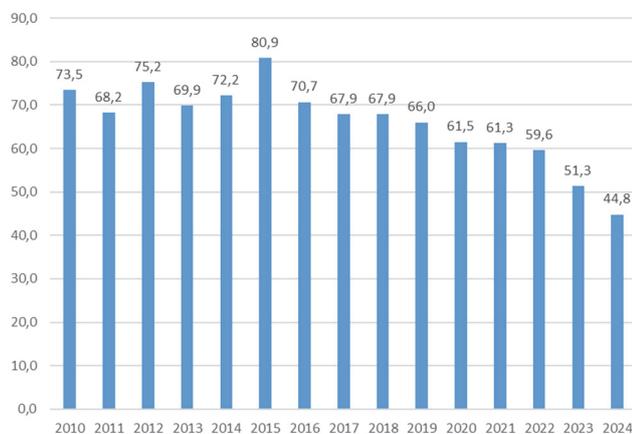

Рис. 1. Доля краж в структуре зарегистрированных преступлений против собственности, %

Одновременно происходит существенное увеличение доли мошенничества в общей структуре зарегистрированных преступлений против собственности (рис. 2). Из представленных данных на рис. 2 видно, что доля мошенничеств в структуре зарегистрированных преступлений против собственности увеличилась практически в четыре раза.

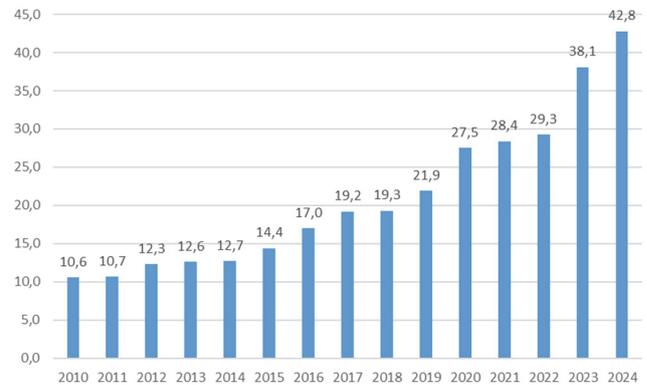

Рис. 2. Доля мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ) в структуре зарегистрированных преступлений против собственности, %

Являясь самыми распространенными преступлениями, преступления против собственности постоянно привлекали и привлекают внимание ученых к вопросам их квалификации, расследования и предупреждения. Достаточно обратиться к научным трудам таких известных ученых, как А.И. Бойцов [1], А.Г. Безверхов [2], В.В. Векленко [3], Б.В. Волженкин [4], Л.Д. Гаухман [5], С.А. Елисеев [6, 7], С.М. Кочои [8], Н.А. Лопашенко [9], В.И. Плоховой [10], П.С. Яни [11–14] и других, которые значительное внимание в своих работах уделяли и уделяют проблемам противодействия указанной категории преступлений. Следует сказать, что и в настоящее время в современных условиях цифровизации общественных отношений существует необходимость обращения к исследованию проблем противодействия преступлениям против собственности и обоснованию путей их решения. Как справедливо отмечает, Н.А. Лопашенко, тема, касающаяся изучения посягательств на собственность, является «достаточно сложной, высоко дискуссионной и крайне актуальной в обществе, где основная масса регистрируемых преступлений приходится на указанные противоправные деяния» [15. С. 3].

Безусловно, говоря о мерах противодействия преступлениям против собственности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует отметить, что среди них традиционно преобладают уголовно-правовые запреты.

На некоторые моменты, касающиеся уголовно-правового противодействия преступлениям против собственности с учетом развития современного состояния и динамики корыстной преступности против собственности [16], хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, следует обратиться к анализу изменений уголовного законодательства, произошедших в 2018 г. Целью закона было усиление уголовно-правовой охраны общественных отношений путем установления

и усиления уголовной ответственности за хищение электронных денежных средств. Закреплением квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» была усилена уголовная ответственность за совершение кражи и мошенничества в сфере компьютерной информации. Преступления с таким квалифицирующим признаком были отнесены к категории тяжких со всеми соответствующими уголовно-правовыми последствиями. Закрепление указанного квалифицирующего признака в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ повлекло за собой появление некоторых вопросов, возникающих при квалификации противоправных деяний указанной категории и их разграничении с преступлением, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 159³ УК РФ. В последствии вопрос квалификации был предметом рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации. Президиум Верховного Суда Российской Федерации в своем обзоре за 2021 г. указал, что «хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты квалифицируется как кража с банковского счета по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ».

В Конституционном Суде Российской Федерации по запросу Железнодорожного районного суда города Рязани рассматривался вопрос о соответствии положений п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ статьям 1 (ч. 1), 2, 15 (ч. 1), 17 (ч. 1) и 19 (ч. 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они с учетом сложившейся правоприменительной практики позволяют одни и те же действия – совершение покупок с оплатой товаров (услуг) в безналичной форме чужой банковской картой – квалифицировать как по п. «г» ч. 3 ст. 158, так и по ст. 159.3 УК РФ. Один и тот же ущерб оценивается в качестве признака либо тяжкого преступления (по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – независимо от суммы покупки), либо преступления небольшой тяжести (по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ – при сумме ущерба, превышающего 2 500 руб., но не являющегося значительным для потерпевшего) либо административного правонарушения (при сумме ущерба, не превышающей 2 500 руб.). Конституционный Суд Российской Федерации в своем решении указал относительно рассматриваемого вопроса, что обман кассира сам по себе не превращает содеянное в мошенничество, потому что работник магазина не распоряжается деньгами на счете клиента, а лишь обслуживает уже заданный банком платежный алгоритм, сославшись на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Верховным Судом Российской Федерации устранена существовавшая в правоприменительной практике неопределенность в разграничении составов кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничества с использованием электронных средств платежа (п. 25.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Во-вторых, поступательное развитие общественных отношений обуславливает определение роли и места цифровых объектов в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Мы видим, что в

настоящее время в уголовном праве происходит отступление от исключительно вещно-правовой природы предметов хищения, к которым могут относиться объекты нематериального мира, обладающие стоимостью. Складывающаяся следственно-судебная практика свидетельствует о том, что предметами таких преступлений становятся безналичные, электронные денежные средства, цифровая валюта, цифровые финансовые активы и др. [17–19]. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта стали предметом таких корыстных посягательств на собственность, как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой. При этом широкое вовлечение, например, цифровых валют в преступную деятельность определяет ее транснациональный характер.

Следует сказать, что юридическая природа и виды цифровых объектов разнообразны, что необходимо учитывать при определении их свойств как предмета хищения или предмета других преступлений против собственности. Как отмечает Э.Л. Сидоренко, «одним из самых латентных и в то же время стремительно растущих сегментов цифровой преступности в настоящее время становятся посягательства, совершаемые с использованием децентрализованных финансов (DeFi-преступность)» [20. С. 609–614; 21. С. 327–341]. Основными видами противоправного поведения в этой сфере являются кражи цифровых финансовых активов, мошенничество и др.

Условно цифровые объекты можно классифицировать на цифровые права, разновидностью которых являются цифровые финансовые активы, цифровую валюту, цифровой рубль, а также иные цифровые активы, обладающие фактической экономической ценностью, например цифровые аватары из виртуальных игр. В зависимости от этого посягательства на них могут образовывать разные виды противоправных деяний, причиняющих вред собственности. Например, сегодня цифровая валюта относится в соответствии с законодательством к имуществу и может выступать в качестве предмета хищения. Цифровые права относятся к обязательственным отношениям и образуют имущественное право, посягательство на которое может рассматриваться в рамках, например, ст. 159 УК РФ.

Отдельно необходимо рассматривать вопрос, касающийся определения стоимости указанных цифровых объектов. Механизм ценообразования в указанной сфере до настоящего момента полностью не урегулирован. Существуют разные подходы к определению стоимости цифровых объектов. Если такие объекты являются предметом на национальных цифровых платформах, то тогда их стоимость определяется по правилам, установленным на национальных цифровых платформах, если же сведений о них нет в стране – то с учетом правил цифровых платформ других государств.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект об усилении уголовной ответственности в случае использования дипфейков. За клевету, кражу и мошенничество, совершенные с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифи-

цированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица предлагается повышенная уголовная ответственность.

В целом, предложение достаточно обоснованное, оно обусловлено тем, что в настоящее время дипфейки стали широко применяться в преступных целях. Применение современных цифровых технологий, нейросетей и возможностей искусственного интеллекта позволяет преступникам создавать голос или изображение лиц, от имени которых рассылаются сообщения и которые практически невозможно отличить от оригинального голоса или изображения человека. Злоумышленники взла-

мывают аккаунты людей в социальных сетях и с помощью искусственного интеллекта создают сообщения с их голосами, рассылая их родным и близким лица.

Если ранее для создания дипфейка требовалось несколько дней, сейчас для этого необходимо, по словам специалистов, не более минуты, при этом распознать созданный нейросетью голос или изображение практически невозможно. Другими словами, цифровые технологии находятся в постоянном развитии и совершенствовании, в связи с чем это должно находить отражение в уголовном законодательстве.

Подводя итог, можно сказать о том, что с дальнейшим развитием цифровых технологий будет совершенствоваться и российское уголовное законодательство.

Список источников

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 775 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). EDN UBTAMH.
2. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара : Самар. ун-т, 2002. 359 с. EDN VYSOOX.
3. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск : Омская академия МВД России, 2001. 256 с. EDN VRSBEX.
4. Волженкин Б.В. Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением : конспект лекции. Л. : Ин-т усовершенствования следственных работников, 1987. 22 с.
5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М. : ЮрИнфоР, 2001. 310 с. EDN ZCNZIV.
6. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 121 с. EDN URBRXS.
7. Елисеев С.А. Преступления против собственности : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 194 с.
8. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Профобразование; АНТЭЯ, 2000. 288 с. EDN UWHXYN.
9. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма, 2012. 527 с. EDN QSHAAD.
10. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности : криминологическая и правовая обоснованность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 293 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр). EDN QVREAV.
11. Яни П.С. Размер хищения: сложности исчисления // Законность. 2024. № 5 (1075). С. 20–25. EDN HYXWOE.
12. Яни П.С. Размер хищения: сложности исчисления // Законность. 2024. № 6 (1076). С. 28–33. EDN IRGPFZ.
13. Яни П.С. Размер хищения: сложности исчисления // Законность. 2024. № 7 (1077). С. 33–38. EDN RPLSNT.
14. Яни П.С. Вопросы квалификации хищения безличных денежных средств // Законность. 2022. № 1 (1047). С. 46–50. EDN ZNFJD.
15. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. I: Общетеоретическое исследование посягательств на собственность. М. : Юрлитинформ, 2019. 296 с.
16. Рогова Е.В. Криминологическая характеристика корыстных преступлений против собственности в условиях цифровизации // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 4 (88). С. 378–390. doi: 10.17150/2500-4255.2025.19(4)
17. Сидоренко Э.Л. Кража криптовалюты: особенности квалификации преступлений // Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах. М., 2025. С. 299–324. EDN FPARSV.
18. Цифровая валюта и цифровые финансовые права как предмет и средство совершения преступлений / О.П. Грибунов, П.В. Никонов, С.В. Пархоменко [и др.]. Иркутск : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. 170 с. EDN RYRWSJ.
19. Сидоренко Э.Л. Право цифровых активов : учебник для бизнеса. М. : Юрлитинформ, 2025. 312 с.
20. Цифровое право : учебник / под ред. Э.Л. Сидоренко. М. : Юрлитинформ, 2024. 720 с. EDN ULNXGC.
21. Сидоренко Э.Л. DeFi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 327–341. doi: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341. EDN UXSEIM

References

1. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes Against Property]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Bezverkhov, A.G. (2002) *Imushchestvennye prestupleniya* [Property Crimes]. Samara: Samarskiy universitet.
3. Veklenko, V.V. (2001) *Kvalifikatsiya khishcheniy* [Qualification of Thefts]. Omsk: MIA of the Russian Federation.
4. Volzhenkin, B.V. (1987) *Kvalifikatsiya khishcheniy gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva putem prisvoeniya, rastraty ili zloupotrebleniya sluzhebnyim polozheniem* [Qualification of Thefts of State or Public Property through Embezzlement, Misappropriation or Abuse of Official Position]. Leningrad: Institut usovershenstvovaniya sledstvennykh rabotnikov.
5. Gaukman, L.D. & Maksimov, S.V. (2001) *Otvetsvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti* [Liability for Crimes Against Property]. Moscow: YurInfoR.
6. Eliseev, S.A. (2005) *Prestupleniya protiv sobstvennosti v istorii ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii* [Crimes Against Property in the History of Russian Criminal Legislation]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Eliseev, S.A. (2018) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes Against Property]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kochoi, S.M. (2000) *Otvetsvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Liability for Mercenary Crimes Against Property]. Moscow: Profobrazovanie, ANTEYA.
9. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Encroachments on Property]. Moscow: Norma.
10. Plokhova, V.I. (2003) *Nenasil'stvennye prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskaya i pravovaya obosnovannost'* [Non-Violent Crimes Against Property: Criminological and Legal Justification]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. Yani, P.S. (2024) Razmer khishcheniya: slozhnosti ischisleniya [The Amount of Theft: Calculation Complexities]. *Zakonnost'*. 5 (1075). pp. 20–25.
12. Yani, P.S. (2024) Razmer khishcheniya: slozhnosti ischisleniya [The Amount of Theft: Calculation Complexities]. *Zakonnost'*. 6 (1076). pp. 28–33.
13. Yani, P.S. (2024) Razmer khishcheniya: slozhnosti ischisleniya [The Amount of Theft: Calculation Complexities]. *Zakonnost'*. 7 (1077). pp. 33–38.

14. Yani, P.S. (2022) Voprosy kvalifikatsii khishcheniya beznalichnykh denezhnykh sredstv [Issues of Qualifying Theft of Non-Cash Funds]. *Zakonnost'*. 1 (1047). pp. 46–50.
15. Lopashenko, N.A. (2019) *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Avtorskiy kurs: v 4 kn. Kn. I: Obshcheteoreticheskoe issledovanie posyagatel'stv na sobstvennost'* [Crimes Against Property. Author's Course: In 4 Books. Book I: General Theoretical Study of Encroachments on Property]. Moscow: Yurlitinform.
16. Rogova, E.V. (2025) Kriminologicheskaya kharakteristika korystnykh prestupleniy protiv sobstvennosti v usloviyakh tsifrovizatsii [Criminological Characteristics of Mercenary Crimes Against Property in the Context of Digitalization]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 19 (4 (88)). pp. 378–390. doi: 10.17150/2500-4255.2025.19 (4).
17. Sidorenko, E.L. (2025) Krazha kriptovaluty: osobennosti kvalifikatsii prestupleniy [Theft of Cryptocurrency: Specifics of Crime Qualification]. In: Volevodz, A.G. (ed.) *Protivodeystvie kriptovalytnym prestupleniyam v zarubezhnykh stranakh* [Countering Cryptocurrency Crimes in Foreign Countries]. Moscow: yurlitinform. pp. 299–324.
18. Gribunov, O.P., Nikonov, P.V., Parkhomenko, S.V. et al. (2023) *Tsifrovaya valyuta i tsifrovye finansovye prava kak predmet i sredstvo soversheniya prestupleniy* [Digital Currency and Digital Financial Rights as Subject and Means of Committing Crimes]. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Government Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation."
19. Sidorenko, E.L. (2025) *Pravo tsifrovyykh aktivov* [Digital Asset Law]. Moscow: Yurlitinform.
20. Sidorenko, E.L. (ed.) (2024) *Tsifrovoe pravo* [Digital Law]. Moscow: Yurlitinform.
21. Sidorenko, E.L. (2023) DeFi-prestupnost': sostoyanie, tendentsii i kriminologicheskie modeli [DeFi Crime: State, Trends and Criminological Models]. *Russian Journal of Economics and Law*. 17 (2). pp. 327–341. doi: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341

Информация об авторе:

Рогова Е.В. – профессор, доктор юридических наук, директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск, Россия). E-mail: rev-80@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Rogova, Dr. Sci. (Law), full professor, director of the Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rev-80@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 344.643

doi: 10.17223/23088451/26/9

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Олег Николаевич Уваров¹

¹ *Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, o-uvarov@mail.ru*

Аннотация. Элементы, составляющие содержание наказания, классифицируются, как общие – присущие всем наказаниям, и видовые – зависящие от изоляции от общества; постоянные и специальные – применяемые весь срок наказания или до достижения поставленных целей; в зависимости от характера воздействия – карательные, соответствующие тяжести преступления и личности преступника, и обеспечивающие воспитательное и профилактическое воздействие; в зависимости от выполняемой функции – основные и обеспечивающие.

Ключевые слова: наказание, сущность, содержание, режим, элемент, кара

Для цитирования: Уваров О.Н. К вопросу о содержании уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 48–52. doi: 10.17223/23088451/26/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/9

ON THE CONTENT OF CRIMINAL PUNISHMENT

Oleg N. Uvarov¹

¹ *Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, o-uvarov@mail.ru*

Abstract. The content of criminal punishment comprises punitive elements, elements ensuring preventive impact, and elements facilitating rehabilitative impact. It must serve the realization of the core purposes of punishment: correction through rehabilitative influence, deterrence through preventive measures, and social justice through a set of punitive elements proportionate to the gravity of the crime and the social dangerousness of the convicted individual. It is essential to recognize that this categorization of measures is largely conventional, as only their integrated application, mandated by the punishment, ensures the achievement of these goals. The elements constituting the content of punishment can be further classified. Classification may be based on the type of application: for instance, as general (inherent to all punishments) and specific (dependent on isolation from society or its absence), or as constant elements and special elements applied for the entire sentence or until specific objectives are met. Alternatively, classification may be based on the nature of impact: punitive elements, corresponding to the crime's gravity and the offender's dangerousness, and elements ensuring rehabilitative and preventive impact. A functional classification is also possible, distinguishing between core and supporting elements. Within the content of punishment, the following supporting elements should be delineated: 1. rehabilitative elements: a) working in accordance with standard working hours; b) demonstrating one's rehabilitation; c) reporting on one's conduct to the administration of the penal institution; 2. preventive elements: a) refraining from offenses; b) remaining at one's place of residence during night-time hours; c) not changing one's place of residence or stay without permission from the administration of the penal institution. It should be noted that the proposed list of supporting elements is intended to be exhaustive.

Keywords: punishment, essence, content, regimen, element, retribution

For citation: Uvarov, O.N. (2025) On the content of criminal punishment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 48–52. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/9

При описании уголовного наказания в научной литературе чаще всего используются такие термины, как «сущность», «содержание», «форма», «режим» или «порядок». Важным в рассматриваемом нами аспекте представляется определиться с содержанием понятий, скрытых за этими терминами, их взаимосвязями и иерархией. Здесь сущность – наиболее общее, объемное и существенное в наказании. Она выступает как, в определен-

ном смысле, основная идея уголовного наказания и представляет собой кару. Содержание наказания выступает как набор элементов, которые призваны реализовать его цели. Эти элементы присущи конкретному наказанию, применяемому к конкретному осужденному.

Форма наказания – это его материальное выражение, фактически это его наименование, отражающее основные его функции. Режим представляет собой порядок как отбы-

вания, так и исполнения наказания, поскольку в нем аккумулярованы не только запреты, ограничения, права и обязанности осужденных, но и права и обязанности персонала, участвующего в исполнении наказания. Режим направлен на реализацию содержания конкретного наказания, он определяет то, каким образом каждый элемент, входящий в содержание наказания, будет выполнять свою функцию.

Кара, в свою очередь является лишением или ограничением прав и свобод осужденного. Совокупность таких лишений или ограничений составляет содержание наказания, которое конкретизируется в зависимости от его вида. Не всякое лишение, ограничение – это наказание. Столь же справедливо, что всякое наказание – мера принуждения, но не всякая принудительная мера – это наказание [1. С. 350–355]. При исполнении отдельные наказания одновременно предполагают и кару и обязательное применение к осужденным таких средств, не относящихся к наказанию, как труд, обучение, социально-воспитательная работа и т.д. В этой связи принципов уголовно-исполнительного законодательства закреплен принцип «соединения наказания с исправительным воздействием» [2. С. 25–32].

Безусловно, следует отметить, что карательные меры – это ограничения и лишения прав и свобод осужденного, выражающие реакцию общества и государства на противоправное поведение последнего, т.е. воздаяние за содеянное [3. С. 173–185]. Меры некарательные такой нагрузки не несут, однако, в свою очередь, также, но опосредованно ограничивают или лишают осужденного определенного права или свободы. Ведь если осужденный лишен свободы, сложно утверждать, что его право на свободный труд или право на свободное времяпрепровождение не ограничены. В исправительном учреждении трудиться осужденный обязан, как и обязан посещать, например, воспитательные мероприятия.

Очевидно, что, говоря о содержании уголовного наказания, следует учитывать, что сюда входят непосредственно карательные элементы и элементы некарательные (обеспечивающие), которые призваны способствовать реализации некарательных мер. Здесь следует отличать карательные элементы содержания наказания и карательные меры, так же как и некарательные (обеспечивающие) элементы наказания и, соответственно, некарательные меры. Вместе с тем, как и карательные, некарательные элементы наказания всегда представляют собой ограничение или лишение осужденного определенных прав и свобод.

Необходимо особо отметить, что наши рассуждения направлены не исключительно на наказание в виде лишения свободы. Правила, нами предлагаемые, универсальны, представляются общими и применимыми для всех видов уголовных наказаний.

Понятие «пенитенциарный режим» определяется как «правопорядок» исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, «совокупность правил и ограничений», «уклад (образ) жизни осужденных», в которых «выражается то, что согласно закону свойственно данному наказанию и отражает содержание самого наказания», а также то, что лежит вне наказания – режим или

меры исправительного воздействия. Правовое закрепление непенитенциарного режима выражается в виде правил, образующих порядок поведения осужденных и порядок деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества. Содержание непенитенциарного режима состоит из карательных требований и предписаний, не обладающих свойствами кары [4. С. 64–68]. Отсюда следует, по крайней мере, то, что режим определяет порядок реализации как карательных, так и некарательных элементов уголовного наказания. В этом пенитенциарный и непенитенциарный режимы схожи, а отличает их друг от друга объем правил, в этот порядок включенных.

Сущность наказания является системой, которая включает в себя исчерпывающий иерархически и логически систематизированный набор карательных элементов. Понимая, что кара, присущая наказанию, представляется не хаотической смесью ограничений и лишений прав и свобод осужденного, логично утверждать, что для «наполнения» карой конкретного вида наказания должен выделяться определенный их состав и объем. Во всяком случае, исходя из действующего законодательно определения наказания, понятно, что названные элементы должны сначала ограничивать, а затем и лишать виновного определенного конкретного права или свободы. Здесь в качестве ограничиваемых должны выделяться права и пользующиеся правовой охраной свободы, которые могут быть непосредственно использованы осужденным для совершения новых преступлений, а также права и свободы, предоставление которых осужденному не может быть использовано им для совершения преступлений, но они подлежат ограничению в целях реорганизации мотивов его поведения [5. С. 39].

Общественная опасность преступления включает в себя способность порождать негативные для общества последствия и прецедентность, состоящую в наличии свойств человеческой практики. Лицо, совершившее преступление, наделено повышенной общественной опасностью, «антиобщественная» направленность поведения отличает такое лицо от других законопослушных людей. Преступник, совершая преступное деяние, пренебрегает охраняющими общественные отношения нормами, которые выражают консолидированную волю общества (конкретные интересы различных классов, социальных групп, слоев), устанавливаемыми и обеспечиваемыми государством [1. С. 107; 6. С. 90; 7. С. 70]. Таким образом, лицо, совершившее преступление, демонстративно игнорирует волю общества, выраженную в уголовных нормах. Такое поведение означает неприятие установленных обществом и государством правил жизни в обществе, ставит преступника «выше» других граждан и «выше» закона. В связи с этим государство не только вправе, но и обязано, помимо обеспечения уголовной ответственности виновного, принять меры к восстановлению исходного положения, предусматривающего равенство граждан перед законом. Поскольку преступник пренебрег своими обязательствами перед государством, совершив преступление, государство вправе приостановить часть своих обязательств перед преступ-

ником, в данном случае, например, материального и социального плана (выплата пенсий, пособий и иные формы материальной поддержки). Ведь по общему правилу в любых правоотношениях добросовестный субъект вправе не исполнять свои обязательства, по крайней мере, до тех пор, пока субъект, пренебрегший своими обязательствами, не вернется к их нормальному исполнению. Мы не ведем здесь речь о прекращении всех обязательств и лишении гражданства в связи с преступлением, преступник остается гражданином, несет уголовную ответственность, но вопрос справедливости нельзя забывать. Никакие прошлые заслуги не могут превысить вред, нанесенный преступлением. Во всяком случае, такой подход прямо обоснован по отношению к лицам, отбывающим лишение свободы, так как они содержатся за счет государства «на полном обеспечении» и какие бы то ни было дополнительные материальные выплаты здесь определенно не уместны, поскольку они производятся за счет налогоплательщиков, т.е. законопослушных граждан. Да, государство, применяя лишение свободы, принуждает своего гражданина жить в условиях несвободы, за что, собственно, его и содержит, однако «двойная оплата» в этом случае никак не предусмотрена. Что касается наказаний, не связанных с лишением свободы, то к указанному правилу при их исполнении следует относиться дифференцированно в зависимости от вида наказания и личности осужденного.

Очевидно, что гражданин, живущий в обществе, должен иметь некие средства (достаток) для обеспечения собственного благосостояния и благополучия своей семьи. Легально средства, определяющие достаток и гарантирующие благосостояние, гражданин в современном обществе может заработать. Труд обуславливает заработок гражданина, что, в свою очередь, дает ему возможность рассчитывать на обеспечение собственного благосостояния. Здесь следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в противном случае лицо, не имеющее работы и, соответственно, не получающее заработной платы, элементарно не в состоянии содержать ни себя, ни свою семью при ее наличии.

Очевидно, что источником благосостояния граждан могут быть и иные материальные средства, например вклады, ценные бумаги, недвижимость и другое, однако особый правовой статус осужденного обязывает государство обеспечить ему легальную гарантированную возможность материального обеспечения для содержания себя и семьи. Российская Федерация обеспечивает свободное развитие человека: создает условия для повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества и гарантирует уважение человека труда [8]. Условия для обеспечения собственного благосостояния должны быть доступны всем гражданам без исключения, т.е. всем социальным слоям нашего общества. Следовательно, единственным таким гарантированным условием может рассматриваться труд и соответствующая ему заработная плата. Труд представляется целесообразной деятельностью человека, направленной на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей в интересах того

же общества [9]. Труд, отсюда, не только приносит заработок осужденному, но и направлен на благополучие общества и государства, которым этим осужденным нанесен вред. Причем государство здесь должно учитывать и возможность гражданина трудиться (наличие у него инвалидности), и фактическое наличие или отсутствие работы (безработицу). Необходимо отметить, что при лишении свободы общественно полезный труд является средством исправления осужденных, а наказания без изоляции от общества не в полной мере обеспечивают труд осужденного.

Рассматривая структуру наказания в широком смысле как включающую в себя карательную, воспитательную и профилактическую составляющие [10. С. 39–43], нельзя не согласиться с тем, что и содержание этого наказания подразделяется на те же карательную, воспитательную и профилактическую составляющие. Вместе с тем содержание наказания всегда представляет собой совокупность элементов, ограничивающих или лишаящих осужденного определенных прав и свобод. Здесь не следует включать в содержание наказания непосредственно воспитательное или профилактическое воздействия, так как они непосредственно не относятся к каре. Также к каре не относится и труд. Однако обязанность осужденного трудиться, бесспорно, ограничивает его свободу, по крайней мере, свободу выбора своей трудовой занятости.

Кроме того, в контексте лишения и ограничения прав и свобод осужденного следует говорить о социальных и личных благах, принадлежащих ему, а также о его возможностях для удовлетворения личных потребностей. Кроме того, помимо запретов и ограничений, элементы, включаемые в содержание наказания, должны выражаться и в особых обязанностях, налагаемых на осужденного [2. С. 25–32].

Следует подчеркнуть, что обращает на себя внимание такая профилактическая обязанность, применимая к осужденному, как «не совершать правонарушений». Безусловно, это нормальное требование к любому гражданину, но для осужденного это требование должно иметь особое значение и обеспечиваться более строгой ответственностью, например, заменой наказания, не связанного с изоляцией от общества, на лишение свободы, а при отбывании лишения свободы – иными строгими мерами, например, учетом статуса осужденного при совершении им преступления в качестве отягчающего обстоятельства.

Представляется, что в качестве профилактических элементов, ограничивающих права осужденного, которые могут быть непосредственно использованы им для совершения новых преступлений либо создать мотивацию для их совершения, следует применять и обязанности находиться дома в ночное время и не менять места жительства без разрешения администрации учреждения, исполняющего наказание. Безусловно, эти элементы присущи и наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, и лишению свободы, при котором они реализуются априори.

Вместе с тем для осужденного эти требования также должны иметь особое значение и также обеспечиваться более строгой ответственностью.

Рассматривая содержание наказания, нельзя забывать и о воспитательной его составляющей. Эта составляющая не менее конкретно должна обеспечиваться обязанностями, входящими в содержание наказания. В качестве таких обязанностей вполне логично рассматривать обязанности «доказывать свое исправление» и «отчитываться о своем поведении». Наличие таких обязанностей связано с элементами самовоспитания, когда осужденный не просто отбывает наказание, а задумывается над тем, что в его поведении можно назвать доказательством исправления и как об этом аргументированно рассказать. Положительную педагогическую ценность для воспитания осужденного имеют не сами по себе элементы кары, испытываемые осужденным в процессе исполнения наказания, а их роль как толчка, вызывающего новые мыслительные и эмоциональные процессы, оживление и мобилизацию находившихся под спудом положительных взглядов личности [5. С. 33].

Таким образом, содержание наказания включает в себя карательные элементы, элементы, обеспечивающие профилактическое воздействие и элементы, обеспечивающие воспитательное воздействие. Оно должно обеспечивать реализацию целей наказания: исправление – через воспитательное воздействие, предупреждение – через профилактическое воздействие, социальную справедливость – через набор карательных элементов, который должен соответствовать тяжести преступления и общественной опасности личности осужденного. Здесь необходимо понимать, что такое разделение мер воздействия на осужденного весьма условно, так как только их совокупность, обусловленная наказанием, обеспечивает достижения поставленных целей.

Элементы, составляющие содержание наказания, должны классифицироваться и в зависимости от типа их применения, например, как общие – присущие всем наказаниям и «видовые» – зависящие от изоляции от общества или от отсутствия такой изоляции, постоянные элементы и специальные элементы, применяемые в течение всего срока наказания или до достижения постав-

ленных перед элементом целей; в зависимости от характера воздействия элементы подразделялись на карательные – соответствующие тяжести преступления и общественной опасности личности преступника, и обеспечивающие воспитательное и профилактическое воздействие. Возможна классификация таких элементов и в зависимости от выполняемой ими функции – например, как основные и обеспечивающие.

В качестве обеспечивающих элементов в содержании наказания следует выделять:

1. Воспитательные:
 - а) работать в соответствии с нормальной продолжительностью рабочего времени [11];
 - б) доказывать свое исправление;
 - в) отчитываться о своем поведении перед администрацией учреждения, исполняющего наказание.
2. Профилактические:
 - а) не совершать правонарушений;
 - б) находиться дома в ночное время;
 - в) не менять места жительства или пребывания без разрешения администрации учреждения, исполняющего наказание.

При этом следует отметить, что перечень предложенных обеспечивающих элементов представляется исчерпывающим. Такой вывод следует из того обстоятельства, что приведенные элементы по своим внутренним функциям обеспечивают проведение с осужденными воспитательной и профилактической работы, что должно быть обязательно и вполне обоснованно. Вместе с тем предложенные элементы представляют собой тот минимальный, но достаточный набор, который способен реализовать свое предназначение, не создавая впечатления избыточности. Ведь если требования по реализации воспитательного или профилактического воздействия будут лишними, то их предназначение изменится, соответственно, с воспитательного или профилактического на карательное. А безусловный карательный элемент в содержании наказания в нашем случае совершенно недопустим.

Список источников

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 600 с.
2. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. 240 с.
3. Голик А.Ю. Философия уголовного права / сост. Ю.В. Голик, А.Ю. Голик; ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 348 с.
4. Ольховик Н.В. Содержание непенитенциарного режима // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 15–17.
5. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 32 с.
6. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учебник. Томск : ДиВо, 2007. 230 с.
7. Криминология : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. 132 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2025).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2025).
10. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. Utkin, V.A. & Shesler, A.V. (eds) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Golik, A.Yu. (ed.) (2004) *Filosofiya ugovolnogo prava* [Philosophy of Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

4. Olkhovik, N.V. (2023) Soderzhanie nepenitentsiarnogo rezhima [The Content of the Non-Penitentiary Regime]. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 15–17.
5. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical Issues of Execution of Deprivation of Liberty and Re-education of Prisoners]. Law Dr. Diss. Tomsk.
6. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2007) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General Part]. Tomsk: OOO DiVo.
7. Avanesov, G.A. (ed.) (2008) *Kriminologiya* [Criminology]. Vladivostok: VGUES.
8. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).
9. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).
10. Utkin, V.A. (2016) Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Criminal Executive Activity and the Subject of Criminal Executive Law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (24).
11. Russian Federation. (2001) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 29.09.2025)* [Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 30.12.2001 (as amended on 29.09.2025)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 12th October 2025).

Информация об авторе:

Уваров О.Н. – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: o-uvarov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Uvarov, Cand. Sci. (Law), docent, professor at the Department of Organization of Punishment Execution, Tomsk Institute for Advanced Training of Personnel of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o-uvarov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/26/10

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Ольга Ивановна Андреева¹, Александр Михайлович Баранов², Анна Васильевна Кудрявцева³

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, andreevaoi_70@mail.ru

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, baranowam@list.ru

³ Северо-Западный филиал РГУП им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, acifna@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние цифровизации на уголовно-процессуальные правоотношения и на развитие уголовно-процессуального права. Авторы пришли к выводу о необходимости разграничивать использование цифровых технологий, как составной части делопроизводства, влияющих на характер уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся правоотношений. Доктринальное понимание современного уголовного процесса должно исходить из его информационной сущности. При информационной сущности/природе уголовного процесса приоритетным становится обнаружение, сохранение, передача и использование достоверной информации.

Ключевые слова: цифровизация, информация, понятие уголовного процесса, уголовный процесс, достоверность, допустимость доказательств, ИИ

Для цитирования: Андреева О.И., Баранов А.М., Кудрявцева А.В. Уголовный процесс как разновидность информационного процесса // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 53–59. doi: 10.17223/23088451/26/10

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/10

CRIMINAL PROCEDURE AS A TYPE OF INFORMATION PROCESS

Olga I. Andreeva¹, Aleksandr M. Baranov², Anna V. Kudryavtseva³

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, andreevaoi_70@mail.ru

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, baranowam@list.ru

³ North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, acifna@mail.ru

Abstract. Based on the informational nature of criminal procedure, the authors conclude that it is necessary to distinguish between two regulatory frameworks: the application of digital technologies for document workflow management (governed by administrative instructions) and their application in ways that affect the character of criminal procedural activities and legal relations (which must be governed by substantive criminal procedure law). The authors emphasize that the doctrinal understanding of the contemporary criminal process must be grounded in its informational essence. From this perspective, the priority in criminal procedure becomes the discovery, preservation, transmission, and use of reliable information. Consequently, the authors propose the following definition: Criminal procedure is a state-regulated activity for the collection, verification, preservation, transmission, and use of information about a crime and its perpetrators, aimed at the administration of justice. This activity is implemented through criminal procedural relations governed by the norms of criminal procedural law.

Keywords: digitalization, information, concept of criminal procedure, criminal procedure, reliability, admissibility of evidence, AI

For citation: Andreeva, O.I., Baranov, A.M. & Kudryavtseva, A.V. (2025) Criminal procedure as a type of information process. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 53–59. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/10

Искусство судопроизводства есть не что иное,
как искусство пользоваться доказательствами.

И. Бентам

Кто владеет информацией, тот владеет миром.
Приписывается Ф. Бэкону, А. Ришелье, Д. Ротшильду, У. Черчиллю

Сегодня изучение большинства дисциплин в вузе начинается со знакомства с понятием изучаемого предмета. Освоение дисциплины уголовного процесса не яв-

ляется исключением. По сложившейся традиции рассматриваются понятие, сущность и значение/назначение уголовного процесса.

Между тем в последнее время в ряде учебных изданий, посвященных уголовному процессу, обнаруживаем попытку авторов отказаться от формулирования понятия в виде «классического» определения [1. С. 19–22; 2. С. 32–34]. Авторы раскрывают сущность, правовую природу, содержание, форму и назначение уголовного процесса, проводят сравнение терминов «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Этот подход, конечно же, есть отступление от «традиционной» формы раскрытия того или иного понятия. Но он вполне объясним в текущих условиях. По мнению профессора Л.В. Головки, такая ситуация объясняется тем, что в России нет консенсуса на уровне уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политиками между моделями «контроля над преступностью» и «соблюдением должной правовой процедуры» [2. С. 57]. Современная уголовно-процессуальная политика находится в становлении, и говорить о ее концептуальном оформлении рано [3. С. 4].

Современная наука уголовного процесса в вопросе определения понятия уголовного процесса, его сущности, как представляется, исчерпала свои возможности. За последние десятилетия научная мысль не смогла предложить ничего нового, кроме различного сочетания сформулированных в XIX в. и первой половине XX в. доктрин понятия уголовного процесса, рассматривающих его: как вид государственной деятельности, закрепленный в законе, и складывающиеся правоотношения; как деятельность, облеченную в уголовно-процессуальную форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом; как систему гарантий от необоснованного уголовного преследования и др. [4; 5. С. 369–370].

Не подлежит сомнению, что, давая свое понятие уголовного процесса в тот или иной период, ученые находились под влиянием уголовной политики государства, сформировавшегося правосознания, трудов о праве и складывающихся общественных отношений в тот или иной период развития общества. При этом взгляд на процесс зависел и зависит от тех задач, которые ставили перед собой исследователи.

Следует согласиться с тем, что понятие уголовного процесса связано с его социальным назначением и определением элементов, его составляющих. Наиболее важными в структуре элементов уголовного процесса, наряду с уголовно-процессуальной деятельностью и уголовно-процессуальными отношениями, являются определение предмета и объекта уголовно-процессуальной деятельности и отношений, его целей и средств [6. С. 19–22]. Не затрагивая категорию предельной общности – цель (назначение) уголовного процесса, остановимся на вопросе оказания влияния на уголовный процесс изменяющихся под влиянием цифровых технологий средств.

При этом надо оговориться о разграничении использования цифровых технологий в той части процесса, которая относится в большей степени к делопроизводству и может быть урегулирована подзаконными нормативными актами, и той части, которая может повлиять на характер уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся в процессе этой деятельности правоотношений.

Огромное влияние на развитие уголовного процесса оказало развитие технологий и технологического прогресса. В ходе расследования стали широко применяться фотография, затем кино, видеосъемка как приложение к протоколу; дактилоскопия, различные виды экспертиз и т.д., что породило новые виды следственных действий, регламентация которых была задачей уголовно-процессуального права. И все же эти трансформации не оказали радикального влияния на изменение содержания и формы возникающих правоотношений в самом уголовном судопроизводстве [7. С. 17].

Можем ли мы говорить об изменении природы уголовно-процессуальной деятельности и возникающих в ее процессе правоотношений с внедрением современных информационных технологий в уголовный процесс? Например, участие обвиняемого, подсудимого в судебных заседаниях посредством ВКС изменяет ли саму природу правоотношений, порождает иные правоотношения между участниками уголовного процесса? Представляется, что нет. Здесь применение технологий не изменило уголовно-процессуальные отношения.

Если упрощенно представить возникновение, принятие правовой нормы, это выглядит следующим образом: случай – обычай – традиция – норма права. Норма регулирует сложившиеся относительно устойчивые отношения в обществе.

В частности, сущность и природу уголовного процесса на столь длительное время предопределило изменение правового статуса личности в обществе и государстве, которое стало результатом преобразований в обществе. Ярчайшим примером этого является Декларация независимости США (1776 г.), Французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), которые зафиксировали естественные, неотчуждаемые и священные права человека: свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Безусловно, это непосредственно отразилось и на уголовном процессе. В частности, с принятием этих актов была отменена пытка как способ получения доказательств. Отмена пытки, провозглашение презумпции невиновности предопределили необходимость поиска новых форм и правовых инструментов доказывания, которой в середине XIX века стала теория формальных доказательств, позднее ее сменила теория доказывания по уликам. Появлению последней в немалой степени способствовали достижения технических наук и бурное развитие криминалистики.

Было и еще одно важное обстоятельство, радикально повлиявшее на природу и содержание уголовного процесса, но которое упускается из виду юристами. Именно это обстоятельство дало толчок формализации процесса с точки зрения детализации его процедур, порядка производства как в судебных стадиях, так и во время полицейского расследования. Именно это обстоятельство породило письменную форму досудебного делопроизводства сначала в виде документирования, а затем и в форме дознания / предварительного следствия.

Благодаря кратному увеличению и удешевлению производства бумаги получило распространение бумажное делопроизводство и существующий в большей степени и ныне порядок производства по уголовному делу.

Так уж сложилось в истории нашего государства, что произошедшие революции, репрессии 1930–1950-х гг., а в последующем – ориентация на западные стандарты защиты прав человека, оказали влияние на судебные реформы в целом и на реформу уголовного судопроизводства XX–XXI вв.

Характеристиками уголовно-процессуального права стали: фокусировка на права лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, детализация уголовно-процессуальной деятельности как механизм, препятствующий злоупотреблению полномочиями со стороны должностных лиц, расширение полномочий субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе суда (судебный контроль), примат допустимости над достоверностью доказательств.

По мнению практических работников и ученых, современный Уголовно-процессуальный кодекс стал превращаться в инструкцию [8. С. 116–117]. Приоритет допустимости над достоверностью в теории доказательств не только не обеспечил интересы личности в уголовном процессе, а привел к обратному результату. Казалось бы, если написать хороший УПК и обеспечить его строгое соблюдение, то восторжествует ПРАВОСУДИЕ. Однако этого не произошло.

В чем же причина? Следует констатировать, что в конце XX – начале XXI в. с появлением цифровых технологий изменились способы получения, сохранения, передачи информации. С одной стороны, скорость работы с информацией увеличилась, а с другой – не были разработаны способы формализации этих процессов применительно к «бумажному» уголовному судопроизводству.

Как уже было сказано, изменения в технологическом прогрессе в XIX и XX вв. существенно не повлияли на способ сохранения и передачи информации. За два столетия следователи прокуроры и судьи от гусиного пера и чернил перешли к шариковой ручке, а потом и к печатной машинке, которую заменил принтер, но всегда все делопроизводство в уголовном процессе фиксировалось на бумаге. Фото, кино-видеозапись, аудиозапись в силу сложности применения, низкого качества и ненадежности фиксации выступали и выступают в качестве приложения к письменному/бумажному документу.

Между тем опосредованное изложение информации, полученное субъектом из внешней среды и обработанное его сознанием, даже при добросовестности субъекта всегда влечет изменение/искажение этой информации. Как следствие, возникает сомнение в достоверности информации. А именно достоверность и была причиной поиска той или иной формы уголовного процесса всю историю цивилизации от «Законов XII таблиц» Древнего Рима [9] до современного «электронного» делопроизводства. Современные технические средства позволяют полностью отказаться от «бумажной» формы делопроизводства и перейти в электронный формат, который будет способствовать большей достоверности в доказывании. Многие страны уже идут по этому пути [10. С. 118–123; 11. С. 99–103; 12. С. 57–61].

Современные социологи, политологи и все, кто занимается информационными технологиями, отмечают,

что государство обязано формировать информационную политику с учетом как технологических инноваций, так и национальных принципов, обычаев и традиций с целью сохранения у представителей данного гражданского общества национальной идентичности и корректного с позиции государства мировоззрения [13. С. 129–130; 14. С. 71–72; 15; 16. С. 6]. Информация становится стратегическим ресурсом и ключевым фактором развития цивилизации. Происходящий на наших глазах лавинообразный процесс глобальной информатизации общества можно квалифицировать как глобальную информационную революцию [17. С. 6–7].

Действительность такова, что XXI в. кроме кратного увеличения объема информации и разительного изменения доступности к ней поставил перед цивилизацией огромную социальную проблему – достоверности информации. Вместе с тем проблема достоверности информации существовала всегда. Однако она никогда не принимала таких масштабов, как сегодня. В предыдущую историю цивилизации существовали различные достаточно эффективные средства цензуры информации, которые обеспечивались государством, церковью и другими социальными институтами.

Следует констатировать, что в современном мире ни статус лица (например, руководителя государств), ни место распространения информации (например, трибуна ООН), ни уровень форума, т.е. форма и порядок представления информации, не являются гарантией ее достоверности.

Интернет, как способ передачи информации, «отодвинул в сторону» прежние технологии и вместе с ними фактически «уничтожил» процедуры, выступавшие в качестве гарантий, достоверности информации. Процедура утратила первоочередное значение [3. С. 5–6]. Порядок в смысле допустимости становится вторичным. Приоритетным становится достоверность информации.

Следует отметить, что если средствами уголовного процесса являются процессуальные и следственные действия, направленные в конечном итоге на получение, сохранение и использование информации для установления обстоятельств дела (предмет уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений), то объектом уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений становится информация, сведения о фактах [18. С. 48–49]. Мы можем предположить, что изменение способов ее получения, хранения использования, оказывает влияние и на уголовный процесс как на деятельность уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, а также на обеспечение прав участников уголовного процесса. Если современные технологии (видео-, аудио-запись следственных действий) повышают достоверность и проверяемость полученной информации, дают возможность властным субъектам на последующих стадиях убедиться в ее достоверности, то, например, формирование электронного уголовного дела повышает одновременно эффективность уголовного процесса и возможность полно реализовать право участников процесса на ознакомление с материалами уголовного дела, ускоряет производство по делу, делает возможным одновременное ознакомления с материалами дела несколькими участниками.

Одной из актуальных тем, волнующих современное общество, в том числе и юридическую общественность, является стремительное распространение программ искусственного интеллекта (ИИ). Диапазон мнений юристов разнится от позиции, что ИИ-судья заменит человека и это хорошо/плохо [19], до мнения о том, что ИИ в принципе неспособен осуществлять правосудие, а только может выступать в качестве способа поиска информации, подборки судебных решений по разрешаемому правовому спору [20].

Пока российские юристы обсуждают перспективы использования ИИ в правосудии, ряд стран уже столкнулся с проблемой использования ИИ. И как не удивительно, проблема выразилась в том, что ИИ, отвечая на запрос, представляет недостоверную информацию. В погоне придания программному обеспечению работы ЭВМ черт, свойственных человеку, сбой в работе ИИ, связанный с искажением информации, назвали галлюцинацией [21].

Галлюцинации нейросетей – явление, при котором ИИ выдает вымышленную или нелогичную информацию. Эти ошибки часто трудно заметить: текст выглядит грамотным, убедительным и логичным. Но за поверхностной стройностью может скрываться полная дезинформация, о чем свидетельствует правоприменительная практика. Так, в 2023 г. американский адвокат воспользовался ChatGPT для поиска судебных прецедентов. Модель выдала список дел, подтвердив, что они реальны и доступны в юридических базах. Адвокат использовал эти сведения в доказывании по делу. Дальнейшая проверка судом показала, что большая часть дел является вымышленной. Суд, рассматривая возникшую ситуацию, подчеркнул, что применение ИИ-инструментов допустимо только при наличии контроля со стороны юриста. Здесь нельзя заменить работу человека нейросетью: необходимо корректировать результаты ИИ и проверять актуальность судебной практики от сгенерированной информации [22].

Галлюцинации ИИ делятся на три типа. Первый тип – фактические ошибки, т.е. подмена реальных сведений ложными. Второй вариант галлюцинации – сфабрикованный контент или правдоподобно звучащие, но вымышленные истории. И третий – бессмысленные выводы, т.е. грамматически верные, но логически абсурдные ответы. Чем больше развивается ИИ, тем больше он галлюцинирует [23–25].

Надежды на то, что правосудие будет вершиться ИИ, который не подвержен человеческим слабостям и страстям, а потому будет принимать справедливые решения, разбились о старую проблему – недостоверности информации и проблему обеспечения справедливого правосудия. То, что ИИ предоставляет недостоверную информацию, не означает что в будущем судопроизводство откажется от использования электронных технологий и информационных систем.

Кроме этого, при оценке перспектив того или иного гражданского дела с помощью ИИ в гражданском процессе столкнулись с проблемой влияния результатов ИИ на внутреннее убеждение судьи, поскольку ИИ перспективу удовлетворения исков оценивает исходя из типо-

вых ситуаций, не всегда учитывая особенности конкретных гражданских дел [26. С. 705]. Несмотря на то что современному обществу уже не обойтись без электронных помощников в возросших информационных процессах, возникает вопрос о пределах использования ИИ в уголовном судопроизводстве.

Еще три десятилетия тому назад и мысли не могло возникнуть о переходе с бумажного в электронный формат производства по уголовному делу. А сегодня никого не удивит учебником об электронных доказательствах в уголовном процессе [27].

Следует констатировать, что наиболее рутинные процессы по составлению процессуальных документов в уголовном производстве, например о признании лица потерпевшим, составление протоколов, которые фиксируют простые действия, например протоколы об ознакомлении с материалами уголовного дела, постановления о принятии дела к производству, поручения о производстве расследования группой следователей, постановления о назначении судебных заседаний, возможно осуществлять в автоматическом режиме с помощью ИИ. Однако принятие наиболее важных решений: постановлений о привлечение лица в качестве обвиняемого, написание обвинительных заключений, вынесение судебных решений, необходимо оставить за субъектами доказывания, поскольку эти решения предполагают неурегулированный нормами права мыслительный процесс по оценке полученной информации.

В эпиграф данной статьи вынесена идея И. Бенгама, смысл которой в том, что сущность уголовного судопроизводства заключается в использовании доказательств. Сегодня законодатель под доказательствами понимает в ч. 1 ст. 74 УПК РФ любые сведения. Современные словари русского языка под информацией понимают «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые и передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.)» [28]. Вполне возможно, что если бы УПК РФ принимался не в 2000 г., а лет на десять – пятнадцать позже, то в понятии доказательств использовали не слово «сведения», а «информация», что не меняет сущности информационной природы доказательств.

Все наши рассуждения подводят к мысли о том, что уголовный процесс можно и должно рассматривать как разновидность информационного процесса. Информационные процессы – это любые действия, заключающиеся в получении, создании, собирании (получении), передаче, хранении и обработке информации [29. С. 482]. При этом обработка этой информации, как построение схемы полученной информации (доказательств), уже оцененной субъектом доказывания, как относимой, допустимой и достоверной, с целью ее оценки как достаточной, также может быть доверена ИИ. Однако окончательная оценка информации для вынесения обвинительного или оправдательного приговора должна осуществляться субъектом доказывания с мотивировкой, почему на основе этих доказательств принимается то или иное решение.

Использование ИИ и автоматизированных систем обработки информации в уголовном процессе нуждается в регулировании пределов такого использования.

Как представляется, доктринальное понимание современного уголовного процесса должно исходить из его информационной сущности.

При информационной сущности/природе уголовного процесса приоритетным становится обнаружение, сохранение, передача и использование достоверной информации. Исходя из вышесказанного предлагается следующее понятие уголовного процесса: уголовный процесс – это регламентированная государством деятельность

по сборанию, проверке, сохранению, передаче и использованию информации о преступлении и лицах, его совершивших, с целью осуществления правосудия, реализуемая посредством уголовно-процессуальных отношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального права.

Мы прекрасно понимаем, что изменение понятия уголовного процесса поставит не одну задачу по пересмотру как всего производства по делу, так и отдельных процедур. Мы далеки от иллюзий, что наш подход безупречен, мы можем заблуждаться. Как оказалось, это свойственно даже ИИ.

Список источников

- Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учеб. для вузов. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. 784 с.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2017. 1280 с.
- Баранов А.М. Уголовно-процессуальная политика России: современные вызовы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 22 апреля 2022 г.). Омск, 2023. С. 3–7.
- Андреева О.И., Баранов А.М., Деришев Ю.В. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2025. 120 с.
- Баранов А.М. Понятие уголовного процесса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4 (95). С. 369–372.
- Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург, 2023. С. 504.
- Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
- Росинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2013. Т. 18, № 1. С. 116–135.
- Законы XII таблиц. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 19.08.2025).
- Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.
- Хилькевич В.В. Электронное уголовное дело: опыт зарубежных стран // Категория законного интереса в отраслях публичного и частного права. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2022. С. 99–103.
- Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.
- Ковалев А.А. Роль информационной политики в управлении государством и формировании национальной безопасности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. № 49 (1). С. 129–138.
- Мещеряков И.В. Роль СМИ в государственной информационной политике по обеспечению национальной безопасности // Наука Красноярья. 2016. № 6 (39). С. 70–82.
- Нисневич Ю.А. Информация и власть. М. : Мысль, 2000. 175 с.
- Нестерова Н.Н., Смылова О.Ю. Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. С. 6–18.
- Коллин К.К. Овладение информацией – стратегическая проблема развития цивилизации в XXI веке // Межотраслевая информационная служба. 2013. № 2. С. 5–15.
- Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред.: А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 638.
- Кравчук Н.В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения. URL: <file:///C:/Users/SuperUser/Downloads/iskusstvennyy-intellekt-kak-sudya-perspektivy-i-opaseniya.pdf> (дата обращения: 19.08.2025).
- В Верховном Суде объяснили, почему ИИ не заменит судей. URL: <https://tass.ru/politika/23707211> (дата обращения: 19.08.2025).
- Орбелиани М. Креативный компромисс: галлюцинации нейросетей неизбежны и являются компромиссом между креативностью и точностью работы модели. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753908> (дата обращения: 19.08.2025).
- ChatGPT обманул опытного адвоката, придумав прецеденты, которых в реальности не было. Теперь адвокату грозит наказание. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-29_chatgpt_obmanul_opytnejshogo (дата обращения: 19.08.2025).
- Алгоритм обмана. Почему ИИ выдает вымыслы за факты и скорее придумывает что-то, чем признается, что не может ответить. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7737738> (дата обращения: 19.08.2025).
- Ошибки ИИ в праве: обзор прецедентов – читайте на Platforma Media. URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/> (дата обращения: 19.08.2025).
- «Галлюцинации» ИИ в судебных документах создают проблемы для юристов. URL: <https://habr.com/ru/news/884214/> (дата обращения: 19.08.2025).
- Адешенко К.Д. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-iskusstvennogo-intellekta-v-grazhdanskom-protsessе/viewe> (дата обращения: 19.08.2025).
- Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. для вузов / отв. ред. С.В. Зуев. М. : Юрайт, 2025. 193 с. (Высшее образование // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/567334> (дата обращения: 19.08.2025).
- Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/140202?ysclid=mf2d8pc2tu782454719> (дата обращения: 19.08.2025).
- Рукосуева А.А., Клешко И.И., Суегин В.В. Информационные процессы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. Т. 2. С. 482–484.

References

- Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2022) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessа* [Course of Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
- Baranov, A.M. (2023) *Ugolovno-protsessual'naya politika Rossii: sovremennye vyzovy* [Criminal Procedure Policy of Russia: Modern Challenges]. *Aktual'nye problemy ugolovnoy i ugolovno-protsessual'noy politiki Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Omsk, April 22, 2022. Omsk. pp. 3–7.

4. Andreeva, O.I., Baranov, A.M. & Derishev, Yu.V. (2025) *Ponyatie i naznachenie ugovolnogo sudoproizvodstva. Istochniki ugovolno-protsessual'nogo prava* [Concept and Purpose of Criminal Proceedings. Sources of Criminal Procedure Law]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Baranov, A.M. (2024) *Ponyatie ugovolnogo protsessa* [The Concept of Criminal Procedure]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 30 (4/ (95)). pp. 369–372.
6. Davletov, A.A. & Azarenok, N.V. (2023) *Ugovolnyy protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya* [Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development]. Yekaterinburg: [s.n.].
7. Golovko, L.V. (2019) *Tsifrovizatsiya v ugovolnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya?* [Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution?]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 15–25.
8. Rossinskiy, S.B. (2013) *Ugovolno-protsessual'naya forma VS pravila ugovolno-protsessual'nogo deloproizvodstva* [Criminal Procedure Form VS Rules of Criminal Procedure Record Keeping]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 18 (1). pp. 116–135.
9. Ancientrome.ru. (n.d.) *Zakony XII tablits* [Laws of the Twelve Tables]. [Online] Available from: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (Accessed: 19th August 2025).
10. Zuev, S.V. (2018) *Tsifrovaya sreda ugovolnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy* [Digital Environment of Criminal Proceedings: Problems and Prospects]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 118–123.
11. Khilkevich, V.V. (2022) *Elektronnoe ugovolnoe delo: opyt zarubezhnykh stran* [Electronic Criminal Case: Experience of Foreign Countries]. In: Bochkov, A.A. et al. (eds) *Kategoriya zakonnoho interesa v otraslyakh publichnogo i chastnogo prava* [Category of Legitimate Interest in Branches of Public and Private Law]. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 99–103.
12. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2018) *Perspektivy vedeniya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate* [Prospects for Conducting Russian Criminal Proceedings in Electronic Format]. *Ugovolnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 12. pp. 57–61.
13. Kovalev, A.A. (2024) *Rol' informatsionnoy politiki v upravlenii gosudarstvom i formirovani natsional'noy bezopasnosti* [The Role of Information Policy in State Governance and National Security Formation]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 49 (1). pp. 129–138.
14. Meshcheryakov, I.V. (2016) *Rol' SMI v gosudarstvennoy informatsionnoy politike po obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti* [The Role of the Media in State Information Policy for National Security]. *Nauka Krasnoyars'ya*. 6 (39). pp. 70–82.
15. Nisnevich, Yu.A. (2000) *Informatsiya i vlast'* [Information and Power]. Moscow: Mysl'.
16. Nesterova, N.N. & Smyslova, O.Yu. (2022) *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v novykh usloviyakh razvitiya sovremennoho obshchestva* [State Information Policy in the New Conditions of Modern Society Development]. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. 1. pp. 6–18.
17. Kolin, K.K. (2013) *Ovladenie informatsiey – strategicheskaya problema razvitiya tsivilizatsii v XXI veke* [Mastering Information – A Strategic Problem of Civilization Development in the 21st Century]. *Mezhotraslevaya informatsionnaya sluzhba*. 2. pp. 5–15.
18. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. Obshchaya chast'* [Course of Soviet Criminal Procedure. General Part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
19. Kravchuk, N.V. (n.d.) *Iskusstvennyy intellekt kak sud'ya: perspektivy i opaseniya* [Artificial Intelligence as a Judge: Prospects and Concerns]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 115–122.
20. TASS. (n.d.) *V Verkhovnom Sude ob'yasnili, pochemu II ne zamenit sudey* [The Supreme Court Explained Why AI Will Not Replace Judges]. 17th April. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/23707211> (Accessed: 19th August 2025).
21. Orbeliani, M. (2025) *Kreativnyy kompromiss: gallyutsinatsii neyrosetey neizbezhny i yavlyayutsya kompromissom mezhdru kreativnost'yu i tochnost'yu raboty modeli* [Creative Compromise: Neural Network Hallucinations Are Inevitable and Represent a Compromise Between Creativity and Model Accuracy]. *Kommersant*. 27th May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7753908> (Accessed: 19th August 2025).
22. *CNews.ru*. (2023) *ChatGPT obmanul opytneyshego advokata, pridumav pretседenty, kotorykh v real'nosti ne bylo. Teper' advokatu grozit nakazanie* [ChatGPT Deceived the Most Experienced Lawyer by Inventing Precedents That Did Not Exist in Reality. Now the Lawyer Faces Punishment]. 29th May. [Online] Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-29_chatgpt_obmanul_opytneyshego (Accessed: 19th August 2025).
23. *Kommersant*. (2023) *Algoritм obmana. Pochemu II vydaet vymysly za fakty i skoree pridumyvaet chto-to, chem priznayetsya, chto ne mozhet otvetit'* [Deception Algorithm. Why AI Presents Fabrications as Facts and Prefers to Invent Something Rather Than Admit It Cannot Answer]. 23rd May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7737738> (Accessed: 19th August 2025).
24. *Platforma-online.ru*. (2025) *Oshibki II v prave: obzor pretседentov – chitayte na Platforma Media* [AI Errors in Law: Review of Precedents – Read on Platforma Media]. 26th August. [Online] Available from: <https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/> (Accessed: 19th August 2025).
25. *Habr*. (2025) *"Gallyutsinatsii" II v sudebnykh dokumentakh sozdadyut problemy dlya yuristov* ["Hallucinations" of AI in Court Documents Create Problems for Lawyers]. 20th February. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/news/884214/> (Accessed: 19th August 2025).
26. Adeshchenko, K.D. (2023) *Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v grazhdanskom protsesse* [Possibilities of Artificial Intelligence in Civil Procedure]. *Ekonomika. Informatika*. 50 (3). pp. 704–711.
27. Zuev, S.V. (ed.) (2025) *Elektronnye dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve* [Electronic Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurayt.
28. Academic.ru. (n.d.) *Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/140202?ysclid=mf2d8pc2tu782454719> (Accessed: 19th August 2025).
29. Rukosueva, A.A., Kleshko, I.I. & Suetin, V.V. (2022) *Informatsionnye protsessy* [Information Processes]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*. 2. pp. 482–484.

Информация об авторах:

Андреева О.И. – доцент, доктор юридических наук, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Баранов А.М. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: baranowam@list.ru

Кудрявцева А.В. – профессор, доктор юридических наук, судья Санкт-Петербургского городского суда, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала РГУП им. В.М. Лебедева (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: acifna@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.I. Andreeva, Dr. Sci. (Law), docent, head of the Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

A.M. Baranov, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Forensic Examination, Institute of Law, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: baranowam@list.ru

A.V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Law), full professor, judge of the St. Petersburg City Court, professor at the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/26/11

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Александровна Артамонова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ea.artamonova@yandex.ru*

Аннотация. В определённых законом случаях выраженная в установленном порядке воля уголовно преследуемого лица меняет направление движения производства по уголовному делу, по сути, меняя уголовно-процессуальную форму. С этих позиций рассмотрены отдельные процедуры, в частности переход из общего порядка дознания в его сокращённую форму и наоборот, реализация права на суд с участием присяжных и особый порядок рассмотрения уголовного дела, прекращение уголовного дела в связи с декриминализацией деяния.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация судопроизводства, обвиняемый, волеизъявление обвиняемого, учёт мнения обвиняемого

Для цитирования: Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого и дифференциация формы судопроизводства // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 60–65. doi: 10.17223/23088451/26/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/11

THE DEFENDANT'S DECLARATION OF WILL AND THE DIFFERENTIATION OF JUDICIAL PROCEDURE FORMS

Elena A. Artamonova¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ea.artamonova@yandex.ru*

Abstract. In legally prescribed circumstances, the will of a person subject to criminal prosecution, when expressed in the prescribed manner, can alter the trajectory of criminal proceedings, effectively changing the criminal procedural form. From this perspective, the article examines specific procedures within existing frameworks. These include: the transition from the general order of inquiry to its abbreviated form (and vice versa), the exercise of the accused's right to a trial by jury, the special judicial procedure, and the termination of a criminal case due to the decriminalization of an act. It is acknowledged that recent decades have witnessed an evolution in criminal procedure—a shift toward recognizing the individuality of the accused and accounting for their opinion, which in itself acts as a factor in differentiating procedural forms. A critical analysis of existing regulations governing court proceedings in cases investigated under the abbreviated inquiry format, coupled with a lack of uniform application in practice, justifies the need to legally mandate the judicial examination of evidence cited in the indictment. The article formulates proposals for improving legal regulation and expanding the use of non-ordinary proceedings initiated by the accused. These include broadening the jurisdiction of jury trials to cover cases under Parts 2–6 of Article 264 of the Criminal Code and cases of economic crimes committed in the IT sphere. Furthermore, it advocates for the possibility of an immediate transition from the general trial procedure to the special procedure upon a corresponding motion by the defendant during the preparatory part of the court hearing, provided all other legal requirements are met. An analysis of decriminalization as a relatively independent sub-ground for terminating a case due to the absence of a crime—and the differences in considering the accused's opinion during its application in pre-trial versus judicial proceedings, which necessitate a complex procedural mechanism—suggests the need to establish decriminalization as an independent ground for termination. This would allow for a unified application procedure regardless of the procedural stage, given that the accused holds the same procedural status both during the investigation and in court, and thus the legal response and consideration of their opinion should be consistent.

Keywords: criminal procedural form, differentiation of judicial procedure, the accused, defendant's declaration of will, consideration of the accused's opinion

For citation: Artamonova, E.A. (2025) The defendant's declaration of will and the differentiation of judicial procedure forms. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 60–65. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/11

Дифференциация уголовно-процессуальной формы в качестве важнейшего направления развития судопроизводства была провозглашена в Концепции судебной реформы (абз. 6 п. 3) и продолжает развиваться до

настоящего времени. Особенностью современного развития отечественного уголовного процесса являются изменения, связанные с отношением к личности вообще и к личности уголовно преследуемого лица в частности.

Появились и широко применяются производства, инициируемые именно обвиняемым (подозреваемым). Изменение направления движения уголовного судопроизводства в определённых предусмотренных законом случаях стало зависеть от выраженного в установленном законом порядке желания обвиняемого (подозреваемого). Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) на применение соответствующей уголовно-процессуальной процедуры выступает критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы¹. В основе такой дифференциации лежат факторы, связанные с личностью уголовно-преследуемого лица, его поведением в процессе производства по уголовному делу, его «особыми интересами» [1. С. 67]. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) влияет на изменение процессуальной формы, не только связанной с переходом от общего порядка к исключительному (широко применяются на практике сокращённое дознание, особый порядок принятия судебного решения, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей), но и относительно отдельных процедур внутри традиционных уголовно-процессуальных институтов (например, прекращение уголовного дела (уголовного преследования)² ввиду декриминализации, истечения сроков давности и пр.).

Производство во всех неординарных процедурах, как упрощённых (особые порядки), так и усложнённой (суд с участием присяжных), инициируется самим обвиняемым. Получив соответствующую информацию (право информированности об их порядке и последствиях), обвиняемый приобретает возможность выбора. Инициатива перехода в неординарное производство всегда исходит от самого уголовно преследуемого лица и выражается путём заявления соответствующего ходатайства. Толчком, запускающим механизм решения вопроса о допустимости и возможности особой процедуры, является выраженное обвиняемым желание на это, которое приобретает процессуальное значение, проявляющееся (выражающееся) во влиянии волеизъявления обвиняемого непосредственно на выбор процессуальной формы.

Производство дознания в сокращённой форме (сокращённое дознание). В настоящее время закон предоставляет подозреваемому ряд полномочий, позволяющих ему воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности. Он имеет возможность влиять на изменение формы дознания – переход из общего порядка дознания в его сокращённую форму и наоборот, а также на уголовно-процессуальную деятельность в ходе сокращённого дознания. Проявляется это через выражение подозреваемым непосредственно (напрямую) желания об изменении формы дознания: заявление ходатайства о производстве дознания в сокращённой форме (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ) или, наоборот, заявление ходатайства о прекращении производства до-

знания в сокращённой форме и о продолжении производства дознания в общем порядке (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ). И если первое ограничено установленными законом условиями и сроками, то второе возможно в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения и является обязывающим для правоприменителя. Причём, если в намерениях подозреваемого наличествует противоречие: с одной стороны, он изъявил желание на производство расследования его дела в сокращённом дознании, а с другой – оспаривает правильность квалификации им содеянного, указанной в постановлении о возбуждении уголовного дела, разрешается оно всегда в пользу ординарного порядка производства дознания (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Отступление от общего правила допускается только при наличии твердой позиции подозреваемого, чётко и однозначно выраженной вовне. Подозреваемый имеет возможность влиять и на доказывание: он наделён правом оспаривать достоверность полученных (в том числе до возбуждения уголовного дела) доказательств, что влечёт за собой обязанность дознавателя проверить имеющуюся информацию процессуальными средствами (п. 1, 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Реализуя обозначенные выше возможности, уголовно преследуемое лицо влияет на изменение движения дела. Его выраженная установленным образом воля влечёт правовые последствия. В результате у правоприменителя появляются определённые запреты и обязанности действовать в соответствии с желанием обвиняемого (подозреваемого).

Предоставление подозреваемому возможности менять форму дознания сначала с общего порядка на сокращённый, а передумав, возвращаться в общий порядок, порождает сомнения в целесообразности этого механизма и опасения в недобросовестности его использования. В связи с этим более правильной выглядит позиция Б.Я. Гаврилова, считающего, что «решение о производстве расследования в сокращённой форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование» [3. С. 4]. В развитии этой мысли ещё в 2015 г. МВД России даже был подготовлен, но так и остался без движения проект закона о внесении изменений в УПК РФ в части введения особого порядка досудебного производства, которым исключалось право лица на выбор формы дознания, не предполагалось даже его согласие, а предлагалось лишь письменно уведомлять подозреваемого о применении особого порядка досудебного производства (ст. 226.10 Законопроекта).

Регламентируя производство по уголовным делам в порядке гл. 32.1 УПК РФ, закон, помимо собственно особенностей расследования в этой форме, закрепляет и особенности судебного разбирательства по таким делам, в том числе устанавливая особый порядок их рассмотрения «в автоматическом режиме» [4. С. 40], т.е. сугубо в силу закона, а не по воле обвиняемого (как это

¹ Интересы лица, в отношении которого ведётся уголовное судопроизводство, рассматриваются в качестве критерия дифференциации уголовно-процессуальной формы не только в уголовном процессе России, но и Беларуси [2. С. 9–10].

² Далее в тексте статьи будет обозначаться только прекращение уголовного дела, учитывая близость этих институтов.

происходит по общему правилу, исходя из предписаний ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Получается, что, запросив сокращённое дознание, подозреваемый механически инициирует и особый порядок судебного разбирательства. И предварительное расследование, и судебное разбирательство осуществляются в особом порядке, в основе которого лежат признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и согласие с предъявленным подозрением (обвинением). Сокращённая форма расследования перетекает в упрощённую форму рассмотрения уголовного дела; государство фактически устраняется от полноценного (в полном объёме) производства по делу, полагаясь на волю уголовно преследуемого лица, что недопустимо. Одновременное их применение не позволяет обеспечить должное, прежде всего объективное, познание всех обстоятельств дела. Поэтому при сохранении сокращённого дознания необходимо усиливать судебную составляющую – проводить полноценное судебное разбирательство в пределах непосредственного исследования доказательств, указанных в обвинительном постановлении. Это позволит в случае плохо проведённого расследования устранить допущенные дознавателем недостатки и пробелы; избежать нарушений прав и свобод лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство, и, как следствие, обеспечить право на справедливое правосудие. Чёткое закрепление в законе такого требования положит конец проблемам, возникающим в правоприменении и порождающим неоднородность судебной практики вследствие неоднозначных, если не сказать противоречивых, сегодняшних предписаний. Закон, с одной стороны, требует постановления приговора на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении (ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ), с другой – предписывает осуществлять судебное производство в порядке, установленном ст. 316 и 317 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ), т.е. в особом порядке, без исследования доказательств виновности лица в совершении преступления. Буквальное прочтение ведёт к противоречию – приговор должен содержать оценку доказательств, исследованных в судебном заседании (в классическом понимании понятия «исследование доказательств» – непосредственно в зале суда с участием сторон), а в судебном заседании доказательства не исследуются (за рядом исключений) – особый же порядок. С целью устранения любой неоднозначности в толковании ч. 1 и ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ необходимо более чётко прописать в законе обязательность исследования в рамках судебного следствия доказательств, указанных в обвинительном постановлении.

Для сравнения: белорусский законодатель, предусматривая ускоренное досудебное производство, допускает последующее сокращённое судебное разбирательство (производство судебного следствия в сокращённом порядке) по таким делам, но только в случаях признания обвиняемым своей вины, которое не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнений у суда, и

только после допроса подсудимого по поводу предъявленного ему обвинения и выяснения, не является ли признание вынужденным (ст. 326, 458 УПК РБ). В суде подсудимого обязательно допрашивают, убеждаясь в добровольности и истинности его показаний. Если же у суда возникают сомнения в отсутствии материально-правового спора между сторонами по уголовному делу, то есть обвиняемый не признаёт вину полностью или в части, или суд сомневается в достоверности его показаний, разбирательство дела происходит в обычном порядке [5. С. 42–68].

Особый порядок принятия судебного решения стабильно широко применяется на практике. Несмотря на то, что в 2020 г. законодатель вновь ввёл запрет на рассмотрение в таком порядке уголовных дел о совершении тяжких преступлений, поэтому процент принятых решений (рассмотрения дел по существу) в сокращённой процедуре ожидаемо снизился с $\approx 70\%$ в 2015–2018 гг. и $\approx 60\%$ в 2019 г., в послереформенный период до $\approx 35\%$ в 2024 г. ($\approx 37\%$ в 2023 г., $\approx 40\%$ в 2022 г.)¹, доля судебных разбирательств, порядок которых опосредованно определяется занимаемой обвиняемым позицией (признаёт себя виновным, не оспаривает предъявленное обвинение) остаётся внушительной. Основанием изменения процессуальной формы судебного разбирательства с общего порядка на особый является выраженное в установленном законом порядке волеизъявление обвиняемого. Сегодня закон разрешает ему заявить такое ходатайство при выполнении требований ст. 217 УПК РФ или на предварительном слушании, если оно проводится (ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Если предварительное слушание не является обязательным по этому делу, обвиняемый ограничен в заявлении такого ходатайства только этапом ознакомления с материалами уголовного дела. Этим рассматриваемое право обвиняемого неоправданно ограничено. Допустимо безболезненное расширение права обвиняемого выразить желание на изменение формы осуществления уголовного правосудия в сторону упрощения, предусмотрев такую возможность и в подготовительной части судебного разбирательства. Такое положение закона не будет нарушать права и законные интересы других участников процесса, а, наоборот, будет способствовать наиболее эффективному применению рассматриваемого института. Основные отличия упрощённого судебного разбирательства от производства в общем порядке проявляются именно в судебном следствии и состоят в порядке и объёме исследования собранных доказательств. Без вреда для производства по делу возможен переход из общего порядка в особый, если обвиняемый выразит своё желание об этом до начала судебного следствия. Негативные последствия такого решения усматриваются лишь в «холостом» вызове в суд свидетелей, специалистов и экспертов, но их острота сглаживается тем, что на практике на первое судебное заседание многие из указанных лиц, как правило, не являются. В остальном же оно даёт исключительно

¹ Раздел 1. Движение дел. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрис-

дикции и мировых судей за 2015–2019, 2021–2024 гг. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

преимущества для судопроизводства: упрощается процедура, сокращаются сроки, гарантируется смягчение последствий. И, что немаловажно, это будет отвечать требованию процессуальной экономии: сбережению времени (не нужно по новой принимать организационные меры по обеспечению явки в судебное заседание его участников с соблюдением предусмотренных в законе сроков (ч. 4 ст. 231 УПК РФ), начинать судебное заседание) и затрат, связанных с обеспечением вызова и явки в суд сторон, включая процессуальные издержки.

Производство в суде с участием присяжных как форма отправления уголовного правосудия признаётся в теории уголовного процесса и высшими российскими судами как наиболее совершенная. Её применение зависит исключительно от положительного волеизъявления обвиняемого. Вместе с тем в условиях современного правового регулирования доля дел, рассматриваемых такими судами, ничтожно мала. Она существенно не увеличилась ни в связи с внедрением такого состава суда в районные и приравненные к ним суды и, соответственно, с расширением родовой подсудности таких судов в обозначенном составе, отнесением ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ к преступлениям, уголовные дела о которых по выбору обвиняемого могут быть ими рассмотрены, ни получением женщинами и мужчинами старше 65 лет права предстать перед присяжными. По данным опубликованной судебной статистики, в 2024 г. с участием присяжных было рассмотрено по существу всего 845 уголовных дел¹, что составило $\approx 0,13\%$ от числа всех уголовных дел, рассмотренных за указанный период судами по первой инстанции.

Возможность рассмотрения уголовного дела с участием присяжных повышает качество работы правоприменителя, поднимает уровень доверия населения суду, способствует открытости правосудия, что суммарно обеспечивает достижение справедливости уголовного правосудия. Исходя из этого, логично, чтобы как можно большее число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, имело возможность предстать перед таким составом суда. В идеале по предметному критерию суд с участием присяжных должен быть доступен всем лицам, обвиняемым в совершении любого тяжкого или особо тяжкого общеуголовного преступления, включая несовершеннолетних, а также ряда преступлений средней тяжести, имеющих широкое распространение, повышенную общественную опасность и тяжкие последствия, механизм совершения которых понятен обычным гражданам и не будет вызывать у них особых затруднений при разрешении дела по существу. Например, к таким преступлениям в полной мере относятся уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ч. 2–6 ст. 264 УК РФ. Их включение в перечень п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ (отнесение к подсудности районного суда с участием присяжных) способствовало бы повышению уровня доверия общества к уголовному судопроизводству. Время высоких скоростей, мощных двигателей и отсутствие

внутренней ответственности водителей требуют кардинально иного подхода к порядку привлечения к уголовной ответственности лиц, ответственных за гибель людей в результате нарушения ими правил дорожного движения. Ещё одним перспективным направлением расширения возможностей обвиняемого воспользоваться правом на суд с участием присяжных является повсеместное внедрение во все сферы жизнедеятельности информационных технологий. Особенности времени, в котором мы живём, новый виток развития рыночной экономики с элементами государственного регулирования, стремительное развитие цифровых технологий, овладение навыками использования которых происходит чуть ли не с младенчества, обусловили, в частности, не лишённое логики и рациональности предложение, сформулированное на уровне Правительства Российской Федерации, об отнесении к подсудности суда с участием присяжных уголовных дел об экономических преступлениях, совершённых в сфере ИТ.

Возможности обвиняемого влиять на уголовно-процессуальную деятельность расширяются. Внутри давно известных традиционных институтов действуют *процедуры, использование и само выполнение которых зависят от желания вовлекаемого в процесс лица*. Весьма интересным в этой связи представляется влияние волеизъявления обвиняемого на принятие решения о прекращении уголовного дела вследствие декриминализации деяния. Порядок принятия решения о прекращении уголовного дела ввиду декриминализации деяния в современной правовой регламентации различается, имеет качественные особенности в процедуре (дифференцирован) в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой принимается такое решение [6. С. 136], и обязательности учёта мнения по этому вопросу уголовно преследуемого лица.

Декриминализация представляет собой относительно самостоятельное субоснование такого основания прекращения уголовного дела, как отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). В настоящее время в зависимости от этапа уголовного судопроизводства различается значимость волеизъявления обвиняемого для принятия решения и, соответственно, порядок применения указанного субоснования. Исходя из буквальных предписаний закона, декриминализация – это нереабилитирующее основание прекращения уголовного дела (ч. 4 ст. 133 УПК РФ), и по логике вещей для его применения необходимо согласие на это обвиняемого, однако в перечне ч. 2 ст. 27 УПК РФ оно (основание – декриминализация) не указано. Одновременно, закон предписывает прекращать уголовное дело в связи с декриминализацией деяния (по факту) юридически по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием состава преступления (ч. 2 ст. 24 УПК РФ), что в целом является реабилитирующим основанием. Всё это образует весьма противоречивую ситуацию, ещё больше усложняющуюся процедурными особенностями принятия решения по такому субоснованию.

¹ См.: Раздел 1. Движение дел. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей

юрисдикции и мировых судей за 2024 г. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

По общему правилу для прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления согласия уголовно-преследуемого лица не требуется. И только в единственном случае закон предусматривает исключение из этого правила: прекращение дела судом ввиду декриминализации деяния (ч. 1.1 ст. 239, ч. 2 ст. 254 УПК РФ). Согласие – обязательное условие. На досудебное производство это правило не распространяется. Сбалансировать такое несоответствие законодательной регламентации, неравенство в учёте мнения обвиняемого призван особый порядок обжалования решения следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела ввиду декриминализации (ст. 125.1 УПК РФ), посредством которого обеспечивается право лица выразить свою позицию относительно принятого в отношении него решения (на принятие самого решения мнение обвиняемого (подозреваемого) не влияет). Обвиняемый, выбирая вынесение более предпочтительного для себя решения, своим волеизъявлением способствует дальнейшему движению уголовно-процессуальных правоотношений, их развитию или прекращению.

Всё это обособливает, ставит в особое положение декриминализацию преступного деяния как основание прекращения уголовного дела. О том, что декриминализация, по сути, является отдельным, самостоятельным реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела со всеми вытекающими из этого последствиями, неоднократно обоснованно отмечалось в отечественной процессуальной литературе [7. С. 50; 8. С. 74; 9. С. 267]. Именно по этому пути пошёл законодатель нашего союзного государства – Республики Беларусь. Согласно п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК РБ вступление в силу законодательного акта, устраняющего наказуемость деяния, является самостоятельным основанием, исключающим производство по уголовному делу. При обнаружении этого обстоятельства на стадии судебного разбирательства суд прекращает производство по делу с освобождением подсудимого от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 29 УПК РБ). Белорусский правоприменитель по рассматриваемому вопросу независим от желания уголовно преследуемого лица на всём протяжении производства по уголовному делу.

Существующий ныне в России механизм применения декриминализации как основания для прекращения уголовного дела сложен и труден для понимания, уяснения и применения (правоприменитель в резолютивной части решения обязательно уточняет, что основанием прекращения является декриминализация, указывая не только п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но и ч. 2 ст. 24 УПК РФ [9. С. 265]).

Закон должен быть простым и понятным, чего нельзя сказать о нормативном регулировании рассматриваемого вопроса. Сложность законодательной регламентации и особый процессуальный механизм применения требуют законодательного признания декриминализации деяния самостоятельным основанием прекращения уголовного дела. Думается, что при таком подходе особых противоречий не возникнет, действующий закон уже знает подобный прецедент – отсутствие события преступления, ведь, по большому счёту, состав преступления отсутствует и тогда, когда нет события преступления. Косвенным аргументом, подтверждающим, что назрела необходимость разрешения этого вопроса именно таким образом, можно признать выделение в качестве самостоятельного показателя судебной статистики жалоб на прекращение уголовного дела ввиду декриминализации деяния. Например, в 2024 г. по этому основанию было рассмотрено и окончено производством 17 жалоб (удовлетворено 7, или 41%, отказано в удовлетворении по 2, или 12%).

Кроме этого, остаётся недоразрешённым вопрос о необходимости испрашивать согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела ввиду декриминализации в досудебном производстве. Если закон без каких-либо исключений признаёт это основание реабилитирующим, применение его должно быть возможным только с согласия уголовно преследуемого лица во всех случаях независимо от этапа судопроизводства. Обвиняемый на предварительном расследовании и в суде имеет одинаковое процессуальное положение, а значит, и учёт его мнения, и реакция на него правоприменителя должны быть одинаковыми.

Рассмотренные случаи, когда волеизъявление обвиняемого оказывает влияние на уголовно-процессуальную форму, по сути, приводит к её дифференциации, не являются исчерпывающими. Современный уголовный процесс значительно изменился, стал в определённой мере зависимым от уголовно-процессуального поведения обвиняемого (поведенчески зависимым). Меняется соотношение полномочий властных участников судопроизводства и правомочий обвиняемого. Вводятся всё больше процедур, где правоприменитель обязан согласовывать свои действия и принимаемые решения с обвиняемым, а в ряде случаев волеизъявление обвиняемого является обязывающим для должностного лица, ведущего процесс. Выражая своё волеизъявление, обвиняемый защищает и отстаивает собственные права, свободы и законные интересы и одновременно воздействует на ход уголовно-процессуальной деятельности.

Список источников

1. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 65–69.
2. Шпак В.В. Проблемы и критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 13 / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск : БГУ, 2002. С. 1–10.
3. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращённой форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). Электронный научный журнал. 2014. № 6. С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doznanie-v-sokrashchennoy-forme-zakonodatelnye-mify-i-realii-pravoprimeneniya/viewer> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Лазарева В.А. Сокращённое дознание и вопросы доказательственного права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 37–43.

5. Зайцева Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: обзор изменений и практики применения // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. трудов / редкол.: А.В. Барков [и др.]. Минск, 2010. С. 42–68.
6. Новикова Ю.Г. Особенности реализации диспозитивных начал в ходе прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией деяния // Новеллы права, экономики и управления 2021 : сб. науч. тр. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. (Гатчина, 26–27 ноября 2021 г.). Гатчина, 2022. С. 133–137.
7. Артамонова Е.А. Прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления: внутренняя дифференциация // Юго-Западный юридический форум : сб. науч. тр. Юго-Западного юрид. форума, посвящ. 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (15–16 октября 2021 г.) / отв. ред. Е.В. Позднякова. Вып. 1. Курск : ЮЗГУ, 2021. С. 47–51.
8. Евстигнеева О.В., Лавнов М.А., Спесивов Н.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе : учеб. пособие. Саратов : СГЮА, 2018. 184 с.
9. Полтинин А.В. Проблемные вопросы, связанные с практической реализацией закона, устраняющего преступность деяния // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 264–268.

References

1. Smirnova, I.S. (2015) Kriterii differentsiatsii osnovnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv [Criteria for Differentiation of Main Criminal Procedural Proceedings]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 1 (26). pp. 65–69.
2. Shpak, V.V. (2002) Problemy i kriterii differentsiatsii ugolovno-protsessual'noy formy [Problems and Criteria of Differentiation of Criminal Procedural Form]. In: Bibilo, V.N. (ed.) *Pravo i demokratiya* [Law and Democracy]. Vol. 13. Minsk: BSU. pp. 1–10.
3. Gavrilov, B.Ya. (2014) Doznanie v sokrashchennoy forme: zakonodatel'nye mify i realii pravoprimereniya [Inquiry in Abbreviated Form: Legislative Myths and Realities of Law Enforcement]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. 6. pp. 1–7.
4. Lazareva, V.A. (2015) Sokrashchennoe doznanie i voprosy dokazatel'stvennogo prava [Abbreviated Inquiry and Issues of Evidence Law]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (15). pp. 37–43.
5. Zaytseva, L.L. (2010) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Belarus': obzor izmeneniy i praktiki primeneniya [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus: Review of Changes and Practice of Application]. In: Barkov, A.V. et al. (eds) *Pravosudie i prokurorskiy nadzor v Respublike Belarus': zakonodatel'stvo i praktika primeneniya* [Justice and Prosecutorial Supervision in the Republic of Belarus: Legislation and Practice of Application]. Minsk: [s.n.]. pp. 42–68.
6. Novikova, Yu.G. (2022) Osobennosti realizatsii dispoziitivnykh nachal v khode prekrashcheniya ugolovnogo dela v svyazi s dekriminalizatsiyey deyaniya [Implementation of Dispositive Principles in the Termination of a Criminal Case in Connection with the Decriminalization of an Act]. In: *Novelly prava, ekonomiki i upravleniya 2021* [Novelties of Law, Economics and Management 2021]. Proc. of the 7th Conference. Gatchina, November 26–27, 2021. Gatchina. pp. 133–137.
7. Artamonova, E.A. (2021) Prekrashchenie ugolovnogo dela v svyazi s otsutstviem sostava prestupleniya: vnutrennyaya differentsiatsiya [Termination of a Criminal Case Due to the Absence of Corpus Delicti: Internal Differentiation]. In: Pozdnyakova, E.V. (ed.) *Yugo-Zapadnyy yuridicheskiy forum* [South-West Legal Forum]. Vol. 1. Kursk: SWSU. pp. 47–51.
8. Evstigneeva, O.V., Lavnov, M.A. & Spesivov, N.V. (2018) *Prekrashchenie ugolovnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Termination of a Criminal Case (Criminal Prosecution) in Russian Criminal Procedure]. Saratov: SSLA.
9. Poltinin, A.V. (2014) Problemye voprosy, svyazannye s prakticheskoy realizatsiyey zakona, ustranyayushchego prestupnost' deyaniya [Problematic Issues Related to the Practical Implementation of the Law Eliminating the Criminality of an Act]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 4 (28). pp. 264–268.

Информация об авторе:

Артамонова Е.А. – доцент, доктор юридических наук, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Artamonova, Dr. Sci. (Law), docent, professor at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/26/12

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ольга Сергеевна Головачук¹, Виктория Святославовна Раменская²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ persival@mail.ru

² viva-ra@mail.ru

Аннотация. Действующий УПК РФ предусматривает возможность прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Анализ норм действующего уголовно-процессуального закона позволил выявить причины малой востребованности данного нереабилитирующего основания в правоприменительной практике и предложить пути их преодоления.

Ключевые слова: судебный штраф, прекращение уголовного дела, потерпевший, обвиняемый, суд

Для цитирования: Головачук О.С., Раменская В.С. Прекращение уголовного дела в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: перспективы и пути совершенствования // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 66–70. doi: 10.17223/23088451/26/12

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/12

TERMINATION OF A CRIMINAL CASE IN CONNECTION WITH THE IMPOSITION OF A CRIMINAL LAW MEASURE IN THE FORM OF A JUDICIAL FINE: PROSPECTS AND AVENUES FOR IMPROVEMENT

Olga S. Golovachuk¹, Viktoriya S. Ramenskaya²

^{1,2} Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ persival@mail.ru

² viva-ra@mail.ru

Abstract. The introduction of Article 25.1 and Chapter 51.1 into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, governing the termination of a criminal case (or prosecution) in connection with the imposition of a judicial fine, aligns with key trends in modern criminal and criminal procedure law. These trends include balancing public and private interests, the humanization and liberalization of criminal policy, and procedural optimization (promoting efficiency and the prudent use of judicial resources). However, the authors contend that the normative provisions on judicial fines require further refinement. A primary issue is the place of this mechanism within the system of non-rehabilitative grounds for terminating a case. Its significant overlap in applicable conditions with reconciliation of the parties and active repentance complicates its use, as defendants often object to it, preferring termination without future financial obligations. Furthermore, the procedure for applying a judicial fine fails to ensure adequate protection of the rights and legitimate interests of both the victim and the accused. Consequently, the authors propose granting these participants the right to petition for case termination on this ground. They argue that this option should only be considered when sufficient evidence exists to confirm the accused individual's commission of the crime. They also deem it necessary to mandate that the accused consult with defense counsel regarding their consent to the statutory conditions for termination. The legislator must also address the procedure for the court hearing on such a petition, as it remains unregulated by Article 446.2 of the Code of Criminal Procedure.

Keywords: judicial fine, termination of a criminal case, victim, accused, court

For citation: Golovachuk, O.S. & Ramenskaya, V.S. (2025) Termination of a criminal case in connection with the imposition of a criminal law measure in the form of a judicial fine: Prospects and avenues for improvement. *Ugolovnaya justitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 66–70. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/12

Переход от советской к современной российской модели уголовного процесса был связан с внедрением ряда новелл в отечественное законодательство. В их числе отход от монополистического публичного интереса при решении вопросов об уголовном преследовании и поиск

применимой на практике модели баланса публичного и частного начал. При этом, как отмечает А.А. Тарасов, «такой баланс (от фр. balance – весы, равновесие), по логике, предполагает равную защиту всех социально значимых интересов с пониманием условности их деления

на публичные и частные, поскольку объективно обоснованное и временное ограничение одного интереса непременно должно быть сопряжено с повышенной защитой какого-то другого, в данный момент времени социально более значимого интереса» [1. С. 158].

Как одно из направлений в обеспечении обозначенного баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве следует указать расширение в действующем УПК РФ по сравнению с его предшественником перечня так называемых нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). При их применении возникает ситуация, когда факт совершения преступления и виновность конкретного лица констатируются, но в силу наличия определенных условий (например, небольшая степень общественной опасности совершенного преступления и положительное посткриминальное поведение лица) появляется возможность освободить обвиняемого от уголовной ответственности [2. С. 577]. Указанный институт отражает сразу несколько тенденций в развитии современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства: уже упомянутый поиск баланса публичного и частного интереса, гуманизация и либерализация уголовной политики, а также оптимизация уголовного процесса (процессуальная экономия и необходимость целесообразного использования ресурсов судебной системы).

При этом законодатель в период действия УПК РФ продолжает дополнять перечень нереабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Так, федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в текст УПК РФ была включена статья 25.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», а также глава 51.1 «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности».

Процессуалисты по-разному оценили новеллу о судебном штрафе. Некоторые, например, А.П. Рыжаков, дали критическую оценку решению законодателя: «Декларируя, что за преступления небольшой или средней тяжести, совершенные впервые, не будет назначаться уголовное наказание, он, по сути, позволяет признавать лицо виновным в преступлении без полного и объективного доказывания и нормального судебного разбирательства» [3. С. 56]. В то же время А.А. Давлетов в целом положительно отнесся к появлению нового основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования): «Гуманитарный характер освобождения лица от уголовной ответственности с применением судебного штрафа, его экономическая направленность, возможность компромисса сторон и т.д. придают новому производству особую актуальность. Этот вариант разрешения уголовных дел должен стать востребованным на всех уровнях судопроизводства» [4. С. 168].

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением судебного штрафа имеет ряд общих черт с прекращением

уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). Но есть и существенные отличия.

Если говорить об общих чертах, то, во-первых, следует указать на категории уголовных дел, которые могут быть прекращены, – это дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Во-вторых, все рассматриваемые статьи УПК РФ (ст. 25, 25.1 и 28) содержат ссылки на статьи материального закона (ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ), где говорится о том, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) возможно только в том случае, если лицо впервые совершило преступление.

При этом впервые совершившим преступление считается лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности [5].

В-третьих, в качестве одного из условий для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по каждому из рассматриваемых оснований выступает возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, или иное заглаживание вреда. Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 19 от 27 июня 2013 г., возмещение ущерба возможно в натуре (например, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества) либо в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц (п. 2.1 Постановления № 19 от 27 июня 2013 г.).

В числе отличий, существующих между рассматриваемыми основаниями, следует указать:

1) круг должностных лиц и органов, которые вправе прекратить уголовное дело (уголовное преследование).

Если мы говорим о примирении сторон или деятельном раскаянии, то таким полномочием наделен не только суд, но и следователь с согласия руководителя следственного органа и дознаватель с согласия прокурора. В случае же с прекращением уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением судебного штрафа перечисленные должностные лица вправе только ходатайствовать перед судом о таком прекращении;

2) прекращение уголовного дела (уголовного преследования) на основании ст. 25 и 28 УПК РФ является окончательным в отличие от ситуации с судебным штрафом, где решение о прекращении может быть отменено в последующем в зависимости от того, заплатит ли штраф или нет.

В соответствии со ст. 446.5 УПК РФ в случае уплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, суд по представлению сотрудника органов принудительного исполнения РФ отменяет постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору для дальнейшего производства по делу.

На сегодняшний день нормы, посвященные судебному штрафу, действуют уже почти 10 лет. Но если обратиться к статистическим данным, количество дел, прекращенных по данному основанию, существенно снизилось в последний период.

Так, в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019, говорилось: «В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ судебный штраф в 2017 году был назначен 20 639 лицам, в 2018 году – 33 329 лицам» [6]. При этом отмечалось, что идет последовательно увеличение количества принимаемых судами решений об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Если же обратиться к данным Судебного департамента за 2023 и 2024 гг., то цифры гораздо меньше: 3 281 дело было прекращено по ст. 25.1 УПК РФ в 2023 г. и 2 530 дел – в 2024 г. Приведенные данные заставляют задуматься о причинах сложившейся ситуации и о перспективах судебного штрафа в отечественном законодательстве.

Полагаем, что одной из причин, которые привели к значительному снижению количества уголовных дел, прекращенных по ст. 25.1 УПК РФ, является разъяснение, содержащееся в пункте 23 Постановления № 19 от 27 июня 2013 г.: «Если имеется несколько нереабилитирующих оснований, суд разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по каждому из этих оснований и прекращает уголовное

дело и (или) уголовное преследование по тому основанию, против которого оно не возражает».

Ранее мы уже обращали внимание на сходство прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением судебного штрафа с прекращением уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Таким образом, если лицо обвиняется в совершении преступления небольшой или средней тяжести и возместило ущерб или иным способом загладило причиненный вред, то для него будет предпочтительным прекращение дела на основании ст. 25 или 28 УПК РФ, так как ему не придется нести дополнительные финансовые лишения в виде штрафа. Поэтому обвиняемый (подозреваемый) в такой ситуации будет возражать против прекращения дела по ст. 25.1 УПК РФ. Он может согласиться, например, только в том случае, если потерпевший, несмотря на возмещение ему вреда, категорически не желает идти на примирение.

Представляется, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением судебного штрафа должно было заменить иные, схожие основания (примирение сторон и деятельное раскаяние), так как дополнительное финансовое ограничение, накладываемое на обвиняемого, служит гарантией его будущего законопослушного поведения. Но для этого процедура прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по ст. 25.1 УПК РФ требует серьезной доработки.

В частности, полагаем, что необходимо наделить правом ходатайствовать о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по указанному основанию обвиняемого и потерпевшего как в стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства. При этом в связи с тем, что указанное основание является нереабилитирующим, а также влечет финансовые ограничения в виде уплаты судебного штрафа, следует предусмотреть обязательную консультацию обвиняемого с защитником по данному вопросу.

Если ходатайствовать будет сам обвиняемый, то консультация должна предшествовать обращению с ходатайством, если же инициатором выступает потерпевший или лицо, ведущее производство по уголовному делу (следователь или дознаватель), то консультация необходима перед выяснением позиции обвиняемого по заявленному ходатайству.

Кроме того, вызывает сомнения оправданность вынесения постановления о возбуждении ходатайства о применении судебного штрафа в отношении подозреваемого. В большинстве случаев дела, где возможно применение судебного штрафа, расследуются в форме дознания, где процессуальная фигура обвиняемого появляется только по окончании расследования. При этом закон в ряде случаев допускает возможность вынесения по таким делам постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в качестве же итогового документа выступает обвинительный акт.

Учитывая изложенное, предлагаем в случае, если дознаватель видит перспективу прекращения уголовного

дела с применением судебного штрафа, выносить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, разъясняя последнему в том числе возможность прекращения дела и выясняя его позицию по данному вопросу (после консультации с защитником). Такой подход, на наш взгляд, позволит исключить возможные злоупотребления со стороны органов дознания. Ведь, как отмечают Т.Г. Лепина и Е.Н. Шатанкова, «возможность применения судебного штрафа в определенных случаях создает благоприятные условия объявления преступниками невинных людей» [7. С. 253].

Заслуживает внимания и обсуждаемый учеными процессуалистами вопрос о том, следует ли суду учитывать мнение потерпевшего относительно возможности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением судебного штрафа. М.А. Баранова и А.М. Косарева отмечают: «Однако статья 25.1 УПК РФ положения о согласии потерпевшего не содержит, в связи с чем у обвиняемого появляется возможность искать “примирения” не с потерпевшим, а с органами предварительного расследования или судом, с тем, чтобы получить освобождение от уголовной ответственности. Полагаем, что такая юридическая конструкция не только не эффективна, но противоречит сути согласительных процедур...» [8. С. 188–189]. По мнению указанных авторов, несогласие потерпевшего должно влечь отказ в прекращении уголовного дела.

На наш взгляд, не следует забывать, что решение вопроса о том, привлекать или не привлекать лицо к уголовной ответственности (если речь не идет о делах частного обвинения), – это исключительная прерогатива государства в лице уполномоченных органов. Поэтому потерпевший не может быть наделен своеобразным пра-

вом «вето» в отношении решений государственных органов и их должностных лиц. Но при наличии в деле потерпевшего обязательно должен быть установлен факт возмещения ему в полном объеме ущерба, причиненного преступлением. Мы в данном вопросе разделяем позицию Пленума Верховного Суда РФ, которая изложена в п. 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ): «Вместе с тем исходя из положений ст. 76.2 УК РФ согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности в порядке, установленном ст. 25.1 УПК РФ, не имеет определяющего значения. В соответствии с указанными нормами уголовного и уголовно-процессуального законов суд должен выяснить у потерпевшего, а также установить другими возможными способами, приняты ли обвиняемым меры к возмещению ущерба или заглаживанию причиненного преступлением вреда иным образом».

Кроме того, хотелось бы отметить отсутствие в тексте УПК РФ надлежащей регламентации процедуры судебного рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Действующая редакция ст. 446.2 УПК РФ в ч. 4 перечисляет возможных участников судебного заседания, а в ч. 5 – варианты принимаемых решений. О самом порядке рассмотрения ходатайства ничего не сказано, что затрудняет деятельность правоприменителя.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что законодательные положения о судебном штрафе нуждаются в серьезной доработке.

Список источников

1. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 152–163.
2. Игнатъева И.Л. О проблемах реализации оснований прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (по материалам судебной практики) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 577–580.
3. Рыжаков А.П. Новое основание прекращения уголовного дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 52–58.
4. Давлетов А.А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 163–169.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. (в ред. 29.11. 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. № 145 (6121). 2013. 4 июля.
6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 12. С. 25–30.
7. Лепина Т.Г., Шатанкова Е.Н. Проблемы применения судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 251–258.
8. Баранова М.А., Косарева А.М. К вопросу об эффективности судебного штрафа (статья 25.1 УПК РФ) // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 185–190.

References

1. Tarasov, A.A. (2025) Ob otноситel'nosti granit publichnogo i chastnogo interesov v ugovolnom protsesse [On the Relativity of the Boundaries of Public and Private Interests in Criminal Procedure]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 1. pp. 152–163.
2. Ignatyeva, I.L. (2024) O problemakh realizatsii osnovaniy prekrashcheniya ugovolnogo dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam (po materialam sudebnoy praktiki) [On Problems of Implementing Grounds for Terminating a Criminal Case on Non-Rehabilitating Grounds (Based on Judicial Practice Materials)]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 11. pp. 577–580.
3. Ryzhakov, A.P. (2016) Novoe osnovanie prekrashcheniya ugovolnogo dela i posledstviya ego vvedeniya [A New Ground for Terminating a Criminal Case and the Consequences of Its Introduction]. *Ugolovnyy protsess*. 10. pp. 52–58.
4. Davletov, A.A. (2017) Novoe osoboe proizvodstvo v ugovolnom protsesse – prekrashchenie ugovolnykh del s naznacheniem sudebnogo shtrafa [A New Special Proceeding in Criminal Procedure – Termination of Criminal Cases with the Imposition of a Judicial Fine]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo."* 3 (52). pp. 163–169.
5. Russian Federation. (2013) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 19 ot 27 iyunya 2013 g. (v red. 29.11. 2016 g.) "O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti" [Resolution of the Plenum of the

- Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated 27 June 2013 (as amended on 29.11.2016) "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability". *Rossiyskaya gazeta*. 145 (6121). 4th July.
6. Russian Federation. (2019) Obzor sudebnoy praktiki osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa (stat'ya 76.2 UK RF), utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 10.07.2019 [Review of Judicial Practice on Exemption from Criminal Liability with the Imposition of a Judicial Fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.07.2019]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 12. pp. 25–30.
 7. Lepina, T.G. & Shatankova, E.N. (2020) Problemy primeneniya sudebnogo shtrafa kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti [Problems of Applying a Judicial Fine as a Ground for Exemption from Criminal Liability]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*. 2 (41). pp. 251–258.
 8. Baranova, M.A. & Kosareva, A.M. (2017) K voprosu ob effektivnosti sudebnogo shtrafa (stat'ya 25.1 UPK RF) [On the Issue of the Effectiveness of a Judicial Fine (Article 25.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Vestnik Saratovskoy yuridicheskoy akademii*. 3 (116). pp. 185–190.

Информация об авторах:

Головачук О.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: persival@mail.ru

Раменская В.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: viva-ra@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.S. Golovachuk, Cand. Sci. (Law), associate professor at the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia). E-mail: persival@mail.ru

V.S. Ramenskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor at the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia). E-mail: viva-ra@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/26/13

СВИДЕТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОЦЕДУРАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ

Фёдор Владимирович Грушин¹, Владимир Викторович Нечаев², Игорь Евгеньевич Теренков³

¹ НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, edor062@yandex.ru

² Москва, Россия, nvv9.02@mail.ru

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Рузский м.о. п. Старотеряево, Россия, terenkov72@bk.ru

Аннотация. Рассматривается такой неоднозначный в юридическом понимании участник уголовного процесса, как свидетель. В ходе проведенного исследования были выявлены причины привлечения и условия участия данного субъекта на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Обозначены проблемные моменты, ограничивающие права и свободы свидетеля при привлечении его к проведению различных следственных действий, акцентировано внимание на несовершенстве существующего института защиты свидетелей.

Ключевые слова: свидетель, участник уголовного судопроизводства, правоотношения, процессуальный статус, следственные действия, защита свидетеля

Для цитирования: Грушин Ф.В., Нечаев В.В., Теренков И.Е. Свидетель как участник уголовного судопроизводства: процессуальный статус, проблемы участия и защиты прав // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 71–75. doi: 10.17223/23088451/26/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/13

WITNESS AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROCEDURAL STATUS, PROBLEMS OF PARTICIPATION AND RIGHTS PROTECTION

Fedor V. Grushin¹, Vladimir V. Nechaev², Igor E. Terenkov³

¹ Research Center-1, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, edor062@yandex.ru

² Moscow, Russian Federation, nvv9.02@mail.ru

³ Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Staroteryaev, Ruza Municipal District, Russian Federation, terenkov72@bk.ru

Abstract. This article focuses on the witness, a participant in criminal proceedings whose legal status is often ambiguous. The authors identify and elaborate on a controversial issue concerning the concepts and specifics of a witness's involvement in criminal case proceedings. The investigation reveals the grounds for summoning a witness and the conditions of their participation at the pre-trial stage of criminal justice. The authors highlight problematic aspects that restrict a witness's rights and freedoms when they are involved in various investigative actions, emphasizing the imperfections of the existing witness protection framework. An analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is conducted, outlining specific security measures that can be implemented for a witness as a participant in criminal proceedings. The content of this article can be utilized for further scientific and practical work, in preparing amendments and updates to current legal regulations governing the legal relations between authorized persons/agencies and the witness as a full-fledged participant in criminal procedural legal relations.

Keywords: witness, participant in criminal proceedings, legal relations, procedural status, investigative actions, witness protection

For citation: Grushin, F.V., Nechaev, V.V. & Terenkov, I.E. (2025) Witness as a participant in criminal proceedings: Procedural status, problems of participation and rights protection. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 71–75. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/13

Процессуальное положение участников уголовного судопроизводства занимало и будет занимать одно из ведущих мест в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Несомненно, каждый участник уголовного процесса важен – он выполняет определённые цели, задачи и функции при участии в следственных или иных процессуальных действиях, тем самым

реализуя свои права и выполняя возложенные обязанности.

Процессуальный статус «свидетель» закреплён законодателем в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В указанной статье дано понятие, обозначены основные права и обязанности, а также ответственность.

Однако с развитием общественных и уголовно-процессуальных правоотношений правовое положение свидетеля требует более детального изучения и внесения соответствующих корректировок с целью недопущения и устранения правовых ситуаций, вследствие которых права и свободы свидетеля могут быть нарушены.

Несмотря на то что действующий УПК РФ закрепляет понятие «свидетель» в законодательстве, в теории уголовно-процессуального права до сих пор возникают споры и дискуссии, что приводит к различным вариациям понятия. Рассмотрим одну из дискуссий, связанных с понятием и особенностями участия свидетеля в производстве по уголовному делу.

А.Р. Ельджаров [1. С. 358] отмечает, что важнейший признак свидетеля – «неучастие в преступном событии».

Е.В. Цветкова [2. С. 199], Т.А. Шмарева [3 С. 89] и другие исследователи считают, что наличие у свидетеля информации имеет доказательственное значение для уголовного дела.

С.И. Коновалов и А.В. Соболев [4. С. 47] подчеркивают специфичность правового статуса свидетеля и его процессуальную обязанность давать показания по вопросам, которые ему задает следователь.

По нашему мнению, следует придерживаться последней точки зрения, так как она основана преимущественно на толковании определения, предложенного законодателем в ст. 56 УПК РФ. Исходя из определения, свидетель – участник уголовного судопроизводства, владеющий информацией о каких-либо обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, и вызванный для дачи показаний. Данная статья содержит в себе перечень процессуальных прав и обязанностей, однако, по нашему мнению, они представлены не в полном объеме. Считаем, что свидетель также имеет право на ознакомление с материалами дела, которые напрямую относятся к его предоставленным показаниям, а также с процессуальными документами, затрагивающими личность свидетеля, к примеру, подтверждающие справки. Также, например, Л.И. Амирова и А.Г. Маркелов выделяют право свидетеля на неприкосновенность и защиту от давления. Согласимся с мнением ученых. Свидетелю должно быть гарантировано, наряду с мерами безопасности, что на него не будет оказано давление, угрозы, незаконное воздействие от суда и органов предварительного расследования [5. С. 80].

Также, по нашему мнению, в перечне процессуальных обязанностей отсутствует: обязанность свидетеля сотрудничать с судом и с органами предварительного расследования, предоставляя им запрашиваемые документы или материалы, которыми он располагает. Кроме того, в анализируемом элементе процессуального статуса ничего не упоминается про участие свидетеля в судебном заседании, а именно обязанность свидетеля соблюдать требования суда в отношении правил поведения и порядка в судебном заседании.

Что касается проведения следственных действий, при производстве которых привлекают свидетеля как участника уголовного судопроизводства, основным и

самым многочисленным является допрос. В ходе его производства следователь (дознатель) получает необходимую информацию по уголовному делу. Свидетель в данном случае может как подтвердить, так и опровергнуть или скорректировать выдвигаемую гипотезу должностным лицом органа предварительного расследования. В то же время УПК РФ разрешил такому участнику уголовного судопроизводства, как защитник, собирать доказательства, в том числе опрашивать лиц с их согласия (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Но законодателем не определены основание и порядок проведения данного действия защитником [6. С. 93].

Однако в настоящее время учеными, исходя из анализа статистических данных и результатов проведенных опросов, высказывается мысль о том, что наблюдаются тенденции, связанные с недостаточным вниманием следователей и дознавателей к проводимому следственному действию [7. С. 42]. В процессе допроса свидетеля помимо получения информации следователь должен сам контролировать процесс передачи информации и не допустить дачу ложных показаний. С.Б. Россинский отмечает: «Допрос – это психологически сложное следственное действие, “психологическая борьба” двух лиц. Он характеризуется эмоциональным и умственным напряжением, часто проистекает в условиях межличностного конфликта» [8. С. 220]. Согласимся с мнением ученого, так как процесс допроса для свидетеля – стрессовый, а для уполномоченных лиц – волнительный с точки зрения улавливания и фиксации информации, имеющей значение по уголовному делу. Кроме того, помимо отсутствия организационных моментов, в ходе допроса свидетеля также стал проследиваться формальный подход – следователь фиксирует только ту информацию, которую свидетель счел нужным сообщить.

Действительно, следователь вправе самостоятельно выбирать тактику ведения допроса: свободный рассказ или задавать вопросы, но сейчас все чаще данная проблема проследивается в теории уголовно-процессуального права и криминалистики [9. С. 4]. Это говорит о том, что следователь начинает занимать пассивную позицию, что, по нашему мнению, может привести к утрате информации, которую, предположим, свидетель забыл сообщить в силу стрессового состояния или растерянности, а также к увеличению случаев, связанных с дачей ложных показаний. Пассивное выполнение допроса напрямую влияет на основную цель – раскрытие преступления, установление виновника, его привлечение к уголовной ответственности, выдвижение обвинения и направление дела в суд для рассмотрения.

Помимо допроса свидетель может быть также привлечен к проведению других следственных действий, таких как предъявление для опознания, очная ставка, проверка показаний на месте, а также следственный эксперимент.

Однако отметим, что основным следственным действием был и остается допрос, так как именно во время него следователь (дознатель) может получить максимальный объем информации об обстоятельствах по уголовному делу.

Относительно особенностей производства следственных действий со свидетелем, считаем необходимым выделить следующие аспекты:

1. Обеспечение безопасности свидетеля. При проведении следственных действий со свидетелем большое внимание уделяется обеспечению его безопасности. В соответствии с ситуацией могут быть предприняты различные меры, включающие ограничение доступа к свидетелю, обеспечение его охраны или скрытие личности.

2. Защита прав свидетеля. Необходимо осуществлять производство следственных действий с учетом соблюдения прав свидетеля, предусмотренных законодательством. Сюда входит право на неприкосновенность, а также право на отказ от свидетельствования против себя или членов семьи.

3. Полное и объективное рассмотрение показаний свидетеля. При проведении следственных мероприятий необходимо допросить свидетеля, соблюдая принципы объективности и строгости. Особое внимание следует уделить тому, чтобы свидетель имел возможность свободно выразить свои показания, не подвергаясь никакой форме вмешательства или давления.

4. Запись показаний свидетеля. Показания свидетеля обязательно регистрируются в письменной или аудио-, видеоформате, что способствует сохранению его показаний, а также предотвращению искажений или ненадлежащей интерпретации их в дальнейшем.

5. Участие адвоката. Свидетелю дается возможность пригласить адвоката для участия в процессе следственных мероприятий. Адвокат может оказывать консультации и представлять интересы свидетеля, а также помогать ему сформулировать свои показания.

6. Соблюдение процессуальных сроков. В ходе осуществления следственных мероприятий со свидетелем необходимо придерживаться установленных процессуальных порядка и сроков. Например, свидетель должен быть предварительно уведомлен о допросе, чтобы он мог подготовиться к даче показаний.

Следующим не менее важным критерием, отражающим процессуальное положение нашего участника, является защита свидетелей в уголовном судопроизводстве. Несомненно, в качестве свидетелей выступает огромное количество граждан, причем значительная часть из них может изменять показания либо вообще отказаться от них. Как правило, это обусловлено страхом возникновения в дальнейшем угроз в отношении них или их семей, в связи с чем многие свидетели, обладая информацией, просто не сообщают об этом в правоохранительные органы. Как отмечалось ранее, следователь (дознатель) должен обеспечивать безопасность участникам уголовного судопроизводства. Обязанность обеспечить надлежащие меры безопасности закреплена уголовно-процессуальным принципом – ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в первую очередь распространяющимся на потерпевшего и свидетеля. Оба указанных участника, в силу реализуемых ими функций, могут оказаться в небезопасном положении.

Относительно того, какие меры безопасности могут быть предприняты в отношении свидетеля, проанализировав положения УПК РФ, можно выделить следующие:

1. Проведение допроса под псевдонимом. В данном случае руководитель следственного органа или начальник органа дознания дают свое согласие на то, чтобы

следователь или дознаватель вынесли соответствующее мотивированное постановление. В данном постановлении указываются причины, по которым решено сохранить в тайне определенные данные. Также указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, который будет в дальнейшем использоваться в протоколах следственных действий с его участием. Постановление помещается в конверт, который затем опечатывается. Этот конверт прикрепляется к уголовному делу и хранится при нем в условиях, которые исключают возможность ознакомления с его содержимым других участников уголовного судопроизводства.

2. Контроль или запись переговоров. При наличии соответствующих обстоятельств, которые могут повлиять на жизнь и здоровье свидетеля, допускается применение средств записи и контроля телефонных и иных переговоров при наличии соответствующих процессуальных решений.

3. Проведение предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Кроме того, проанализировав положения ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», считаем целесообразным отметить:

1. Меры безопасности применяются только при наличии реальной угрозы. Сразу же возникает вполне закономерный вопрос: что понимать под реальной угрозой? Критерии в законодательстве отсутствуют, а, к примеру, следователи могут дать необъективную оценку обстоятельствам. Кроме того, преступник может опередить действия правоохранительных органов по защите свидетеля и, например, начать угрожать через родственников или начать угрожать свидетелю до момента дачи им показаний.

2. Меры безопасности могут негативно сказаться на психологическом и моральном состоянии свидетеля. Например, изменение внешности, вынужденное переселение и смена работы или учебы тоже способны отрицательно сказаться на психологическом состоянии свидетеля. В связи с этим представляется целесообразным введение обязательного специального психологического сопровождения свидетеля с момента начала расследования уголовного дела и его рассмотрения в суде до окончания осуществления программы государственной защиты.

И это не окончательный перечень проблемных моментов, которые были выявлены в ходе нашего исследования. Проанализировав нормативно-правовую базу, а также юридическую литературу [10. С. 248], посвященную данной проблематике, считаем необходимым выделить следующие проблемы, возникающие при участии свидетеля:

1. Отсутствие в законодательстве положений, регламентирующих порядок и особенности вызова свидетеля для дачи показаний. В ст. 56 УПК РФ следователь, привлекая для участия свидетеля в допросе, придерживается установленного практикой алгоритма: «вызов на допрос, разъяснение прав и обязанностей (включая уголовную ответственность), дача свидетельских показаний и их фиксация в протоколе допроса и иными техническими средствами» [1. С. 358].

Однако представленный алгоритм отражает «принудительный» вызов свидетеля, в связи с чем возникает вполне закономерный вопрос: как быть со свидетелем, который добровольно обратился к органам предварительного расследования для дачи показаний? Считаем, что представленный алгоритм имеет место и в данном случае. При этом есть одна особенность, которая скорее интересна для теории уголовно-процессуального права: процессуальный статус «свидетель» будет приобретен с момента фактического самостоятельного обращения в орган расследования [3. С. 89].

Кроме того, отдельно следует отметить аспект, связанный с уведомлением. В случае добровольного обращения свидетеля этап уведомления (вызова для дачи показаний) будет отсутствовать. Однако следователю следует обратить внимание на личность свидетеля (характеристику), а также на особенности его семейного положения с целью уточнения мер безопасности. Добровольность, по нашему мнению, предполагает отсутствие у свидетеля мысли о том, что статус свидетеля может измениться на «подозреваемый».

2. Привлечение и участие в деле адвоката для свидетеля. Содержание ст. 278 УПК РФ, никак не определяет порядок допроса свидетеля с участием адвоката. О такой возможности говорится в ч. 5 ст. 189 УПК РФ, которая содержит следующую формулировку: «Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи». Что маловероятно для такого варианта развития событий.

3. Особенности ознакомления с материалами уголовного дела других участников уголовного дела. В случае если следователь принимает решение об обеспечении свидетеля такими мерами безопасности, как проведение предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, где свидетель выступает опознающим, то помимо нахождения в отдельной комнате со специальным стеклом есть еще один момент – момент ознакомления материалами, где с протоколом могут ознакомиться все участники уголовного дела. Обратим внимание, что в нем может быть обозначены участники, в том числе содержатся сведения о свидетеле. УПК РФ детально не прописывает, как поступать в таком случае. По нашему мнению, нецелесообразно не приводить в этом протоколе личные данные опознающего. Решением данной проблемы может стать указание в ч. 9 ст. 193 УПК РФ следующего содержания: «Если предъявление лица для опознания проводилось в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, то это также отмечается в протоколе».

Однако помимо основных, по нашему мнению, проблем, есть еще вопросы, на которые также следует обратить внимание (выделение их отдельным списком обусловлено спецификой уголовного дела и субъективностью следователя):

1. Достоверность показаний свидетеля. Возникает вопрос о том, насколько можно доверять показаниям

свидетеля, особенно если он не имеет достаточного опыта, память была повреждена или если у свидетеля есть личные интересы в исходе дела.

2. Противоречия в показаниях. Если свидетели предоставляют разные версии событий или противоречат друг другу, возникает вопрос о том, кто из них говорит правду или может ли быть сомнение в обоих версиях.

3. Подверженность влиянию. Некоторые свидетели подвергаются внешнему влиянию или давлению, что может сказаться на их показаниях. В таких случаях возникает вопрос о надежности этих показаний и влиянии третьих лиц на исход дела.

4. Отказ свидетеля от показаний. Если свидетель меняет свои показания или отказывается их давать, возникает вопрос о причинах этого отказа и его последствиях для дела.

5. Недоступность свидетеля. Если свидетель не может быть привлечен к суду из-за физического отсутствия или других причин, возникает вопрос о том, можно ли использовать его письменные показания или показания других свидетелей, касающиеся его показаний.

6. Повторный допрос. Если свидетеля допрашивают повторно, возникает вопрос о том, можно ли доверять его новым показаниям или является ли это попыткой внушить ему определенные показания.

7. Ложные показания. Возникает вопрос о том, что делать, если свидетель дает ложные показания или заведомо вводит в заблуждение суд и стороны дела.

8. Проблемы с опознанием. Если свидетель является очевидцем преступления, возникают вопросы о точности его опознания или возможности путаницы. Например, свидетель может ошибочно идентифицировать подозреваемого или ошибиться в деталях событий.

9. Проблемы с памятью. Если между событием и свидетельством прошло значительное время, возникают вопросы о точности памяти свидетеля и возможности искажения деталей событий.

10. Вопросы квалификации. Возникает вопрос, является ли свидетель достаточно квалифицированным или компетентным для дачи показаний в данном деле, особенно если требуется специализированная экспертиза или знания в определенной области.

Подводя итог нашего исследования, следует отметить, что как в теории уголовно-процессуального права, так и на практике существует ряд проблем, которые необходимо урегулировать на законодательном уровне. Ключевой проблемой, по нашему мнению, является обеспечение безопасности свидетеля. Так, при расследовании преступлений в случае принятия следователем решения о сохранении в тайне сведений о личности участника следственного действия, данное положение должно распространяться на все следственные действия, а также на все материалы уголовного дела. Действующее законодательство нуждается в более детальной переработке и выявлении неработающих механизмов, с целью дальнейшего совершенствования нынешнего нормативно-правового механизма.

Список источников

1. Ельдязров А.Р. Процессуальный статус свидетеля в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 358–360.

2. Цветкова Е.В. Показания свидетеля как основной и распространенный вид доказательств в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1. С. 198–200.
3. Шмарева Т.А., Шмарев А.И. Свидетель в процессуальном праве России : учеб. пособие. Ижевск : Изд. центр «Удмуртский университет», 2019. 89 с.
4. Коновалов С.И., Соболев А.В. Правовое положение свидетеля в уголовном судопроизводстве: некоторые дискуссионные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1. С. 46–48.
5. Амирова Л.И., Маркелов А.Г. Защита свидетелей в уголовном судопроизводстве: проблемы и возможные пути решения // Новый юридический вестник. 2023. № 3 (42). С. 79–81.
6. Ясельская В.В. Некоторые проблемы проведения защитником опроса лиц с их согласия // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 92–95.
7. Калинин Л.Д., Кузьмина И.И. Особенности допроса адвокатом потерпевшего и свидетелей стороны обвинения // Контентус. 2021. № 5. С. 34–42.
8. Россинский С.Б. О некоторых этических аспектах допроса в условиях действия современного уголовно-процессуального закона // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 219–224.
9. Батыщева И.В. Теоретические и практические особенности допроса участников уголовного процесса // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10 (124). С. 3–6.
10. Ильина А.В. Проблемы правового статуса свидетеля в современной юридической практике // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 248–250.

References

1. Yeldzharov, A.R. (2023) Protsessual'nyy status svidetelya v ugovnom sudoproizvodstve [Procedural Status of a Witness in Criminal Proceedings]. *Molodoy uchenyy*. 17 (464). pp. 358–360.
2. Tsvetkova, E.V. (2023) Pokazaniya svidetelya kak osnovnoy i rasprostranennyy vid dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve [Testimony of a Witness as a Primary and Common Type of Evidence in Criminal Proceedings]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 1. pp. 198–200.
3. Shmareva, T.A. & Shmarev, A.I. (2019) *Svidetel' v protsessual'nom prave Rossii* [Witness in the Procedural Law of Russia: Textbook]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet.
4. Konovalov, S.I. & Sobol, A.V. (2016) Pravovoe polozhenie svidetelya v ugovnom sudoproizvodstve: nekotorye diskussionnye voprosy [Legal Status of a Witness in Criminal Proceedings: Some Debated Issues]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1. pp. 46–48.
5. Amirova, L.I. & Markelov, A.G. (2023) Zashchita svidetelya v ugovnom sudoproizvodstve: problemy i vozmozhnye puti resheniya [Protection of Witnesses in Criminal Proceedings: Problems and Possible Solutions]. *Novyy yuridicheskiy Vestnik*. 3 (42). pp. 79–81.
6. Yaselskaya, V.V. (2018) Nekotorye problemy provedeniya zashchitnikom oprosa lits s ikh soglasiya [Some Problems of Conducting an Interview of Persons with Their Consent by a Defender]. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 12. pp. 92–95.
7. Kalinkina, L.D. & Kuzminova, I.I. (2021) Osobennosti doprosa advokatom poterpevshego i svideteley storony obvineniya [Features of the Interrogation of the Victim and Prosecution Witnesses by a Lawyer]. *Kontentus*. 5. pp. 34–42.
8. Rossinskiy, S.B. (2019) O nekotorykh eticheskikh aspektakh doprosa v usloviyakh deystviya sovremennoy ugovno-protsessual'nogo zakona [On Some Ethical Aspects of Interrogation under the Current Criminal Procedure Law]. *Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii* [Criminalistics – a Science without Borders: Traditions and Innovations]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. pp. 219–224.
9. Batysheva, I.V. (2020) Teoreticheskie i prakticheskie osobennosti doprosa uchastnikov ugovnogo protsesssa [Theoretical and Practical Features of Interrogating Participants in Criminal Proceedings]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 10 (124). pp. 3–6.
10. Iilina, A.V. (2020) Problemy pravovogo statusa svidetelya v sovremennoy yuridicheskoy praktike [Problems of the Legal Status of a Witness in Modern Legal Practice]. *Molodoy uchenyy*. 46 (336). pp. 248–250.

Информация об авторах:

Грушин Ф.В. – доцент, доктор юридических наук, главный научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: fedor062@yandex.ru

Нечаев В.В. – доцент, кандидат юридических наук (Москва, Россия). E-mail: nvv9.02@mail.ru

Теренков И.Е. – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Московская область, Рузский м.о. п. Старотеряево, Россия). E-mail: terenkov72@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

F.V. Grushin, Dr. Sci. (Law), docent, chief research fellow at the Research Center-1, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

V.V. Nechaev, Cand. Sci. (Law), docent (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvv9.02@mail.ru

I.E. Terenkov, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminalistics, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow Oblast, Ruza Municipal District, Staroteryaev, Russian Federation). E-mail: terenkov72@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/26/14

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИИ ЛИЦА, ПОДВЕРГАЕМОГО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ, В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НАУЧНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И УЗКОДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОДЫ

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mez_da@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию задач изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе. Анализируя и обобщая соответствующие положения уголовного и уголовно-процессуального закона, а также имеющиеся результаты исследований в области психологии и наук уголовно-правового цикла, автор выделяет и описывает три группы задач, решаемых изучением мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в практической уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию

Для цитирования: Мезинов Д.А. Задачи изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе: научный и практический аспекты, междисциплинарный и узкодисциплинарный подходы // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 76–84. doi: 10.17223/23088451/26/14

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/14

OBJECTIVES IN STUDYING THE MOTIVATION OF THE ACCUSED IN CRIMINAL PROCEDURE: SCIENTIFIC, PRACTICAL, INTERDISCIPLINARY, AND SPECIALIZED APPROACHES

Dmitry A. Mezinov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mez_da@mail.ru*

Abstract. This article explores the objectives of studying the motivation of a person subject to criminal prosecution within criminal proceedings. By synthesizing the psychological concept of human motivation with definitions proposed by scholars in the criminal legal sciences, the article concludes that the motivation of such a person is a complex mental phenomenon—a subjective, determinative system. The author posits that the study of this phenomenon, which involves identifying the circumstances (facts) that express and characterize it during practical criminal procedural activity, should facilitate the resolution of several critical tasks. These tasks arise when issuing specific procedural decisions and when conducting procedural actions that precede or follow those decisions. Based on an analysis and synthesis of existing research in psychology and the criminal legal sciences, as well as provisions of current criminal and criminal procedural law, the author identifies and describes three groups of tasks addressed by studying the motivation of the accused in practical criminal procedural work. First, there are the criminal law, criminological, and to a certain extent, penological tasks. These are primary and mandatory tasks that arise when rendering verdicts and, in some cases, other procedural acts; chief among them are the tasks of correctly qualifying the crime and imposing a just punishment on the accused (defendant). Second, there are forensic tasks, necessitated by the requirement to establish circumstances (facts) that constitute the subject of proof in a criminal case. These include the task of identifying the person to be subject to criminal prosecution and selecting the appropriate tactical approach for the prosecuting authority and the court in dealing with that person after identification. Third, there are tasks related to issuing procedural acts whose primary purpose is not to resolve criminal law, criminological, or penological questions. These include, in particular, tasks related to issuing procedural decisions on the selection, extension, modification, or cancellation of preventive measures and other measures of procedural coercion against the accused (or suspect).

Keywords: criminal procedure, motivation of a person subject to criminal prosecution

For citation: Mezinov, D.A. (2025) Objectives in studying the motivation of the accused in criminal procedure: Scientific, practical, interdisciplinary, and specialized approaches. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 76–84. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/14

Область психических явлений, обозначаемая понятием мотива и производным от него понятием мотивации, традиционно признается одним из важных объектов познания наук уголовно-правового цикла¹.

В практической уголовно-процессуальной деятельности и в обеспечивающих её надлежащий уровень науках уголовно-правового цикла эта область психических явлений интересует как объект изучения, главным

¹ Имеются в виду юридические науки, объединенные в настоящее время под шифром научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые

науки и обеспечивающие в рамках своей прикладной функции совершенствование соответствующего законодательства и надлежащий

образом, применительно к лицам, подвергаемым уголовному преследованию¹.

Внимание ученых – представителей наук уголовно-правового цикла к мотивам и мотивации лиц, подвергаемых уголовному преследованию, связано, прежде всего, с тем, что мотив преступления рассматривается в качестве существенного психологического обстоятельства, определяющего степень общественной опасности преступления и характеризующего личность преступника. В Уголовном кодексе Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) мотив преступления сконструирован как основной или квалифицирующий признак того или иного состава преступления либо как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ) в статье, предусматривающей перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, устанавливает, что в числе других обстоятельств подлежат доказыванию «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы» (п. 2 ч. 1 ст. 73). Как важное обстоятельство, общее правило, необходимое для квалификации преступления, в целом определяющее степень общественной опасности преступления и его субъекта, мотив преступления, наряду с иными обстоятельствами, характеризующими личность подозреваемого (а до придания этого статуса – фактически заподозренного), обвиняемого (в судебных стадиях именуемого подсудимым, затем осужденным), учитывается и при принятии ряда весьма существенных уголовно-процессуальных решений. Включая решения, принимаемые в ходе и по результатам проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также производства в проверочных судебных стадиях и в стадии исполнения приговора.

Даже первичное ознакомление с отмеченными положениями действующих уголовного и уголовно-процессуального законов, а также с тематиками исследований, проводимых учеными-правоведами – представителями наук уголовно-правового цикла, позволяет сделать обоснованное предположение о том, что изучение области психических явлений, обозначаемой понятиями мотивации и мотива, применительно к лицам, подвергаемым уголовному преследованию, имеет важное уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминологическое (а следовательно и уголовно-исполнительное) и криминалистическое значение.

Между тем обращение к имеющимся работам представителей наук уголовно-правового цикла позволяет выявить и ряд проблем, в том числе пробелов, в изучении обозначенной области психических явлений.

Так, одним из пробелов является отсутствие в этих работах единых, четких и полных представлений о круге задач, которые можно решить путем изучения этой области психических явлений в уголовном процессе. Между тем надлежащее определение круга таких задач представляется весьма важным с позиции как практики уголовного процесса, так и обеспечивающих надлежащий уровень этой практики исследований в области наук уголовно-правового цикла. И если в области наук уголовного права и криминологии относительно круга таких задач все-таки имеется некоторая определенность, пусть даже не исключающая дальнейшей проработки, то в области криминалистики, а ещё более – науки уголовного процесса оснований отметить подобную определенность нет. Настоящая статья является попыткой внести вклад в восполнение обозначенного пробела.

Определение задач изучения в уголовном процессе мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, означает раскрытие значения такого изучения, выяснение того, для чего это требуется в уголовном процессе, в чем смысл этого. И здесь необходимо, прежде всего, обратиться к общему представлению о таких задачах.

Задачи изучения в уголовном процессе того или иного объекта (представляющего собой часть объективной действительности) – это, по сути, различные задачи, возникающие в области уголовного процесса, решение которых можно обеспечить посредством изучения такого объекта, в нашем случае им выступает мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию. При этом считаем необходимым выделять два смысла (два уровня) понимания задач, решаемых изучением определенного объекта, в том числе мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в области уголовного процесса.

Во-первых, это задачи, решаемые изучением объекта с позиции наук уголовно-правового цикла, в том числе собственно науки уголовного процесса. В этом случае уместно вместо слова «изучение» употреблять слово «исследование», подразумевая исследование обычно сложного, комплексного объекта действительности, подчиненное именно решению научных задач, относящихся как к объяснительной, так и к прикладной функциям, традиционно выделяемым у данных наук [3. С. 107–108; 4. С. 22; 5. С. 10–11]. В этом случае задачи изучения (исследования) мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, выступают в научном аспекте.

Во-вторых, задачи, решаемые изучением объекта с позиции практической уголовно-процессуальной деятельности, т.е. в уголовном процессе по конкретному случаю (сообщению о преступлении, уголовному делу), с осуществлением соответствующих процессуальных

уровень практической уголовно-процессуальной деятельности, в том числе наука уголовного права, наука уголовного процесса, криминалистика, криминология, а также в известной мере наука уголовно-исполнительного права.

¹ К таким лицам будут относиться: лица, еще не установленные в качестве предполагаемых преступников (но уже изучаемые в криминалистическом аспекте для их установления, причем нередко еще до возбуждения уголовного дела) или заподозренные в совершении преступления до придания официального статуса подозреваемого или обвиняемого;

лица в статусе подозреваемых и обвиняемых; осужденные лица, виновность которых установлена вступившими в законную силу приговорами (которых уже можно именовать преступниками, как это принято в науках уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, а также сложилось в криминалистике). Именно поэтому в данной статье употребляется выражение «лицо, подвергаемое уголовному преследованию», как наиболее удачное, будучи всеохватывающим, включающим в свой логический объем понятия все перечисленные категории лиц, фактически подвергаемых уголовному преследованию.

действий и принятием процессуальных актов уполномоченными субъектами. В этом случае под изучением объекта подразумевается, по сути, установление конкретных обстоятельств (фактов), в которых выражается этот объект, для решения задач именно практической уголовно-процессуальной деятельности, уголовного процесса по конкретному случаю. Здесь задачи изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, предстают в практическом аспекте.

Необходимо констатировать подчиненность задач, решаемых изучением объекта, а точнее, установлением обстоятельств (фактов), выражающих изучаемый объект, в практической уголовно-процессуальной деятельности, задачам общего характера, определяемым законами, закрепляющими правовые основы этой деятельности. Прежде всего, задачам УК РФ, закрепленным в части 1 ст. 2 этого кодекса, задачам назначения уголовного судопроизводства (процесса), обозначенным в настоящем время в ст. 6 УПК РФ, а также целям (по сути, общим задачам [6]) уголовно-исполнительного законодательства, закрепленным в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [7] (далее УИК РФ). Собственно совершенствование соответствующего отраслевого закона, включая приведенные правовые основы уголовно-процессуальной деятельности, – научная задача, составляющая основное содержание прикладной функции наук уголовно-правового цикла [8. С. 75–76; 9. С. 26–27; 10. С. 7–8; 11. С. 27–31; 12. С. 75–76; 13. С. 25; 14. С. 33]. Здесь мы видим зависимость понимания практических задач изучения объекта, в данном случае – мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, от научных задач исследования этого объекта, определяемых науками уголовно-правового цикла.

В свою очередь, прикладная функция наук уголовного права и процесса включает в себя и научную задачу разработки рекомендаций, обеспечивающих правильное толкование и применение соответствующего отраслевого законодательства при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности [8. С. 75–76; 9. С. 26–27; 13. С. 25; 14. С. 33; 15. С. 34]. Научная задача разработки рекомендаций, направленных в целом на совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, составляет содержание прикладной функции и двух других наук уголовно-правового цикла – в первую очередь, криминалистики [16. С. 3–6; 17. С. 6–9; 18. С. 23–24], а в известной мере и криминологии [19. С. 8–10; 20. С. 9; 21. С. 9]. Отсюда можно вывести известную зависимость научных задач, решаемых исследованием объекта, от задач, решаемых его изучением в практической уголовно-процессуальной деятельности. Для такого объекта исследования, как мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию, данный вывод относится в полной мере.

Следует отметить, что практические задачи, решаемые изучением определенного объекта, т.е. установлением обстоятельств (фактов), его выражающих, в уголовно-процессуальной деятельности подчинены обеспечению вынесения определенных процессуальных актов, в том числе постановлений, определений, приговоров, а также осуществления предшествующих и последующих

этому процессуальных действий. Собственно, вынесению любого процессуального акта, как и осуществлению любого процессуального действия, должно предшествовать установление тех или иных обстоятельств (фактов), составляющих фактические основания их принятия и осуществления [22. С. 73–78; 23. С. 122–130]. При этом наиболее важные обстоятельства (факты), установление которых необходимо для вынесения основных процессуальных актов, прямо закрепляются в уголовно-процессуальном законе в качестве подлежащих обязательному установлению в практической уголовно-процессуальной деятельности. Применительно к теме настоящей статьи в первую очередь отметим ст. 73, 99 УПК РФ, закрепляющие среди подлежащих установлению обстоятельств (фактов) личность обвиняемого, имея в виду определенные ее стороны, различные обстоятельства, ее характеризующие, а также мотивы, что имеет определенное отношение к задачам изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию.

По результатам анализа работ как психологов, так и представителей наук уголовно-правового цикла, посвященных рассматриваемой области психических явлений, можно сделать вывод о том, что мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию, есть сложное психическое явление, представляющее собой субъективную детерминирующую систему. Так, термин «мотивация» используется в двух смыслах. Во-первых, в статическом аспекте – для обозначения мотивационной сферы личности, т.е. относительно устойчивой системы мотивов личности, как побуждающей, направляющей подсистемы личности, отражающей факторы ее формирования и развития [24. С. 12; 25. С. 88; 26. С. 182–183]. Составляют мотивационную сферу личности такие ее элементы, являющиеся устойчивыми мотивами (точнее, мотивационными образованиями [26. С. 143–183, 344]), носящими личностный смысл, как потребности, интересы, влечения (желания), увлечения, привычки, ценностные ориентации, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов уже конкретного поведения. Во-вторых, в динамическом аспекте термином «мотивация» принято обозначать процесс детерминации мотивационной сферой личности определенного поведения [26. С. 67; 27. С. 7; 28. С. 39; 29. С. 115; 30. С. 15; 31. С. 25–26, 31–32, 43; 32. С. 54–55; 33. С. 39, 54].

Исходя из требований закона и приведенного понимания мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, можно обоснованно предположить, что изучение данного сложного психического явления, состоящее в установлении выражающих и характеризующих его обстоятельств (фактов), в ходе осуществления практической уголовно-процессуальной деятельности имеет особое значение. Такое изучение должно обеспечивать решение ряда важных задач, возникающих при вынесении определенных процессуальных актов, а также осуществлении предшествующих и последующих этому процессуальных действий.

Но, приступая к очерчиванию круга этих задач, необходимо пояснить, что любые возникающие в ходе осуществления практической уголовно-процессуальной деятельности задачи, решаемые при изучении, установлении по уголовному делу (или материалу доследственной

проверки) определенных обстоятельств (фактов), в том числе относящихся к мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, возникают в рамках собственно уголовного процесса по конкретному случаю. Поэтому все такие задачи практической уголовно-процессуальной деятельности являются задачами уголовно-процессуального характера, уголовно-процессуальными задачами в широком смысле.

Между тем решение целого ряда понимаемых в широком смысле уголовно-процессуальных задач требует разрешения вопросов уголовно-правового характера, что особо значимо, учитывая неразрывную связь уголовно-процессуального права с уголовным правом [34. С. 36–40, 53–54] и даже образование этими отраслями права единого уголовно-правового комплекса [35. С. 7, 34], а также криминологического, уголовно-исполнительного, криминалистического характера. Так, вынесение приговора (иного итогового судебного акта) опосредовано разрешением ряда уголовно-правовых, криминологических, уголовно-исполнительных вопросов, что будет показано ниже.

Прежде всего, вынесение приговора (иного итогового судебного акта) требует обязательного разрешения по своей сути уголовно-правовых вопросов правильной квалификации преступления и назначения обвиняемому (подсудимому) справедливого наказания (возможно и некоторых иных мер уголовно-правового характера). Правильная квалификация преступления предполагает точное установление в фактических обстоятельствах совершенного преступления всех соответствующих признаков состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ. В числе признаков многих составов преступления в статьях Особенной части закреплены мотивы и цели преступления, каковые являются элементами мотивации преступного поведения, формирующимися мотивационной сферой личности субъекта преступления во взаимодействии с определенной ситуацией (внешними условиями) совершения этого преступления.

Так, мотивы преступления являются обязательным признаком целого ряда составов преступления, предусмотренных Особенной частью УК РФ. В частности, это «корыстные побуждения» в ст. 154, 245 УК РФ, «корыстные и иные низменные побуждения» в ст. 153, 155 УК РФ, «корыстные или хулиганские побуждения» в ст. 215.2 УК РФ, «мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» в ст. 282–282.4 УК РФ и др. Также мотивы преступления во многих статьях уголовного закона закреплены в качестве квалифицирующего признака состава преступления, например, «корыстные» и «хулиганские» «побуждения» в п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, «хулиганские побуждения» в п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, пункте «а» части 2 ст. 115 УК РФ, «хулиганские побуждения, а равно мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» в ст. 116 УК РФ.

В свою очередь, цели преступления аналогично являются обязательным признаком ряда составов преступления, предусмотренных Особенной частью УК РФ, в первую очередь это «корыстная цель» во всех хищениях, т.е. составах преступления, закрепленных в ст. 158–164 УК РФ, или, например, «цели сбыта» в ст. 186, 191.1, 234 УК РФ и многих других статьях УК РФ, «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом» в ст. 174.1 УК РФ. Цели преступления могут выступать и квалифицирующим признаком состава преступления: например, «цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение» и «цели использования органов или тканей потерпевшего» соответственно в п. «к» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, «цели сбыта» в ч. 2 ст. 146 УК РФ, «цели сбыта или пропаганды» в ч. 2 ст. 282.4 УК РФ, «цели совершения преступления на территории Российской Федерации» в п. «б» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, «цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение» в ч. 4 ст. 327 УК РФ.

Как видно, решение вопроса правильной квалификации преступления во многих случаях требует точного установления мотивов и (или) целей преступления, что предполагает изучение мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию. Поскольку эти психологические детерминанты совершения преступления являются порождением мотивационной сферы личности преступника, которым предполагается (до вступления обвинительного приговора в законную силу) лицо, подвергаемое уголовному преследованию.

В свою очередь, некоторые разновидности мотивов и целей преступления закреплены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), и обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), подлежащих обязательному учету при разрешении вопроса о назначении обвиняемому справедливого наказания (кроме случаев, когда таковые разновидности мотивов и целей уже учтены при квалификации преступления, т.е. являются обязательными или квалифицирующими признаками определенных составов преступления).

Таковы «мотивы сострадания» в п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, «мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», «месть за правомерные действия других лиц, а также цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение», «цели пропаганды, оправдания и поддержки терроризма», «цели пропаганды, оправдания и поддержки диверсии», закрепленные соответственно в п. «е», «е.1», «р», «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В целом разрешение вопроса назначения обвиняемому (выступающему в судебном разбирательстве подсудимым) справедливого уголовного наказания (возможно и иных мер уголовно-правового характера) включает в себя оценивание степени общественной опасности преступления и личности преступника, для чего необходимо изучение именно мотивационной сферы личности обвиняемого (подсудимого), в особенности элементов этой сферы, которые определяют направленность личности.

Кроме того, вынесение приговоров (иных итоговых судебных актов), а в определенных случаях и других процессуальных актов, предполагает разрешение, наряду с показанными выше уголовно-правовыми вопросами, еще и криминологических и уголовно-исполнительных вопросов. Обратимся к раскрытию содержания этих вопросов с учетом темы настоящей статьи.

Прежде всего, следует пояснить, что к задачам криминологических исследований принято относить: выявление причин и условий в целом преступности и в частности совершения отдельных преступлений, с последующей разработкой мер по устранению этих причин и условий, и иных мер предупреждения (профилактики) совершения преступлений в будущем, реализуя так называемые общую и частную (специальную) превенции [5. С. 38–48; 19. С. 206–234; 36. С. 166, 204–218; 37. С. 66–86]. При изучении мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в практической уголовно-процессуальной деятельности перечисленные криминологические задачи конкретизируются применительно к преступлению, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу. И выступают в виде криминологических вопросов (задач) выявления причин и условий совершения конкретного преступления, вменяемого в вину проходящему по делу лицу, и принятия мер по устранению этих причин и условий, предупреждения (профилактики) совершения преступлений в будущем этим лицом (частная превенция).

В свою очередь, уголовно-исполнительные вопросы (задачи) изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, следует понимать, ориентируясь на общие цели уголовно-исполнительного законодательства, сформулированные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, а именно цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Как видно, в формулировке этих целей, по сути, закреплено то, что принято относить к криминологическим задачам частной и общей превенции совершения преступлений, эти цели явно носят криминологический характер. Соответственно, можно утверждать, что при разрешении криминологических вопросов (задач) изучения в практической уголовно-процессуальной деятельности мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, одновременно в известной мере разрешаются и уголовно-исполнительные вопросы (задачи).

При этом заметим, что собственно задачи уголовно-исполнительного законодательства закреплены в части 2 ст. 1 УИК РФ: регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Эти задачи решаются при осуществлении уголовно-исполнительной деятельности специальными (в особенности пенитенциарными) учреждениями. В рамках же уголовно-процессуальной деятельности можно говорить только об опосредованном решении этих задач, т.е. через разрешение определенных выше уголовно-правовых и криминологических вопросов (задач), учитывая

известную служебную роль уголовно-исполнительного закона по отношению к уголовному закону и показанный выше криминологический характер целей уголовно-исполнительного закона.

Так, кроме уголовно-правовых вопросов, вынесение обвинительного приговора требует и обязательного разрешения вопросов, являющихся в известной мере и криминологическими, и уголовно-исполнительными, таких как правильное определение вида наказания, а при наказании в виде лишения свободы – вида исправительного учреждения и режима (п. 7, 9 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), с тем чтобы в дальнейшем, в соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ, были решены отмеченные выше задачи уголовно-исполнительного законодательства и в конечном итоге достигнуты цели исправления конкретного осужденного и предупреждения совершения новых преступлений им и иными лицами. При этом очевидно, что криминологические (по своей сути) и в известной мере уголовно-исполнительные вопросы исправления осужденного, предупреждения совершения им новых преступлений (частная превенция) требуют для их надлежащего разрешения изучения именно мотивационной сферы его личности, поскольку профилактическое воздействие должно быть оказано именно на нее, именно в ее области лежат внутренние субъективные (психологические) причины возможного в будущем совершения этим лицом преступления.

В ходе практической уголовно-процессуальной деятельности криминологические вопросы требуется решать и в иных случаях. Так, вынесение судом по уголовному делу частного определения по ч. 4 ст. 29 УПК РФ предполагает предложение мер по устранению причин совершения преступления и условий, этому способствовавших. Внутренние субъективные (психологические) причины совершения преступления, как уже говорилось, лежат в области мотивационной сферы личности преступника, в связи с чем необходимо изучение мотивационной сферы обвиняемого (подсудимого) при вынесении данного процессуального акта.

Наряду с изложенным, следует отметить особое значение изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в ходе практической уголовно-процессуальной деятельности и для решения задач криминологических научных исследований: эта практическая деятельность может предоставить незаменимые сведения о мотивационной сфере как о важнейшей побуждающей и направляющей подсистеме личности преступника, которая, в свою очередь, традиционно включается в предмет криминологии [19. С. 7–9, 93–123; 21. С. 8, 72–93; 38. С. 370, 374–376, 380], является «одним из основных компонентов самого предмета данной науки с вытекающими из этого следствиями по ее изучению» [39. С. 220].

Теперь обратимся к вопросам криминалистического характера, разрешению которых будет способствовать изучение мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в практической уголовно-процессуальной деятельности. Решение таких вопросов, предполагающее использование разработанных в криминалистической науке рекомендаций, призвано обеспечить надле-

жащее познание и в конечном итоге установление обстоятельств (фактов) предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), собственно доказывание этих обстоятельств при осуществлении процессуальных действий исследовательского характера (прежде всего следственных действий).

В криминалистическом аспекте изучения личности обвиняемого, подчиненном (в конечном итоге) установлению обстоятельств предмета доказывания, в свое время рядом ученых было выделено два направления такого изучения с определением соответствующих криминалистических задач (вопросов), которые могут быть решены при этом [40. С. 63–64; 41. С. 13; 42. С. 128]. Поскольку мотивационная сфера (система мотивации в статическом аспекте) является составной частью личности лица, подвергаемого уголовному преследованию, уместно будет воспользоваться таким подходом в рамках темы настоящей статьи.

Итак, первое направление – изучение личности еще не установленного обвиняемого (подозреваемого), в нашем случае – мотивационной сферы его личности, призвано решать криминалистические задачи (вопросы) раскрытия преступления, т.е. собственно определения лица, могущего быть подвергнутым уголовному преследованию, для чего устанавливаются соответствующие основания. Эти задачи решаются через сужение круга фактически заподозренных в совершении преступления лиц путем изучения идентифицирующих преступника свойств его личности, включая свойства ее мотивационной сферы.

Следует заметить, что в данном случае имеется в виду установление психологических свойств личности такого лица, в том числе свойств мотивационной сферы, через изучение проявлений этих свойств в характере способа совершения преступления и иных его внешне выраженных элементах, отраженных, в свою очередь, в следах преступления, понимаемых в широком смысле. Для этого необходимо знание закономерностей отражения такого рода свойств во внешне выраженных элементах преступления, особенно в способе его совершения, и далее понимаемых в широком смысле следах преступления.

Второе направление – изучение личности уже установленного лица, подвергаемого уголовному преследованию (как правило, приобретающего статус обвиняемого или подозреваемого), опять-таки, в нашем случае, – это изучение мотивационной сферы его личности, призвано, главным образом, решать задачи (вопросы) правильного выбора в целом тактической линии поведения субъекта уголовного преследования (следователя, дознавателя, прокурора) и суда в отношении такого лица, а также тактических приемов и рекомендаций по проведению отдельных процессуальных действий исследовательского характера, особенно приемов правомерного психического воздействия на такое лицо. Соответственно, эти задачи (вопросы) оправданно называть тактико-криминалистическими задачами изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию. Решению этих задач (вопросов) будет способство-

вать и прогнозирование линии поведения лица, подвергаемого уголовному преследованию, что, учитывая детерминацию любых проявлений поведения лица именно мотивационной сферой его личности, с очевидностью предполагает изучение данной сферы.

Формулировка понимания обозначенных выше вопросов и разработка рекомендаций по их разрешению по существу относится к ведению не науки уголовного процесса, а других наук уголовно-правового цикла, т.е. наук уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, криминалистики. Поэтому такого рода необходимые для разрешения вопросы, встающие в качестве задач при осуществлении практической уголовно-процессуальной деятельности, можно именовать соответственно уголовно-правовыми, криминологическими, уголовно-исполнительными, криминалистическими задачами.

Учитывая отмеченную относимость задач уголовно-процессуальной деятельности (уголовно-процессуальных задач в широком смысле), к ведению разных наук уголовно-правового цикла, аналогично тому, как в свое время был выделен «уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, исправительно-трудовой, криминалистический и криминологический аспекты изучения личности обвиняемого» [43. С. 14], в рамках темы настоящей статьи можно провести и разделение задач, решаемых изучением мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию. То есть с известной долей условности выделить соответствующие перечисленным аспектам уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные (современный аналог понятия исправительно-трудовых задач советского периода), криминалистические и криминологические задачи.

Как видно, для обеспечения полноты определения задач, решаемых изучением мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, которые возникают в практической уголовно-процессуальной деятельности, требуются знания из области различных наук уголовно-правового цикла, а не только собственно науки уголовного процесса, т.е. необходим междисциплинарный подход. Следует добавить здесь, что такой междисциплинарный подход, учитывающий необходимость использования знаний из области различных наук уголовно-правового цикла, требуется и для надлежащего решения задачи разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона, т.е. научной задачи, постулируемой прикладной функцией собственно науки уголовного процесса.

В то же время имеются задачи, решаемые в уголовно-процессуальной деятельности при установлении определенных обстоятельств (фактов), в том числе характеризующих мотивацию лица, подвергаемого уголовному преследованию, которые не предполагают обязательного разрешения уголовно-правовых, криминологических, уголовно-исполнительных и даже криминалистических вопросов с обращением к соответствующим наукам, формулирующим их понятие и рекомендации по разрешению. Можно считать, что эти задачи носят сугубо уголовно-процессуальный характер. Соответ-

ственно формулировка этих задач и разработка рекомендаций по их решению остается в ведении науки уголовного процесса, для их определения достаточным представляется узкодисциплинарный подход.

Эти задачи условно можно считать уголовно-процессуальными в узком смысле. В рамках настоящей статьи в дальнейшем мы будем использовать для их обозначения выражение «иные задачи изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе». Следует отметить, что в приведенном выше понимании аспектов изучения личности обвиняемого в уголовном процессе также был выделен сугубо уголовно-процессуальный аспект такого изучения.

Наличие иных задач (в узком смысле уголовно-процессуальных), решаемых изучением мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в частности, можно констатировать при необходимости вынесения процессуальных актов, не предполагающего обязательного разрешения уголовно-правовых, криминалистических, уголовно-исполнительных, криминалистических вопросов, во всяком случае в качестве основных по принимаемым процессуальным актам. В первую очередь к таким актам относятся процессуальные акты об избрании, продлении, изменении и отмене мер пресечения и других мер процессуального принуждения в отношении обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого). Это определяется тем, что фактические основания вынесения процессуальных актов по избранию, продлению, изменению и отмене таких мер требуют наличия у властного субъекта, выносящего акт, сведений, позволяющих обоснованно прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого), которое будет детерминироваться именно мотивационной сферой его личности. Поэтому вынесение таких актов обязательно должно включать в себя изучение мотивационной сферы личности лица, подвергаемого уголовному преследованию, в этом случае представляющего в процессуальной роли обвиняемого или подозреваемого.

В завершение настоящей статьи, обобщая и несколько развивая изложенное выше понимание в широком смысле уголовно-процессуальных задач, решаемых изучением мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, считаем возможным сгруппировать их следующим образом.

Во-первых, возникающие при вынесении приговоров, а также в ряде случаев и иных уголовно-процессуальных актов, основные и обязательные для решения

при вынесении этих актов уголовно-правовые, криминалистические и в известной мере уголовно-исполнительные задачи. Среди данных задач основное значение имеют: 1) уголовно-правовые задачи правильной квалификации преступления и назначения обвиняемому (подсудимому) справедливого наказания (возможно и некоторых иных мер уголовно-правового характера); 2) криминалистические и в известной мере уголовно-исполнительные задачи выявления причин и условий совершения конкретного преступления, вменяемого в вину проходящему по уголовному делу лицу, и принятия мер по устранению этих причин и условий, предупреждения (профилактики) совершения преступлений в будущем этим лицом (частная превенция).

Во-вторых, обусловленные необходимостью установления обстоятельств (фактов) предмета доказывания по уголовному делу криминалистические задачи: 1) раскрытия преступления через сужение круга фактически заподозренных в совершении преступления лиц путем изучения идентифицирующих преступника свойств мотивационной сферы его личности, в целях установления лица, подлежащего уголовному преследованию; данные задачи сокращенно можно назвать криминалистическими задачами установления лица, подлежащего уголовному преследованию; 2) выбора тактики поведения субъекта уголовного преследования (следователя, дознавателя, прокурора) и суда в отношении лица, подвергаемого уголовному преследованию, после его установления, как в целом по уголовному делу, так и при проведении отдельных процессуальных действий исследовательского характера, в особенности приемов правомерного психического воздействия на такое лицо; данные задачи оправданно называть тактико-криминалистическими.

В-третьих, задачи вынесения процессуальных актов, не включающие в свое содержание в качестве основных для разрешения при вынесении этих актов уголовно-правовые, криминалистические и уголовно-исполнительные вопросы; это уголовно-процессуальные задачи в узком смысле, которые условно можно обозначить иными задачами изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию в уголовном процессе. К ним относятся, прежде всего, задачи вынесения процессуальных актов об избрании, продлении, изменении и отмене мер пресечения и других мер процессуального принуждения в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого).

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс. М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 03.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс. М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 03.10.2025).
3. Уткин В.А. О научном обеспечении концепции развития уголовно-исполнительной системы // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Т. 1: Материалы пленарного заседания. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 107–111.
4. Уголовное право. Общая часть : курс лекций : в 2 ч. Ч. 1 / И.Р. Диваева, Т.В. Николаева, Б.З. Маликов [и др.]. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2022. 232 с.
5. Криминология (Общая часть) : учебник / [И.В. Калашников и др.]. М. : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. 206 с.
6. Мезинов Д.А. О соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 129–131.

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // КонсультантПлюс. М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 03.10.2025).
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 890 с.
10. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. проф. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 720 с.
11. Уголовно-исполнительное право : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.С. Михлин. М. : Высш. образование, 2008. 422 с.
12. Уткин В.А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права : очерк истории // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 69–76.
13. Авдеев В.А. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций : в 3 т. М. : Буки Веди, 2021. Т. 1. 424 с.
14. Уголовное право. Общая часть : учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / А.В. Никуленко, С.А. Денисов, К.П. Семенов ; под общ. ред. А.В. Никуленко. СПб. : СПбУ МВД России, 2024. 424 с.
15. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред.: И.А. Антонов, В.А. Сальников. СПб. : Фонд «Университет», 2023. 672 с.
16. Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 496 с.
17. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М. : Высш. шк., 1994. 528 с.
18. Криминалистика : учебник / под общ. ред. К.И. Сотникова. СПб. : Р-КОПИ, 2020. 284 с.
19. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
20. Кабанов П.А., Магизов Р.Р. Современная криминология как наука и учебная дисциплина. Казань : Изд-во Казан. ун та, 2017. 104 с.
21. Криминология. Общая и Особенная части : учебник / В.Б. Клишков [и др.]; под общ. ред. Н.А. Корсиковой, В.В. Пасынкова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2022. 380 с.
22. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводств. Их виды, содержание и формы. М. : Юрид. лит., 1976. 168 с.
23. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика. 3-е изд., стереотип. М. : Норма; ИНФРА-М, 2025. 240 с.
24. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М. : Просвещение, 1969. 317 с.
25. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : ВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
26. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011. 512 с.
27. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
28. Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1981. 248 с.
29. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
30. Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1986. 304 с.
31. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 383 с.
32. Думанская Е.Г. Мотив преступления как итог мотивационного процесса; его значение при квалификации убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 163 с.
33. Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 199 с.
34. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
35. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 274 с.
36. Горшенков Г.Н. Криминология – научная дисциплина противопреступного цикла / вступ. ст. Д.А. Шестакова. СПб. : Юридический центр, 2019. 304 с.
37. Мальков С.М. Криминология и предупреждение преступлений : курс лекций. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. 210 с.
38. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 369–384.
39. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 2. С. 219–227.
40. Ведерников Н.Т. Неотвратимость наказания и изучение личности преступника // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики : материалы науч. конф. (Свердловск, сент. 1970 г.). Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 63–69.
41. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. 156 с.
42. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во МГУ, 1984. 143 с.
43. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (понятие, предмет и методика изучения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 40 с.

References

1. Russian Federation. (1997–2025) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: ot 13.06.1996g. № 63-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Code of the Russian Federation: dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 3rd October 2025).
2. Russian Federation. (1997–2025) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 g. № 174-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 31.07.2025)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 3rd October 2025).
3. Utkin, V.A. (2019) O nauchnom obespechenii kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [On Scientific Support for the Development Concept of the Penitentiary System]. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Vol. 1. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 107–111.
4. Divayeva, I.R. Nikolaeva, T.V., Malikov, B.Z. et al. (2022) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Vol. 1. Ufa: Ufa Law Institute.
5. Kalashnikov, I.V. et al. (2022) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General Part)]. Moscow: The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Mezinov, D.A. (2010) O sootnoshenii ponyatii "tsel'" i "zadacha" v nauke ugolovno protsesssa [On the Correlation of the Concepts "Goal" and "Objective" in the Science of Criminal Procedure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 340. pp. 129–131.
7. The Russian Federation. (1997) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997g. № 1-FZ (red. ot 28.12.2024)* [Penitentiary Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 28.12.2024)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (Accessed: 3rd October 2025).
8. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovno protsesssa* [Course of Soviet Criminal Procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
9. Yakimovich, Yu.K. (ed.) (2007) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

10. Zubkov, A.I. (ed.) (2006) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriia, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika konitsa XIX – nachala XXI veka* [Penitentiary Law of Russia: Theory, Legislation, International Standards, Domestic Practice of the Late 19th – Early 21st Centuries]. 3rd ed. Moscow: Norma.
11. Mikhlin, A.S. (ed.) (2008) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penitentiary Law]. 2nd ed. Moscow: Vysshee obrazovanie.
12. Utkin, V.A. (2017) Russian Science of Penitentiary Law: A Historical Essay. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 9. pp. 69–76. (In Russian).
13. Avdeev, V.A. (2021) *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaia chast'. Kurs lektsii: v 3 t.* [Russian Criminal Law. General Part. A Course of Lectures: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Buki Vedi.
14. Nikulenko, A.V. (ed.) (2024) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. 2nd ed. St. Petersburg: SPbU MIA of Russia.
15. Bastrykin, A.I., Antonov, I.A. & Salmikov, V.A. (eds) (2023) *Ugolovno-protsessual'noe pravo (ugolovnyy protsess)* [Criminal Procedure Law (Criminal Procedure)]. St. Petersburg: Fond "Universitet."
16. Vasiliev, A.N. (ed.) (1980) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Moscow State University.
17. Gerasimov, I.F. & Drapkin, L.Ya. (eds) (1994) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
18. Sotnikov, K.I. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. St. Petersburg: R-KOPI.
19. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General Part)]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Kabanov, P.A. & Magizov, R.R. (2017) *Sovremennaya kriminologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina* [Modern Criminology as a Science and Academic Discipline]. Kazan: Kazan State University.
21. Korsikova, N.A. & Pasyukov, V.V. (eds) (2022) *Kriminologiya. Obshchaya i Osobennyya chasty* [Criminology. General and Special Parts]. St. Petersburg: SPb University of MIA of Russia.
22. Lupinskaya, P.A. (1976) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержание i formy* [Decisions in Criminal Proceedings. Their Types, Content and Forms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
23. Lupinskaya, P.A. (2025) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice]. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
24. Yakobson, P.M. (1969) *Psikhologicheskie problemy motivatsii povedeniya cheloveka* [Psychological Problems of Human Behavior Motivation]. Moscow: Prosveshchenie.
25. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Criminal Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky: MIA if the USSR.
26. Ilin, E.P. (2011) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg: Piter.
27. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie* [Motives of Crimes and Their Proof]. Voronezh: Voronezh State University.
28. Kudryavtsev, V.N. (1981) *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The Mechanism of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.
29. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal Motivation]. Moscow: Nauka.
31. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.
32. Dumanskaya, E.G. (2005) *Motiv prestupleniya kak itog motivatsionnogo protsessa; ego znachenie pri kvalifikatsii ubiystv* [The Motive of a Crime as a Result of the Motivational Process; Its Significance in Qualifying Murders]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
33. Stankevich, K.K. (2019) *Motivy i tseli ubiystva: doktrina, zakon, primenenie* [Motives and Goals of Murder: Doctrine, Law, Application]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
34. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo protsessa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
35. Proshlyakov, A.D. (1997) *Vzaimosvyaz' material'nogo i protsessual'nogo ugovnogo prava* [The Relationship Between Substantive and Procedural Criminal Law]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
36. Gorshenkov, G.N. (2019) *Kriminologiya – nauchnaya distsiplina protivoprestupnogo tsikla* [Criminology – A Scientific Discipline of the Anti-Crime Cycle]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr.
37. Malkov, S.M. (2020) *Kriminologiya i preduprezhdenie prestupleniy* [Criminology and Crime Prevention]. Krasnoyarsk: SYUI of the MIA of Russia.
38. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2019) *Predmet otechestvennoy kriminologii* [The Subject of Domestic Criminology]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13 (3). pp. 369–384.
39. Vedernikov, N.T. (2014) *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 219–227.
40. Vedernikov, N.T. (1972) *Neotvratimost' nakazaniya i izuchenie lichnosti prestupnika* [Inevitability of Punishment and the Study of the Criminal's Personality]. *Leninskiy printsip neotvratimosti nakazaniya i zadachi sovetskoy kriminalistiki* [Lenin's Principle of Inevitability of Punishment and the Tasks of Soviet Criminalistics]. Proc. of the Conference. Sverdlovsk, September 1970. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. pp. 63–69.
41. Glazyrin, F.V. (1973) *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo i taktika sledstvennykh deistviy* [Studying the Personality of the Accused and the Tactics of Investigative Actions]. Sverdlovsk: YuSU.
42. Vasiliev, A.N. & Yablokov, N.P. (1984) *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Subject, System and Theoretical Foundations of Criminalistics]. Moscow: MSU.
43. Vedernikov, N.T. (1980) *Lichnost' obvinyaemogo v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve (ponyatie, predmet i metodika izucheniya)* [The Personality of the Accused in Soviet Criminal Proceedings (Concept, Subject and Study Methodology)]. Law Dr. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Мезинов Д.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Mezinov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Prosecutorial Supervision, and Law Enforcement, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/26/15

О СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Лариса Николаевна Масленникова¹, Татьяна Евгеньевна Сушина²

^{1,2} *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия*

¹ *lnm1954@yandex.ru*

² *suschin2011@yandex.ru*

Аннотация. Изучены научные взгляды на правовую природу судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства, законодательные инициативы, судебная статистика и практика, зарубежный и отечественный опыт в данной части. Обоснован вывод об изменении действующего механизма судебной защиты прав и законных интересов юридических лиц и граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел, который не оправдал возложенных ожиданий. Выявлены причины, препятствующие надлежащей судебной деятельности при возбуждении и расследовании уголовных дел и влекущие ее стагнацию. Предложено отделить судебную деятельность по рассмотрению ходатайств и жалоб от иной судебной деятельности, чем завершить научные дискуссии о следственных судьях в пользу этого института. Отмечено, что опыт ряда постсоветских стран, которые, желая освободиться от пережитков советского уголовного судопроизводства, заимствовали французскую (немецкую) модель следственных судей, подтвердил нецелесообразность совмещения судьями, назначенными следственными судьями, деятельности при возбуждении и расследовании уголовных дел и деятельности в судебном производстве. Дано научное обоснование возможного варианта построения начального этапа уголовного судопроизводства, где институт следственных судей будет независимым и самостоятельным судебным органом. Определено, что промежуточным решением может стать законодательный запрет на рассмотрение уголовного дела по существу судом, если входящий в его состав судья рассматривал ходатайства/жалобы при возбуждении и расследовании уголовных дел. Отмечено, что повышение эффективности прокурорского надзора позволит сократить число жалоб, поступающих к судье в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ.

Ключевые слова: возбуждение и расследование уголовных дел, судебная защита, доступ к правосудию, уголовно-процессуальные споры, судебный контроль, санкционирование оперативно-розыскных мероприятий, предел и пределы судебного обжалования, судебный следователь, следственный судья, состязательность сторон, прокурорский надзор

Для цитирования: Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. О создании современного института следственного судьи в уголовном судопроизводстве России // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 85–95. doi: 10.17223/23088451/26/15

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/15

ON THE ESTABLISHMENT OF A MODERN INSTITUTE OF INVESTIGATIVE JUDGES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Larisa N. Maslennikova¹, Tatyana E. Sushina²

^{1,2} *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation*

¹ *lnm1954@yandex.ru*

² *suschin2011@yandex.ru*

Abstract. A comprehensive discussion and thorough scholarly examination of these issues will enable the phased creation of a new organizational model for investigative judges. Possessing the necessary independence and procedural autonomy, such judges would be capable of ensuring effective protection of citizens' constitutional rights during the initiation and investigation of criminal cases. They would also guarantee citizens' access to justice for a substantive review of both the criminal legal dispute concerning guilt and the civil legal dispute regarding compensation for damage caused by the crime in a court of first instance. However, it must be acknowledged that achieving this goal, while undoubtedly necessary, will not occur immediately. Therefore, as an interim measure, we consider it feasible to establish a legislative prescription prohibiting a court from considering the substantive criminal legal dispute concerning guilt if the judge presiding over the case previously adjudicated any petitions or complaints during the initiation and investigation phase of that same criminal case. As judicial practice has demonstrated, achieving a separation of judicial functions at the initial stage of criminal proceedings (during the initiation and investigation of cases) from other types of judicial activity at an organizational level has proven impossible without explicit legislative codification.

Keywords: initiation and investigation of criminal cases, judicial protection, access to justice, criminal procedure disputes, judicial oversight, authorization of operational-search activities, subject and limits of judicial appeal, judicial investigator, investigative judge, adversarial principle, prosecutorial supervision

For citation: Maslennikova, L.N. & Sushina, T.E. (2025) On the establishment of a modern institute of investigative judges in Russian criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 85–95. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/15

Построение в России демократического правового государства в условиях формирования многополярного мира потребовало принципиально нового понимания целей и приоритетов уголовно-процессуальной политики. Признание судебной власти в качестве самостоятельной ветви власти, возложение на нее обязанности по защите конституционных прав граждан, закрепление состязательности сторон и презумпции невиновности в числе принципов уголовного процесса, расширение возможностей судебного обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органов уголовного преследования и другие факторы предопределили изменение ранее сложившихся подходов к содержанию уголовно-процессуальной деятельности на всех ее этапах.

Серьезным образом изменилось так называемое досудебное производство, в котором судья, исполняя роль независимого арбитра по разрешению уголовно-процессуальных споров по ходатайствам дознавателя и следователя и жалобам юридических лиц и граждан, вовлеченных дознавателем, следователем и прокурором в уголовное судопроизводство, занял особое место. По сути термин «досудебное производство» потерял свой смысл, поскольку на деятельность по рассмотрению сообщения о преступлении и его расследованию распространялась судебная деятельность, охватив судебным контролем действия (бездействие) и принятие решений на начальном этапе уголовного судопроизводства, т.е. еще до поступления уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения уголовно-правового спора о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении.

Закрепление в УПК РФ (2001 г.) широкого спектра полномочий судьи в стадиях возбуждения и расследования уголовного дела, вне всяких сомнений, стало шагом вперед по сравнению с предыдущей советской моделью построения уголовного процесса. В советское время право граждан на судебную защиту обеспечивалось только при поступлении дела в суд для рассмотрения его по существу уголовно-правового спора и в последующих судебных стадиях, где рассматривались уголовно-процессуальные споры по жалобам и представлениям прокурора. Поэтому посыл законодателя, направленный на расширение состязательных начал на начальном этапе уголовного судопроизводства при рассмотрении сообщения о преступлении и его расследовании и, соответственно, обеспечение доступа граждан к правосудию с момента поступления в правоохранительные органы сообщения о преступлении, был с оптимизмом воспринят в науке и практике.

Благодаря глубокой научной проработке тогда еще незнакомых для уголовно-процессуальной доктрины вопросов о предмете и пределах судебной деятельности

при возбуждении и расследовании уголовных дел, особенностях судебного порядка рассмотрения ходатайств и жалоб, участии судьи в доказывании, был сформирован новый институт, поименованный в доктрине судебным контролем.

Несмотря на то, что деятельность судьи на этом этапе уголовного судопроизводства не имеет никакого сходства с контрольной деятельностью других государственных органов, подпадающей под сферу действия Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и других правовых актов, термин «судебный контроль», не получивший законодательного закрепления, достаточно прочно вошел в уголовно-процессуальную теорию.

1. Виды судебной деятельности при возбуждении и расследовании уголовных дел и их результативность

На сегодняшний день судебный контроль, хотя и существует уже более 20 лет, по-прежнему остается в центре внимания представителей юридической науки и практики. В многочисленных научных публикациях и диссертационных исследованиях активно обсуждаются вопросы о соотношении правосудия и судебного контроля; содержании и объеме судебной деятельности при возбуждении и расследовании уголовных дел; месте судебного контроля в механизме судебной защиты конституционных прав граждан; реализации принципа объективности и беспристрастности судьи при совмещении функций по судебному контролю и рассмотрению уголовного дела по существу; перспективах и рисках использования в судебной деятельности искусственного интеллекта и других достижений современных цифровых технологий [1].

Пока многие из указанных вопросов еще только получают единообразное научное оформление, законодатель, действуя в отрыве от науки, проявляет излишнюю гиперактивность и всякий раз старается увеличить объем полномочий судьи в рамках судебного контроля [2]. И хотя это делается не совсем удачно, так как любое расширение предмета судебного контроля нуждается в научном обосновании, законодательные просчеты и перегибы корректирует судебная практика, которая зачастую находит компромиссное решение, отторгая все лишнее и надуманное.

При всем разнообразии существующих в юридической среде взглядов на функциональное предназначение судебной деятельности при рассмотрении сообщения о преступлении и его расследовании можно отметить их некоторую схожесть. Она состоит в том, что научное со-

общество и практические работники положительно оценивают судебный контроль, который, наряду с ведомственным контролем руководителя следственного органа и прокурорским надзором, выступает гарантом реализации права юридических лиц и граждан на судебную защиту и на доступ к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Судебная деятельность при возбуждении и расследовании уголовных дел включает в себя судебный контроль и рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

На сегодняшний день получили окончательное оформление три ключевых (приоритетных) вида судебного контроля: предупредительный, обеспечительный и восстановительный судебный контроль¹.

Предупредительный судебный контроль направлен на защиту конституционных прав граждан при производстве следственных действий. Данный вид судебного контроля установлен ч. 2 ст. 164, ч. 3 ст. 178 УПК РФ. Его инициируют должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, в целях получения разрешения суда на проведение следственных действий, перечисленных в п. 4–8, 11, 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, и эксгумацию трупа при возражении на то родственников покойного.

К предупредительному судебному контролю также можно отнести рассмотрение судьей ходатайств, связанных с судьбой вещественных доказательств (п. 10.1 и 10.2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Обеспечительный судебный контроль предусматривает принятие судом решений по ходатайствам дознавателя и следователя об ограничении конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений (п. 1–3, 9–10 ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

Восстановительный судебный контроль способствует оперативному восстановлению конституционных прав граждан, нарушенных в результате незаконных действий (бездействия) или решений дознавателя, следователя и прокурора (ст. 125, 125.1 УПК РФ). Сюда же можно отнести жалобы на отказ прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств; жалобы на решения прокурора о выдаче лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора; ходатайства дознавателя и следователя о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения (ст. 416, 463, п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ).

Рассмотрение судьей материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ осуществляется во исполнение требований ст. 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и части 5 статьи 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Данный вид судебной деятельности также называется судебным санкционированием ОРМ и не относится к судебному контролю.

Анализ судебной статистики о количестве и результатах рассмотрения судьей уголовно-процессуальных споров в порядке предупредительного, обеспечительного и восстановительного судебного контроля за 2015–2024 гг. (табл. 1) позволяет сделать вывод о том, что в последние 10 лет судьи ежегодно рассматривали более одного миллиона таких материалов или почти 3 000 материалов в день. Примерно 90% из всех материалов составили ходатайства дознавателей и следователей о даче разрешения на производство следственных действий (около 47%) и об избрании/продлении мер процессуального принуждения (около 43%), примерно 10% из всех материалов – материалы восстановительного судебного контроля.

Таблица 1
Показатели судебной статистики за 2015–2024 гг. о количестве материалов (по числу лиц), рассмотренных судьями в порядке предупредительного, обеспечительного и восстановительного судебного контроля

Год	Всего	Из числа рассмотренных материалов		
		Предупредительный судебный контроль	Обеспечительный судебный контроль	Восстановительный судебный контроль
2024	1 043 734	493 095	410 909	139 730
2023	1 043 937	522 092	416 238	105 607
2022	1 005 177	522 185	368 853	114 139
2021	1 119 588	589 407	414 616	115 565
2020	1 133 792	616 479	408 314	108 999
2019	1 146 030	604 921	421 081	120 028
2018	1 157 978	608 295	427 591	122 092
2017	1 180 243	629 495	428 669	122 079
2016	1 263 181	639 494	496 445	127 242
2015	1 107 728	564 014	412 771	130 943

Результаты рассмотрения судьей ходатайств в порядке предупредительного и обеспечительного судебного контроля (табл. 2, 3) свидетельствуют о том, что более 90% из них удовлетворяются. Это вполне оправ-

данно, поскольку судья, не погружаясь в существо уголовного дела и доказанность его фактических обстоятельств, не вправе бесосновательно отказать в удовлетворении ходатайства дознавателя и следователя, осу-

¹ Существуют и иные виды судебного контроля, в рамках которых судьей рассматривается незначительное количество материалов

(напр., в 2024 г. по п. 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ рассмотрено всего 86 материалов, в 2023 г. – 74 материала).

ществляющих уголовное преследование от имени государства. Тем самым судья не препятствует ходу расследования уголовного дела, ограничиваясь формальной проверкой доводов ходатайств и оценкой достаточности оснований для их удовлетворения. Указанный подход судьи стал вполне привычным и не вызывает нареканий. Но ситуация может усугубиться тем, что этот же судья в составе суда будет рассматривать уголовное дело по

существу в судебном производстве (и как показывает практика, в отдельных случаях так оно и есть). При вынесении обвинительного приговора, даже при его соответствии критериям законности, обоснованности и справедливости, сторона защиты может утверждать о наличии обвинительного уклона, что является негативным фактором, влияющим на общественную оценку судебной власти и снижающим ее авторитет [3].

Таблица 2

Показатели судебной статистики за 2015–2024 гг. о количестве ходатайств (по числу лиц) о производстве следственных действий, рассмотренных судьями в порядке предупредительного судебного контроля

Год	Окончено производством	Из числа окончанных производством		
		Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
2024	493 095	474 979 (96,4%)	7 119 (1,5%)	10 007 (2,1%)
2023	522 092	501 549 (96,1%)	8 387 (1,6%)	12 156 (2,3%)
2022	522 185	502 064 (96,1%)	8 449 (1,6%)	11 672 (2,3%)
2021	589 407	567 097 (96,2%)	10 112 (1,7%)	12 198 (2,1%)
2020	616 479	593 168 (96,2%)	11 361 (1,8%)	11 950 (2%)
2019	604 921	580 232 (96%)	13 492 (2,2%)	11 197 (1,8%)
2018	608 295	583 429 (96%)	14 964 (2,5%)	9 902 (1,5%)
2017	629 495	607 752 (96,5%)	14 703 (2,3%)	7 040 (1,2%)
2016	639 494	618 871 (96,8%)	14 791 (2,3%)	5 832 (0,9%)
2015	564 014	547 365 (97%)	12 538 (2,2%)	4 111 (0,8%)

Примечание. Здесь и далее в таблицах анализ судебной статистики приведен на основании раздела 4 отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015–2024 гг. (форма 1).

Таблица 3

Показатели судебной статистики за 2015–2024 гг. о количестве ходатайств (по числу лиц) об ограничении конституционных прав граждан, рассмотренных судьями в порядке обеспечительного судебного контроля

Год	Окончено производством	Из числа окончанных производством		
		Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
2024	410 909	378 524 (92,1%)	22 652 (5,5%)	9 733 (2,4%)
2023	416 238	381 170 (91,6%)	24 885 (6%)	10 183 (2,4%)
2022	368 853	341 282 (92,5%)	21 400 (5,8%)	6 171 (1,7%)
2021	414 616	383 123 (92,4%)	22 499 (5,4%)	8 994 (2,2%)
2020	408 314	376 818 (92,3%)	23 138 (5,7%)	8 358 (2%)
2019	421 081	391 943 (93%)	22 242 (5,3%)	6 896 (1,7%)
2018	427 591	400 465 (93,7%)	21 481 (5%)	5 645 (1,3%)
2017	428 669	401 912 (93,8%)	21 855 (5,1%)	4 902 (1,1%)
2016	496 445	464 146 (93,5%)	24 677 (5%)	7 622 (1,5%)
2015	412 771	392 891 (95,2%)	16 215 (3,9%)	3 665 (0,9%)

Иная ситуация наблюдается в рамках восстановительного судебного контроля, низкая результативность которого подтверждается судебной статистикой (табл. 4). По существу судьи рассматривают только около 20% от всех поступивших жалоб несмотря на то, что УПК РФ не предусматривает отказ в приеме жалобы. Загруженность судей, прежде всего рассмотрением уголовно-правовых споров по существу, отодвигает на второй план значимость рассмотрения уголовно-процессуальных споров по жалобам заинтересованных лиц, придавая формальный характер данному виду судебной деятельности. Судьям намного проще возвратить жалобу, прекратить производство по жалобе, передать жалобу на рассмотрение в другой суд, т.е. фактически отказать в приеме жалобы, чем рассмотреть жалобу по существу с вынесением решения. Кроме того, судьи осознают бесполезность рассмотрения жалоб по существу, поскольку даже при вынесении ими решения об

удовлетворении жалобы оно ничего не значит для дознавателя, следователя и прокурора, так как механизм исполнения подобного рода судебных решений и привлечения к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения прав граждан, отсутствует.

Касательно санкционирования ОРМ отметим, что по статистике судьи удовлетворяют почти 99,7% таких ходатайств, причем объемы материалов о даче судьей разрешения на проведение ОРМ впечатляют, так как превышают один миллион в год с тенденцией их дальнейшего увеличения.

Завершая анализ результатов судебной деятельности при рассмотрении сообщений о преступлении и расследовании уголовных дел за 2015–2024 гг. (табл. 5), отметим, что процентное соотношение материалов этой деятельности к общему числу рассмотренных материалов и уголовных дел возрастает из года в год.

Таблица 4

Показатели судебной статистики за 2015–2024 гг. о количестве жалоб (по числу лиц) о нарушении конституционных прав граждан и затруднении доступа к правосудию, рассмотренных судьями в порядке восстановительного судебного контроля

Год	Окончено производством	Из числа окончанных производством		
		Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
2024	139 730	5 824 (4,2%)	20 635 (14,8%)	113 271 (81%)
2023	105 607	5 995 (5,7%)	20 226 (19,1%)	79 386 (75,2%)
2022	114 139	5 619 (4,9%)	20 254 (17,8%)	88 266 (77,3%)
2021	115 565	5 816 (5%)	21 536 (18,6%)	88 213 (76,4%)
2020	108 999	5 721 (5,2%)	20 214 (18,6%)	83 064 (76,2%)
2019	120 028	5 322 (4,4%)	22 437 (18,7%)	92 269 (76,9%)
2018	122 092	5 454 (4,5%)	22 991 (18,8%)	93 647 (76,7%)
2017	122 079	5 935 (4,9%)	23 881 (19,6%)	92 263 (75,5%)
2016	127 242	6 379 (5%)	30 045 (23,6%)	90 818 (71,4%)
2015	130 943	8 104 (6,1%)	35 396 (27%)	87 644 (66,9%)

Таблица 5

Показатели судебной статистики о количестве уголовных дел и материалов досудебного производства, рассмотренных судом первой инстанции и судьями за 2015–2024 гг.

Год	Уголовные дела, окончанные производством	Материалы начального этапа уголовного судопроизводства		
		Судебный контроль	Судебное санкционирование	Окончено материалов (всего)
2024	659 878	1 043 734	1 010 939	2 054 673
2023	727 190	1 043 937	991 285	2 035 222
2022	771 107	1 005 177	930 787	1 935 964
2021	769 948	1 119 588	940 219	2 059 807
2020	748 945	1 133 792	904 896	2 038 688
2019	806 097	1 146 030	797 334	1 943 364
2018	885 242	1 157 978	732 402	1 890 380
2017	914 965	1 180 243	695 166	1 875 409
2016	963 878	1 263 181	646 676	1 909 857
2015	962 583	1 107 728	655 223	1 762 951

Например, в 2024 г. на начальном этапе уголовного судопроизводства (при рассмотрении сообщений о преступлении и расследовании уголовных дел) судьи рассмотрели материалов в 3 раза больше, чем уголовных дел. Иными словами, из общего количества материалов и уголовных дел 75,6% составили материалы, рассмотренные судьей при возбуждении и расследовании уголовных дел. Для сравнения в 2023 г. этот показатель был равен 73,6%, в 2015 г. – 64,6%.

Тенденция к дальнейшему увеличению числа материалов, рассмотренных судьей на начальном этапе уголовного судопроизводства, т.е. до поступления уголовного дела в суд для рассмотрения уголовно-правового спора о виновности, при практически неизменном количестве судей судов общей юрисдикции¹, сочетающих деятельность по рассмотрению уголовно-процессуальных споров, возникающих в связи с рассмотрением сообщения о преступлении и расследованием, и рассмотрением уголовно-правовых споров о виновности в суде первой инстанции, а также неэффективность судебного контроля, которая выразилась практически в 100-процентном удовлетворении ходатайств дознавателя и следователя и в отказах в рассмотрении жалоб участников (80% отказов), не наделенных властными полномочиями, побудили представителей научного сообщества и

практикующих юристов предпринимать попытки переосмысления существующего механизма судебной защиты прав граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел в контексте его оптимизации.

2. Следственный судья как субъект судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства (при возбуждении и расследовании уголовных дел)

Среди многих заслуживающих внимания научно обоснованных предложений стоит поддержать идею о закреплении института следственных судей как самостоятельного судебного органа, который не подчинен и никак не пересекается с судом, реализующим функцию по отправлению правосудия в судебных стадиях уголовного процесса [4].

Отметим, что вопрос о следственных судьях не новый и обсуждался еще в рамках подготовки УПК РФ. Импульсом к тому стали положения Концепции судебной реформы (1991 г.), поддержанные впоследствии Президентом РФ В.В. Путиным и высшими должностными лицами судебной системы. Дискуссии по данному вопросу продолжаются и по сей день.

¹ Вывод сделан по результатам анализа п. 1 ч. 2 ст. 7 федеральных законов о федеральном бюджете на соответствующий год: в 2015–2022 гг. штатная численность судей федеральных судов общей юрисдикции не изменялась и составляла 25 433 единицы, в 2023 г. –

25 483 единицы (+ 50 единиц), в 2024–2025 гг. – 26 676 единиц (+ 1 193 единицы).

В обоснование своих позиций о необходимости участия следственных судей на начальном этапе уголовного судопроизводства до рассмотрения уголовного дела по существу уголовно-правового спора некоторые авторы предложили свои варианты решения судоустройственных и судопроизводственных вопросов, которые неминуемо возникнут в случае принятия соответствующего законодательного решения.

Из многочисленных научных исследований по данному вопросу выделим тех авторов, которые предприняли попытку построения концептуальных основ института следственных судей.

В своем диссертационном исследовании Н.Г. Муратова обосновала необходимость создания института следственных судей и разработала проект федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации». По ее мнению, следственными судьями должны быть судьи субъектов РФ, осуществляющие все виды судебного контроля по ходатайствам и жалобам участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с концепцией А.В. Смирнова следственный судья может осуществлять контроль за соблюдением конституционных прав граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел; участвовать в формировании судебных доказательств путем производства следственных действий; рассматривать в судебных заседаниях вопросы о передаче уголовного дела для судебного разбирательства или прекращении уголовного дела / уголовного преследования при наличии на то оснований [5].

Вариант модели следственных судей, предложенный А.В. Смирновым, несмотря на терминологическое название, напоминает институт судебных следователей дореволюционной России. Между тем в ряде научных публикаций авторы обоснованно разграничили следственных судей и судебных следователей.

Согласно позиции Н.Н. Ковтуна принципиальное отличие судебного следователя и следственного судьи заключается в том, что судебный следователь состоит при суде и преимущественно закрепляет судебные доказательства, а следственный судья относится к органам расследования, но выполняет не следственные, а юрисдикционные функции в виде оперативного судебного контроля [6].

Т.Г. Морщакова также указала на то, что следственные судьи должны осуществлять судебный контроль за возбуждением и расследованием уголовных дел, не подменяя при этом деятельность дознавателя, следователя и прокурора [7].

Т.К. Рябинина обратила внимание на терминологическое и функциональное отличие судебного следователя и следственного судьи, которое заключается в том, что судебный следователь является судьей, осуществляющим следствие на начальном этапе уголовного судопроизводства, т.е. до поступления уголовного дела в суд, а следственный судья осуществляет судебный контроль за законностью деятельности дознавателя, следователя и прокурора при рассмотрении сообщения о преступлении и его расследовании [8].

М.В. Химичев, не допуская отождествления судебного следователя и следственного судьи ввиду наличия между ними принципиальных различий, обратил внимание на то, что оба института взаимодополняют друг друга [9].

Проведение глубокого анализа научных публикаций, в которых, кроме указанных выше, и другие авторы поддержали идею о создании института следственных судей, а некоторые авторы возражали против этого [10], выходит за рамки настоящей статьи. Кратко лишь отметим, что, несмотря на наличие противоречивых мнений на этот счет, полагаем целесообразным отказаться от создания института следственных судей, прототипом которого станет институт дореволюционных судебных следователей в различных его вариациях, так как судебные следователи приписаны к судам и осуществляют свои полномочия под эгидой судебной власти. Соответственно судебная власть управляет ими, лишая их в некоторой степени процессуальной самостоятельности и автономии. Поэтому существуют риски подмены/дублирования судебными следователями органов уголовного преследования. Такой вариант судебной деятельности при возбуждении и расследовании уголовных дел, равно как и совмещение судьями деятельности по рассмотрению уголовно-процессуальных споров о правоприменении на начальном этапе уголовного судопроизводства и рассмотрению уголовно-правовых споров по существу вмененного обвинения, как это выглядит сейчас, не принесет желаемого результата. Судьи, даже после их избрания/назначения следственными судьями с дальнейшей ротацией, все-равно будут ориентироваться на то, чтобы уголовное дело поступило в суд для проведения судебного разбирательства, т.е. поддерживать позицию государства в лице органов уголовного преследования. Кроме того, они по-прежнему будут рассматривать судебный контроль и санкционирование ОРМ как второстепенный вид судебной деятельности и выполнять ее по остаточному принципу, отдавая приоритет рассмотрению уголовных дел по существу.

3. Проблемы реализации Концепции судебной реформы (1991 г.) о следственных судьях на современном этапе

Составители Концепции судебной реформы (1991 г.) к числу первоочередных задач, подлежащих решению, справедливо отнесли необходимость отделения суда от обвинительной власти, обеспечение независимости суда и самостоятельности правоохранительных органов при осуществлении своих процессуальных функций, а также обосновали вывод о том, что один и тот же орган объективно не может обеспечить эффективность выполняемых различных видов деятельности.

Поэтому логично было бы создать такой институт следственных судей, который не будет связан с рассмотрением уголовных дел по существу обвинения, будет функционировать самостоятельно, защищая тем самым конституционные права граждан путем рассмотрения уголовно-процессуальных споров по вопросам правоприменения при возбуждении и расследовании уголовных дел.

Однако по ряду причин ввести такой уголовно-процессуальный институт представляется сложным. Эти сложности, известные еще на момент подготовки УПК РФ, были связаны прежде всего с ресурсным обеспечением судебной деятельности, предполагающей самостоятельное рассмотрение возникающих уголовно-процессуальных споров при возбуждении и расследовании уголовных дел, и их рассмотрением по существу уголовно-правового спора в суде первой инстанции. Тогда в конце XX в. уже стоял вопрос о том, что для такой модели следственных судей просто не хватит судей. Эти проблемы ресурсного обеспечения выступают и сегодня серьезным препятствием для введения самостоятельного органа следственных судей. Несмотря на это, следует искать вариант построения такой судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства, которая позволит развести рассмотрение уголовно-процессуальных споров, возникающих при возбуждении и расследовании уголовных дел, и рассмотрение уголовно-правовых споров по существу обвинения в суде первой инстанции.

Интересно в этой ситуации обратиться к опыту других стран.

4. Зарубежный опыт создания и функционирования института следственных судей

Кратко рассмотрим институты следственных судей Французской Республики и Федеративной республики Германии (далее – Франция, ФРГ) как государств, представляющих континентальную модель уголовного процесса, а также институты следственных судей тех постсоветских государств, которые предприняли попытку перенять французский и немецкий опыт в своей национальной уголовно-процессуальной модели.

Во Франции следственные судьи, к компетенции которых отнесены вопросы применения мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, именуется также судьями по вопросам свободы и содержания под стражей (*juge des libertes et la detention*). Они функционируют наряду со следственными судьями, являющимися следователями в современном понимании. И те и другие занимают должности судей и состоят в штате судов первой и апелляционной инстанций [11]. При этом следственные судьи по вопросам свободы и содержания под стражей не вправе совмещать функции по оперативному судебному контролю за применением мер процессуального принуждения и рассмотрением уголовного дела по существу. Также они организационно и функционально отделены от прокурора, полиции и адвокатуры, чем и обеспечивается их процессуальная независимость.

В уголовном судопроизводстве ФРГ существуют судьи по дознанию (*Ermittlungsrichter*) и судьи по арестам (*Haftrichter*). Судьи по дознанию осуществляют предупредительный, обеспечительный и восстановительный судебный контроль, но не принимают решения о заключении под стражу, а также закрепляют некоторые доказательства и в исключительных случаях прово-

дят вместо прокурора неотложные процессуальные действия. Должности судей по дознанию занимают судьи участковых судов, судьи верховных судов земель и федерального суда ФРГ. Судьями по арестам назначаются судьи тех же судов в порядке распределения дел (по аналогии с дежурством российских судей). Судьи по дознанию и судьи по арестам совмещают деятельность в досудебном и судебном производствах. Однако рассмотрение судьей материалов в досудебном производстве препятствует рассмотрению этим же судьей уголовного дела по существу [12].

К странам бывшего СССР, взявшим за основу в большей или меньшей степени элементы французской или германской модели следственных судей, относятся прибалтийские республики (Латвийская Республика, Литовская Республика, Эстонская Республика), Республика Молдова, Украина, Кыргызская Республика. В уголовном судопроизводстве Республики Казахстан также участвуют следственные судьи, но данный институт, хотя изначально и был похож на немецкую модель, впоследствии подвергся существенным изменениям в сторону усиления процессуальной самостоятельности следственных судей.

В прибалтийских государствах следственными судьями назначаются судьи районных (уездных, городских) судов, которые, наряду с деятельностью в досудебном производстве, осуществляют и иные виды судебной деятельности. Например, в Латвии следственный судья назначается председателем районного (городского) суда на период до трех лет. В это время следственный судья, помимо деятельности по предварительному расследованию, рассматривает гражданские и административные дела [13]. В Эстонии судья по предварительному расследованию является судьей уездного суда, который также не освобожден от другой судейской работы и может рассматривать по существу любое уголовное дело, за исключением тех, по которым он принимал решение о заключении обвиняемого под стражу либо об избрании в качестве меры пресечения залога. В Литве судья участкового суда по предварительному расследованию не рассматривает по существу те уголовные дела, по которым им принимались решения в досудебном производстве, что схоже с французской моделью следственного судьи по вопросам свободы и содержания под стражей.

На Украине судья по контролю за предварительным расследованием и в Молдове судья по уголовному преследованию также не отделены от судейского корпуса и избираются/назначаются из числа судей на конкретный срок [14].

Обозначенная модель следственных судей в научной литературе поименована «мягкой (смешанной) специализацией» и напоминает российскую модель, в которой деятельность судьи при возбуждении и расследовании уголовных дел, хотя и не получила никакого терминологического закрепления, имеет явное сходство с деятельностью следственных судей. Понятно, что такая модель изначально удобна и финансово не столь затратна. Но это при условии, что судебная нагрузка соответствует установленным нормативам, а не многократно превышает их, как это имеет место в России.

К сожалению, эмпирические данные о результатах деятельности следственных судей в прибалтийских государствах, Украине и Молдове пока получить затруднительно. Однако, бесспорно, в указанных государствах количество судей невелико и количество дел, приходящихся на одного судью, намного меньше, чем в России, и это, скорее всего, позволяет судьям безболезненно совмещать деятельность на начальном этапе уголовного судопроизводства и рассмотрение дела в суде первой инстанции. Например, в Латвийской Республике штатная численность судей составляет 529 единиц, причем председатель Верховного Суда Латвийской Республики в 2025 г. поставил вопрос о сокращении 30 ставок судей в связи с незначительным количеством дел, рассматриваемых в судах. В Эстонии штатная численность судей на конец 2022 г. составляла всего 244 судьи [15], и также поднимался вопрос о сокращении числа судей, в Молдове насчитывается около 500 судей. Поэтому так называемая мягкая специализация следственных судей в указанных странах вполне оправдана.

В Республике Казахстан и Кыргызской Республике законодатель отказался от «мягкой специализации» следственных судей и создал самостоятельные судебные органы в лице следственных судей, функционирующие независимо от судов. В этой связи штатная численность судейского корпуса была увеличена в Казахстане на 51 единицу, в Кыргызстане – на 56 единиц.

В Казахстане следственные судьи в качестве обособленного судебного органа осуществляют все виды судебного контроля, санкционируют ОРМ, разрешают спорные вопросы в стадии исполнения приговора и возобновления производства по уголовному делу. Следственный судья назначается на должность указом президента Казахстана.

В Кыргызской Республике следственные судьи также осуществляют все виды судебного контроля, санкционирование ОРМ и проведения специальных следственных действий, необходимых для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, не информируя об этом лиц, интересы которых они затрагивают. Поскольку следственные судьи назначаются на должности приказом председателя Верховного Суда Кыргызской Республики из числа действующих судей, можно заключить, что самостоятельный судебный орган в Кыргызстане не создан, что свело на нет суть реформирования досудебного производства.

Таким образом, Кыргызская Республика, хотя и провозгласила самостоятельность следственных судей, но в отличие от Казахстана пошла по пути постсоветских стран, в которых следственными судьями назначаются действующие судьи. Стоит отметить, что такой вариант не оправдал себя и стал подвергаться резкой критике, в том числе со стороны главы Верховного Суда Кыргызской Республики, ввиду выявления в деятельности следственных судей процессуальных нарушений, коррупционных проявлений, низкого качества рассмотрения материалов, нарушения презумпции невиновности [16].

Несмотря на наличие многих спорных нюансов (например, материал по ходатайству или жалобе может быть рассмотрен специализированным следственным

судьей без проведения судебного заседания, часть ходатайств о проведении оперативно-розыскных мероприятий санкционирует прокурор, специализированные следственные судьи осуществляют судебный контроль в стадии исполнения приговора и др.), признаем, что Республика Казахстан является пока единственным государством, которому удалось положительно решить вопросы судостроительства и судопроизводства применительно к институту следственных судей и создать специализированные следственные суды, возглавляемые председателями судов. Поэтому накопленный в Казахстане положительный и негативный опыт представляет для нас определенную ценность и может быть учтен при построении российского варианта института следственных судей.

Помимо сказанного, кратко затронем вопрос о наделении следственных судей полномочиями по депонированию (закреплению) доказательств в досудебном производстве, который также обсуждается в научной среде [17].

Отталкиваясь от опыта ФРГ, где следственный судья закрепляет показания сторон в ходе полицейского дознания либо по ходатайству защиты и даже может быть допрошен на этот счет в судебном заседании, в таких странах, как Казахстан, Киргизия, Украина, Молдова, Литва и Эстония, следственные судьи могут закреплять доказательства, которые суд в судебном заседании оглашает независимо от позиций сторон. Это, бесспорно, повышает состоятельность процесса и благоприятствует защите. Однако полагаем, что в депонировании доказательств прослеживается некое заимствование из американского уголовного процесса, где досудебное производство не имеет четко выраженной процессуальной формы и производство в суде первой инстанции в равной мере учитывает интересы обвинения и защиты. В нынешних реалиях российского уголовного процесса, где процессуальная форма законодательно урегулирована, суд наделен правом назначения судебных экспертиз и допросов свидетелей, в том числе дистанционно, существует опасность того, что следственный судья, в случае наделения его полномочиями по депонированию доказательств, будет позиционироваться как следователь при суде, т.е. как судебный следователь. Поэтому к вопросу о возможном наделении следственного судьи полномочиями по депонированию доказательств нужно подходить с осторожностью и взвешенно.

5. Обоснование варианта новой организационной модели судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства

Изучение отечественного механизма судебной защиты прав граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел свидетельствует о ряде нерешенных проблем, значительно снижающих эффективность судебной деятельности и сводящих на нет многие усилия законодателя по созданию надежной системы защиты прав граждан и подбору оптимальной модели взаимодействия руководителя следственного органа, прокурора и судьи с целью обеспечения законности начального этапа уголовного судопроизводства.

В числе таких назовем:

- большой объем материалов начального этапа уголовного судопроизводства, поступающих на рассмотрение судьям в виде ходатайств и жалоб, с тенденцией дальнейшего увеличения таких материалов при сохранении прежней штатной численности судей и выполнении ими иных видов судебной работы;

- нечеткая законодательная регламентация предмета, пределов и процедур судебного контроля по ходатайствам и жалобам;

- отсутствие механизма исполнения судебных решений по жалобам, принятым в рамках восстановительного судебного контроля;

- наличие обоснованных сомнений в объективности и беспристрастности судьи при принятии решения по уголовному делу, по которому он выносил решение при возбуждении и расследовании уголовных дел в порядке предупредительного, обеспечительного либо восстановительного судебного контроля или санкционирования ОРМ;

- ограничение соизвестности сторон в досудебном производстве и лишение невластных участников права инициировать уголовно-процессуальный спор по ходатайствам.

Указанное обуславливает необходимость корректировки сложившихся представлений о роли и месте судебной деятельности, ее предмете и пределах, видах принимаемых решений и их значении в системе обеспечения законности при возбуждении и расследовании уголовных дел.

Осмысление существующих проблем с опорой на отечественный опыт и традиции в их историческом контексте и опыт зарубежных стран, так же как и Россия, провозгласивших себя демократическими правовыми государствами, гарантирующими соблюдение конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве, показало, что выходом из создавшейся ситуации могло бы стать разделение полномочий судьи при рассмотрении уголовно-процессуальных споров при возбуждении и расследовании уголовных дел и уголовно-правового спора о виновности в суде первой инстанции.

Не поддерживая инициативу о наделении судей следственными полномочиями (по аналогии с полномочиями судебных следователей в дореволюционной России), стоит признать, что предлагаемый нами институт станет новым для отечественного уголовно-процессуального права. Сравнительно-правовое исследование показало, что большинство зарубежных государств, закрепивших следственных судей в своих уголовно-процессуальных законах, по сути не отделили их от судей, рассматривающих уголовные дела по существу, а вменили последним дополнительные обязанности по осуществлению судебного контроля, санкционирования оперативно-розыскных мероприятий и депонирования судебных доказательств. Такая модель аналогична российской модели, где судья, хотя и не назван следственным судьей, но выполняет схожую с ним функцию. Но если в небольших государствах данная модель их устраивает, то в России она не выполняет свою миссию и дает сбой, выражающиеся в том числе в удовлетворении ходатайств (100%) дознавателя и следователя и в отказах в принятии к рассмотрению жалоб (80%) от невластных участников уголовного процесса. Не замечать

данный факт было бы ошибкой, тем более что границы деятельности суда в досудебном производстве предлагается постепенно раздвигать.

Принимая во внимание, что наша страна претендует на лидирующие позиции в свете защиты прав граждан, интересов государства и общества в уголовном процессе, полагаем, что, несмотря на наличие противоречивых научных взглядов на правовую природу деятельности следственных судей, опасений попадания в этом случае следственной деятельности под контроль судебной власти, смешение понятий «следственный судья» и «судебный следователь» и другие факторы, тормозящие реализацию положений Концепции судебной реформы (1991 г.) в данной части, выбор оптимального механизма судебной защиты прав граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел зависит, прежде всего, от правильного понимания предмета и одержания предупредительного, обеспечительного и восстановительного судебного контроля, а также от достижения согласия по основным вопросам между научным сообществом, законодателем, органами расследования и прокуратуры, судьями и другими участниками уголовно-процессуальной деятельности по ключевым теоретическим вопросам, касающимся реформирования начального этапа уголовного судопроизводства.

На сегодняшний день игнорировать объективно существующую потребность разграничения судебной деятельности по отправлению правосудия в судебных стадиях уголовного процесса от судебной деятельности в стадиях возбуждения и расследования уголовных дел было бы неверным и даже вредным, влекущим стагнацию института судебного контроля.

С учетом положительных результатов развития института следственных судей в Республике Казахстан, отечественного опыта, архитектуры нынешнего начального этапа уголовного судопроизводства и национальных особенностей российского уголовного процесса, где важную роль в механизме осуществления уголовного преследования играет прокурор, предлагаем в ближайшей перспективе рассмотреть в научном плане следующие вопросы:

- 1) о создании института следственных судей как самостоятельного судебного органа, отделенного от судов как в судоустройственном, так и уголовно-процессуальных аспектах;

- 2) о закреплении за следственными судьями полномочий по осуществлению предупредительного, ограничительного и восстановительного судебного контроля по ходатайствам дознавателя и следователя, поддержанным прокурором, а также санкционирование ОРМ;

- 3) о дополнении вида решений, принимаемых следственным судьей по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, решением об отказе в приеме жалоб, поскольку фактически судьи достаточно часто (в 80% случаев) принимают такое решение, маскируя его под решение о возвращении жалобы, о прекращении производства по жалобе и др.;

- 4) о сужении предмета судебного обжалования в рамках восстановительного судебного контроля, ограничив его только жалобами о нарушении прав, рассмотренных руководителем следственного органа и прокурором (при

несогласии с принятыми ими решениями), а также о несогласии с действиями (бездействием) дознавателя, следователя и прокурора в рамках исполнения/неисполнения ими императивных уголовно-процессуальных норм;

5) о распространении положений, закрепленных в главах 33–39 УПК РФ, на судебные процедуры в досудебном производстве;

6) о разработке механизма исполнения судебных решений по жалобам;

7) о проработке вопросов о целесообразности надления следственных судей новым полномочием по депонированию доказательств.

В целях объективного сокращения количества жалоб на действия (бездействие) и решения органов расследования и прокурора, поступающих к судье, следует повысить эффективность прокурорского надзора за законностью производства при возбуждении и расследовании уголовных дел, что в полной мере будет соответствовать Конституции РФ, повысившей роль прокурора в уголовном производстве России.

Заключение

Всестороннее обсуждение и научная проработка поставленных вопросов позволят поэтапно создать новую

организационную модель следственных судей, способных в силу своей независимости и процессуальной самостоятельности обеспечить действенную защиту конституционных прав граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел, а также обеспечить доступ граждан к правосудию для рассмотрения по существу уголовно-правового спора о виновности и гражданско-правового спора о возмещении ущерба, причиненного преступлением, в суде первой инстанции.

Однако следует признать, что достижение поставленной цели, к чему, безусловно, нужно стремиться, произойдет не сразу. Поэтому в качестве промежуточного варианта полагаем возможным установить законодательное предписание на запрет рассматривать уголовное дело по существу уголовно-правового спора о виновности суду, если входящий в его состав судья ранее рассматривал какие-либо споры по ходатайствам и жалобам при возбуждении и расследовании уголовных дел. Как показала судебная практика, осуществить разделение судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства (при возбуждении и расследовании уголовных дел) от иных видов судебной деятельности на организационном уровне без законодательного закрепления не удалось.

Список источников

- Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. 331 с.
- Законопроект № 827872-8 «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/827872-8> (дата обращения: 22.08.2025).
- Трунов А.П. Преодоление обвинительного уклона российского правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6. С. 122–132.
- Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию при возбуждении и расследовании уголовных дел // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 47–53.
- Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. 25 февраля. URL: <https://www.iauj.net/node/1723> (дата обращения: 22.08.2025).
- Ковтун Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5. С. 15–20.
- Моршакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. Международная ассоциация содействия правосудию. 2015. 18 февраля. URL: <https://www.president-sovet.ru/upload/iblock/86a/18r37timkb43yhwzbsjnpbedm67jvy.pdf> (дата обращения: 22.08.2025).
- Рябинина Т.К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200–213.
- Химичев М.В. Судебный следователь и следственный судья как взаимодополняющие институты : отечественный и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 26–29.
- Головки Л.В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 319–324.
- Белоносов В.О. Следственный судья по УПК Франции // Правовое государство : теория и практика. 2024. № 1. С. 8–17. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033551641/2025-07-30 (дата обращения: 22.08.2025).
- Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. М. : Городец, 2023. С. 159–178. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/245EG3T2CEDIT74EF6HIP4YDG5FTXA1> (дата обращения: 22.08.2025).
- Судебная система Латвийской Республики состоит из районных (городских) судов, окружных судов и Верховного Суда; статьи 32, 33, 40 Закона Латвийской Республики от 15.12.1992 «О судебной системе». URL: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/Zakon-Latvii-o-sudebnoj-vlasti-ru.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
- Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М. : Проспект, 2018. 660 с.
- Официальный сайт Государственного Суда Эстонской Республики. URL: <https://www.riigikohus.ee/ru/sudebnaya-sistema-estonii> (дата обращения: 22.08.2025).
- Иманкулов Т.И. Следственный судья в Кыргызской Республике как геополитический проект по сохранению институционального правового контроля за постсоветскими странами, подмены прокурорского надзора за следствием, противоречия конституционным основам построения уголовного процесса в Кыргызской Республике // Бюллетень науки и практики. 2024. № 2. С. 463–483.
- Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 115–121.

References

- Kovtun, N.N. (2002) *Sudebnyy kontrol' v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii* [Judicial Control in Russian Criminal Proceedings]. Nizhnyy Novgorod: [s.n.].
- Russian Federation. (n.d.) *Zakonoproekt № 827872-8, O vnesenii izmeneniy v stat'yu 18 Federal'nogo zakona ot 15 iyulya 1995 g. № 103-FZ "O soderzhanii pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy"* [Draft Law No. 827872-8, On Amending Article 18 of the Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995, "On Detention of Suspects and Accused of Crimes"]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/827872-8> (Accessed: 22nd August 2025).

3. Trunov, A.P. (2022) Preodolenie obvinitel'nogo uklona rossiyskogo pravosudiya [Overcoming the Accusatorial Bias of Russian Justice]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 17 (6). pp. 122–132.
4. Maslennikova, L.N. & Sushina, T.E. (2020) Current Problems of Ensuring Access to Justice by the Court in the Initiation and Investigation of Criminal Cases. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 15. pp. 47–53. (In Russian).
5. Smirnov, A.V. (2015) *Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudey v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Revival of the Institution of Investigative Judges in Russian Criminal Procedure]. [Online] Available from: <https://www.iaaj.net/node/1723> (Accessed: 22nd August 2025).
6. Kovtun, N.N. (2010) O ponyatii i soderzhanii termina "sudebnyy sledovatel'" (sledstvennyy sud'ya) [On the Concept and Content of the Term "Judicial Investigator" (Investigative Judge)]. *Rossiyskiy sud'ya*. 5. pp. 15–20.
7. Morshchakova, T.G. (2015) *O kompetentsii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennykh sudey v Rossiyskoy Federatsii* [On the Competence and Procedure for Forming the Institution of Investigative Judges in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.president-sovet.ru/upload/iblock/86a/18r37timkb43yhwrbjnsjpbedm67jvy.pdf> (Accessed: 22nd August 2025).
8. Ryabinina, T.K. (2017) Neobkhodim li rossiyskomu ugolovnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i [Does the Russian Criminal Process Need the Institution of an Investigative Judge?]. *Lex Russica*. 12 (133). pp. 200–213.
9. Khimichev, M.V. (2022) Sudebnyy sledovatel' i sledstvennyy sud'ya kak vzaimodopolnyayushchie instituty: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Judicial Investigator and Investigative Judge as Complementary Institutions: Domestic and Foreign Experience]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2. pp. 26–29.
10. Golovko, L.V. (2016) Sledstvennye sud'i ili ocherednoy raund "amerikanizatsii" rossiyskogo ugolovnogo protsesssa [Investigative Judges or Another Round of "Americanization" of the Russian Criminal Process]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Apparat vlasti sledstvennoy* [Apparatus of Investigative Power]. Moscow: Yurlitinform. pp. 319–324.
11. Belonosov, V.O. (2024) Sledstvennyy sud'ya po UPK Frantsii [Investigative Judge Under the French Code of Criminal Procedure]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 1. pp. 8–17. [Online] Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033551641/2025-07-30 (Accessed: 22nd August 2025).
12. Kononov, S.G. (2023) *Postsovetskie reformy dosudebnogo proizvodstva v svete germanskikh protsessual'nykh institutov* [Post-Soviet Reforms of Pre-Trial Proceedings in the Light of German Procedural Institutions]. Moscow: Gorodets, pp. 159–178. [Online] Available from: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/245EG3T12CEDIT74EF6HIP4YDG5FTXAI> (Accessed: 22nd August 2025).
13. The Republic of Latvia. (1992) *Sudebnaya sistema Latvyskoy Respubliki состоit iz rayonnykh (gorodskikh) sudov, okruzhnykh sudov i Verkhovnogo Suda; stat'i 32, 33, 40 Zakona Latvyskoy Respubliki ot 15.12.1992 "O sudebnoy sisteme"* [The Judicial System of the Republic of Latvia Consists of District (City) Courts, Regional Courts and the Supreme Court; Articles 32, 33, 40 of the Law of the Republic of Latvia "On the Judicial System" dated 15.12.1992]. [Online] Available from: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/Zakon-Latvii-o-sudebnoj-vlasti-ru.pdf> (Accessed: 12th October 2025).
14. Samarin, V.I. & Lutsik, V.V. (eds) (2018) *Ugolovnyy protsess evropeyskikh gosudarstv* [Criminal Procedure of European States]. Moscow: Prospekt.
15. *The Official Website of the State Court of the Republic of Estonia* (n.d.) [Online] Available from: <https://www.riigikohus.ee/ru/sudebnaya-sistema-estonii> (Accessed: 22nd August 2025).
16. Imankulov, T.I. (2024) Sledstvennyy sud'ya v Kyrgyzskoy Respublike kak geopoliticheskiy proekt po sokhraneniyu institutsional'nogo pravovogo kontrolya za postsovetskimi stranami, podmeny prokurorskogo nadzora za sledstviem, protivorechiya konstitutsionnym osnovam postroeniya ugolovnogo protsesssa v Kyrgyzskoy Respublike [The Investigative Judge in the Kyrgyz Republic as a Geopolitical Project to Preserve Institutional Legal Control over Post-Soviet Countries, Substitution of Prosecutorial Supervision over Investigation, Contradictions to the Constitutional Foundations of Building Criminal Procedure in the Kyrgyz Republic]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 2. pp. 463–483.
17. Terekhov, A.Yu. & Latypov, V.S. (2021) Neobkhodimost' deponirovaniya pokazaniy svideley i poterpevshikh po slozhnym ugolovnym delam [The Need for Depositing Testimonies of Witnesses and Victims in Complex Criminal Cases]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 12 (1). pp. 115–121.

Информация об авторах:

Масленникова Л.Н. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва, Россия). E-mail: lnm1954@yandex.ru

Сушина Т.Е. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва, Россия). E-mail: suschin2011@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.N. Maslennikova, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lnm1954@yandex.ru

T.E. Sushina, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: suschin2011@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/26/16

ДЕМОКРАТИЗМ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
АКТУАЛЬНОСТЬ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. В статье обозначаются причины исследовательской и практической значимости принципа демократизма. Раскрывается юридическая природа данного принципа. Установлено, что он является конституционным сложным принципом-законоположением регулятивного характера, имеет частичное отношение к общегосударственной сфере. Приводятся три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма. Делается вывод о том, что существуют значительные резервы для оптимизации действия идей демократизма в уголовно-исполнительных отношениях.

Ключевые слова: гласность, клиентоцентричность, общественный контроль, осужденный, самодеятельная организация

Для цитирования: Тепляшин П.В. Демократизм как принцип уголовно-исполнительного законодательства: актуальность, юридическая природа, основные постулаты // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 96–101. doi: 10.17223/23088451/26/16

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/16

DEMOCRATISM AS A PRINCIPLE OF PENAL LEGISLATION:
RELEVANCE, LEGAL NATURE, FUNDAMENTAL POSTULATES

Pavel V. Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russian Federation, pavlushat@mail.ru

Abstract. The article posits that the ideas enshrined in Article 8 of the Penal Code of the Russian Federation create a solid foundation for the entire penal mechanism of legal regulation of relevant social relations and shape the conceptual trajectory for the development of the penal policy of the Russian Federation. The reasons for the research and practical significance of the principle of democratism are outlined. The first reason is the highly ambiguous understanding of the principle of democratism within the scholarly community. The second reason lies in its rather imprecise linguistic-legal content. The third consists in its socially consolidating nature. The final reason is expressed in the fact that the idea under consideration is based on the fundamental socio-legal principles of transparency and openness, and refers to complex scientific-theoretical categories. The legal nature of this principle is revealed. The idea of democratism is a constitutional complex principle-legal provision of a regulatory nature and is partially related to the nationwide sphere. Three fundamental postulates forming the basis for understanding the principle of democratism are presented: 1) it is necessary to distinguish between the external and internal aspects of the manifestation of the principle of democratism; 2) it is highly sensitive to transformations in the surrounding social reality and its content is subject to constant change; 3) its implementation is associated with a shift from the retributive properties of criminal punishment to the consequentialist foundations of penal correctional influence and communicative mechanisms for the treatment of convicts. It is concluded that there are significant reserves for optimizing the application of the ideas of democratism in penal relations.

Keywords: transparency, client-centricity, public oversight, convict, self-governing organization

For citation: Teplyashin, P.V. (2025) Democratism as a principle of penal legislation: Relevance, legal nature, fundamental postulates. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 97–102. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/16

Процесс развития уголовно-исполнительного законодательства претерпевает давление со стороны двух основных факторов. Первый заключается в гуманизации процесса исполнения и отбывания наказаний. Так, в

качестве одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция) выступает гуманизация условий отбывания наказаний. Данный фактор

«стягивает» на себя смежные социально-правовые явления, к которым можно отнести, в частности, повышение уровня юридической защищенности и информированности лиц, содержащихся под стражей, и осужденных, их ресоциализацию и социальную реабилитацию как во время отбывания наказания, так и после освобождения от него. Второй фактор состоит в повышении безопасности как лиц, отбывающих уголовное наказание, так и общества, что предполагает, в частности, усиление отдельных сторон профилактического воздействия на осужденных посредством надзора, расширения практики контроля с применением аудиовизуальных, электронных и иных высокотехнологичных средств, повышение императивности при обращении с лицами, совершившими преступления террористической и экстремистской направленности. В этих условиях уголовно-исполнительное законодательство испытывает некую турбулентность своего развития и, что крайне важно, реализации. Думается, что важнейшими правовыми стабилизаторами, обеспечивающими устойчивое достижение целей и решение задач, закрепленных в ст. 1 УИК РФ, выступают принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Идеи, зафиксированные в ст. 8 УИК РФ, создают прочную основу для всего уголовно-исполнительного механизма правового регулирования соответствующих общественных отношений, формируют общий замысел и концептуальную траекторию развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Особую значимость имеют так называемые конституционные или, иначе, общеправовые принципы, среди которых отдельного внимания заслуживает идея демократизма. Акцентирование внимания на принципе демократизма можно объяснить рядом следующих причин.

Во-первых, научной общественностью неоднозначно и крайне дискуссионно воспринимается принцип демократизма. Так, Е.В. Лунгу не без основания постулирует: «Реализация принципа демократизма является самым спорным в уголовно-исполнительных отношениях» [1. С. 103]. Отчасти можно согласиться с тем, что содержание данного принципа имеет достаточно зыбкие «сцепки» с уголовно-исполнительными отношениями. По этому поводу небезынтересна позиция Кристофера Берка (Christopher D. Berk), который пишет: «Участие общественности и пенальная политика обычно противопоставляются друг другу. Институты и моральные принципы, которые демократии используют для реагирования на нарушения закона, похоже, только усугубляют ситуацию... Столкнувшись с криминалом, реакция народа редко бывает взвешенной» [2. Р. 67]. По его мнению, «общественность склонна к мести, которая [месть] подрывает разумное и справедливое применение наказания» [2. Р. 69]. Действительно, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения в феврале 2025 г. представил результаты опроса общественного мнения относительно применения смертной казни, которые показали, что применение смертной казни является значимым для квалифицированного большинства (73%) граждан Российской Федерации. Вместе с тем недопустимо апеллировать к обобщенному

мнению населения, поскольку реализация принципа демократизма предполагает определенный уровень квалификации или соответствующую подготовленность (в частности, опыт работы в области защиты прав граждан для членов общественных наблюдательных комиссий) лиц, принимающих участие в деятельности уголовно-исполнительной системы по обеспечению задач уголовно-исполнительного законодательства.

Как представляется, наполняющие данный принцип идеи, на первый взгляд, расходятся с реализацией преимущественно императивных начал при исполнении уголовных наказаний. Однако именно принцип демократизма имеет значительные резервы для широкой грядущей реализации. Ведь уголовно-исполнительные отношения подвержены ощутимой трансформации, что и создает объективные предпосылки в динамичном сближении идейного поля рассматриваемого принципа с социальным назначением практики исполнения уголовных наказаний.

Во-вторых, среди всех общеправовых принципов именно идея демократизма имеет крайне рыхлое лингвистическое (лингво-юридическое) понимание. Так, слово, обозначающее данный принцип, не позволяет понять – в чем действительно заключается его смысл. Требуется глубокая интерпретация данной идеи. При этом нельзя не подчеркнуть и то обстоятельство, что принципы уголовно-исполнительного (в отличие, например, от уголовного, уголовно-процессуального) законодательства не раскрываются, а лишь перечисляются в соответствующей уголовно-правовой норме.

Во-третьих, данный принцип обладает системообразующим характером, поскольку именно он, обеспечивая прозрачность деятельности уголовно-исполнительной системы и способствуя ее социальной направленности, «втягивает» в этот процесс широкий спектр государственных органов, общественных объединений, институтов гражданского общества, консолидирует их работу в направлении достижения целей уголовного наказания. Кроме того, идея демократизма создает такую модель общественных отношений, в рамках которых еще более повышается значимость остальных принципов – в первую очередь законности, гуманизма, равенства осужденных перед законом.

В-четвертых, содержание принципа демократизма проистекает к сложным научно-теоретическим категориям (в частности, «общественный контроль», «институт гражданского общества») и терминам (например, «транспарентность»), которые используются для раскрытия смысла и действительного содержательного наполнения данной идеи. Более того, демократизм базируется на более фундаментальных социально-правовых принципах, к которым допустимо относить гласность и открытость. Как справедливо подчеркивает В.Н. Смольянинов, рассматриваемая идея «интегрирует в себе фундаментальные общеправовые принципы гласности и открытости» [3. С. 111]. В свою очередь А.М. Репьева верно констатирует, что «демократизм... общеправовой принцип, обладающий качеством универсальности и пронизывающий все отрасли правового знания» [4. С. 114].

Научно-теоретический интерес представляет определение юридической природы принципа демократизма. Так, данная идея заключена в норму-принцип учредительного характера, т.е. она отражает волю государства в моделировании соответствующих общественных отношений. Однако моделируемые общественные отношения, по замыслу законодателя, должны строиться не столько на императивных началах, сколько на диспозитивных, предполагать варианты поведения всех участников этих отношений. Взаимодействие между государством и осужденным должно строиться на клиентоцентричности, процедурах восстановления и моделях медиации. Следовательно, рассматриваемый принцип запускает действие не столько императивных норм, сколько диспозитивных. Хотя принцип демократизма является специально-юридической и формально-определенной правовой установкой, но его действие предполагает широкое социальное усмотрение в оказании помощи осужденным по их ресоциализации и интеграции в общество, значительный диапазон средств и форм контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы и иных подобных инструментов. Кроме того, нельзя не отметить, что нормы, обеспечивающие реализацию анализируемого принципа, могут быть как описательными, так и казуистичными. Ведь мера конкретизации реальных обстоятельств, которые закрепляются в норме, должна обладать, с одной стороны, предельно конкретным и точным характером, а с другой – включать все возможные меры, способы и формы действий субъектов, фактически реализующих принцип демократизма. В этом состоит правовая quintessence принципа демократизма.

Исходя из существования различных группировок правовых принципов, допустимо продемонстрировать юридическую сущность принципа демократизма посредством установления его классификационной принадлежности. Так, достаточно актуальной и по настоящее время является классификация, предложенная И.А. Сперанским, который, используя организационно-правовую критерий, ввел категорию принципов деятельности органов, исполняющих наказания. Соответственно, принципы отражали руководящие положения трех сфер: общегосударственной, в преломлении отраслевых начал и специальной для отдельных органов [5. С. 13]. Несмотря на то, что данная классификация за её внутреннюю противоречивость подвергается критике [6. С. 11], видится возможным принцип демократизма относить частично к общегосударственной сфере, но в преломлении отраслевых свойств данной идеи. Ведь уголовно-исполнительные регуляторы пересекаются с большинством норм различных отраслей права – трудового, права социального обеспечения, уголовно-процессуального и многих иных. При этом практически нет общественных отношений, которые не затрагивались (в ретроспективном аспекте) или в настоящее время находятся в стороне от области исполнения уголовных наказаний или применения иных мер уголовно-правового характера. Причем объем пересечений этих отношений с уголовно-исполнительными (исправительно-трудовыми) отношениями в различные исторические пери-

оды то расширяется (например, в условиях существования ГУЛАГа), то сжимается (в частности, в первые два десятилетия XXI столетия).

Нельзя обойти вниманием классификацию, предложенную В.Д. Филимоновым, в рамках которой используется такой критерий, как объем содержащихся в соответствующей идее нормативных требований, позволяющий выделить простые и сложные (составные) принципы [7. С. 35-37]. Соответственно, принцип демократизма следует идентифицировать как сложный, поскольку он содержит далеко не единичные нормативные требования к соответствующим участникам общественных отношений. Фактически принцип демократизма реализуется посредством нормативных установлений не только УИК РФ, но и ряда иных нормативных правовых актов, например: Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (регулирует общественные отношения, возникающие в сфере реализации мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц), Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (устанавливает правовые основы участия общественных объединений, ассоциаций (союзов), фондов, автономных некоммерческих организаций в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, к которым в том числе относятся учреждения, исполняющие соответствующие виды уголовных наказаний).

В зависимости от степени нормативной закреплённости Н.С. Малеев предлагает выделять принципы-нормы, обладающие максимальной нормативной силой, и принципы-законоположения, которые применяются преимущественно в системной связи с иными юридическими регуляторами. Первые из них проистекают из нормативного закрепления в конституционных положениях и(или) нормах федерального законодательства, тогда как вторые не обладают таким качеством либо имеют формальное закрепление в законе без четких и конкретных правил поведения [8. С. 12–15]. Как представляется, принципы-законоположения предполагают открытый перечень юридических установлений, отличаются значительным динамизмом и трансформируются под влиянием как социально-экономических, идеологических и иных условий, так и правовой доктрины. Обозначенные свойства принципов-законоположений с полной уверенностью позволяют отнести к ним идею демократизма, которая не находит прямого закрепления в Конституции Российской Федерации, а выражающие её нормативные установления «разбросаны» по разнообразным правовым актам.

Сложно обойти вниманием классификацию принципов, предложенную А.Л. Захаровым, который на основании их назначения и регулятивных возможностей выделяет принципы регулятивного и охранительного права. Первые закрепляют модели правомерного поведения участников соответствующих общественных отношений, тогда как вторые направлены на упрочение механизмов защиты прав и свобод личности [9. С. 12]. Научная интерпретация обозначенной классификации позволяет констатировать, что принцип демократизма является регулятивным, поскольку он предполагает активизацию механизмов социально-правовых инициатив граждан в уголовно-исполнительных отношениях, открытости (транспарентности) и гласности функционирования уголовно-исполнительной системы, признания осужденного не только объектом, но и субъектом исправительно-профилактического воздействия. Безусловно, элементы охранительной направленности можно обнаружить в части защиты прав, свобод и законных интересов осужденных через работу указанных выше механизмов, но они носят вторичный характер по отношению к регулятивному назначению принципа демократизма.

Представленные методологические предпосылки дают возможность изложить три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма.

I. Термин «демократизм» является производным от понятия «демократия», квинтэссенция которого сводится к равному участию лиц в принятии каких-либо решений. Применительно к деятельности государства речь идет о народовласти. Как отмечает Н.А. Макарова, идея демократизма «предполагает реализацию уголовного наказания от имени большинства общества и под его контролем» [10. С. 12]. Однако такое суждение носит достаточно зауженный характер и отражает только условно внешнюю сторону принципа демократизма. Ведь «большинство членов общества» не являются осужденными, поэтому принцип демократизма в такой трактовке обходит лиц, отбывающих уголовное наказание. Это создает странную ситуацию, когда действие принципа не распространяется на осужденного, который является обязательным участником уголовно-исполнительных отношений. Необходимо утверждать действие исследуемой идеи и по отношению к осужденному, что отражает условно внутреннюю сторону принципа демократизма.

II. Рассматриваемый принцип достаточно чувствителен к преобразованиям в окружающей социальной действительности, и его содержание подвержено постоянной трансформации. Так, применительно к любому правовому принципу М.М. Бринчук верно отмечает, что «формируются принципы под воздействием тех конкретно-исторических условий, в которых действует право, они отражают определенный уровень экономического, идеологического, нравственного состояния общества» [11. С. 5]. Принцип демократизма продолжает формироваться, поэтому он имеет различное толкование как раз в силу весьма существенной динамики своего эволюционирования. Например, объем концептуальных положений, фактически наполняющих содержа-

ние принципа демократизма, расширился за счет введения в уголовно-исполнительные отношения клиентоцентричности в обращении с осужденными. Так, закрепляет реализацию «клиентоцентричного подхода» Концепция (раздел VII) и продолжает развивать Концепция внедрения принципов клиентоцентричности в Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденная директором ФСИН России 12 сентября 2022 года. Данный подход является частным случаем материализации идей, заложенных в принцип демократизма и отражающих закономерности развития уголовно-исполнительных отношений, сущность и социальное назначение уголовно-исполнительного права. Клиентоцентричный подход указывает на постепенное движение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по пути так называемого «дружественного» отношения к осужденному, на расширение моделей взаимодействия с лицом, отбывающим уголовное наказание, практическое воплощение категории «персонал» администрации учреждений, исполняющих наказания.

Вместе с тем допустимо отметить, что существуют значительные резервы для оптимизации правовых установлений в направлении проникновения идей демократизма в уголовно-исполнительные отношения. Так, необходимо поддержать В.А. Уткина, справедливо указывающего, что «действующее уголовно-исполнительное законодательство с момента его принятия грешит декларативностью, хотя среди его принципов в ст. 8 УИК РФ упомянут «демократизм», а в числе основных средств исправления – «общественное воздействие (ст. 9)»» [12. С. 211–212].

Некоторые решения, которые принимаются законодателем, фактически расходятся с замыслом, заложенным в содержание принципа демократизма. Например, на основании Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» утратила силу ст. 111 УИК РФ, которая предусматривала функционирование самостоятельных организаций осужденных к лишению свободы. Данное решение выступило ответной реакцией на систематические нарушения дисциплины и порядка исправительных учреждений. Однако можно было бы откорректировать содержание нормативных положений, содержащихся в обозначенной статье. В этой связи сложно не согласиться с Е.О. Сиряковой, предлагающей «вернуть в УИК РФ данную норму в виде ст. 111 «Самостоятельные организации осужденных» в отмененной редакции, исключив из ч. 3 задачу содействия администрации исправительных учреждений в поддержании дисциплины и порядка, формировании социально-позитивных отношений между осужденными» [13. С. 156].

III. Принцип демократизма допустимо связывать с постепенным переходом от карательного характера уголовной политики, квинтэссенция которого состоит в ретрибутивистских свойствах уголовного наказания, к консеквенциалистским началам правового воздействия и коммуникативным качествам процесса обращения с

осужденными. Здесь можно говорить о культурологическом постулате, также лежащем в основе понимания принципа демократизма. Так, последовательное приобретение отечественной пенитенциарной системой коммуникативного содержания стало выражаться в том, что осужденный перестал быть объектом исключительно негативной оценки в силу совершенного им общественно опасного деяния, но стал участником диалога между ним и персоналом исправительного учреждения. Такой диалог направлен на формирование культурологического и человеческого равенства между ними, взаимопонимания важности, направлений и средств исправления, преодоления «боли» (в контексте воззрений Нильса Кристи) и ресоциализации. Идея демократизма развивает такое концептуальное явление, как «моральный диалог» представителей государства с осужденным, что позволяет запускать механизм его участия в принятии некоторых фактически управленческих решений (например, должно быть согласие осужденного, отбывающего лишение свободы в исправительной колонии строгого или общего режима, на его перевод в колонию-поселение), касающихся порядка и условий исполнения наказания, а также иных аспектов функционирования пенитенциарного учреждения. Более того, реализация концепции «морального диалога» уменьшает так называемую социальную дистанцию между персоналом исправительного учреждения и осужденным, что также является выражением принципа демократизма. Причем формально-юридический характер исследуемого принципа обеспечивает должный правопорядок в пенитенциарном учреждении, в том числе со стороны его персонала. В этой связи уместно привести мнение Горзда Мешко (Gorzd Meško) и Рока Хачина (Rok Hacin), которые пишут: «...восприятие тюремных работников заключенными как законных носителей власти положительно влияет на сокращение социальной дистанции между ними, поскольку легитимность простирается из

приемлемости носителей власти, соответствующего отношения и отношений с получателями, а также справедливого обращения с получателями» [14. С. 709]. Концепция «морального диалога» находится в одном русле с клиентоцентричным подходом в обращении с осужденным, фактически подчеркивает «клиентские» качества лица, отбывающего уголовное наказание, его способность искупить вину и оправдать доверие общества к возможности его исправления. Итоги такого коммуникативного «диалога» показывают перспективы снижения уровня возмездных притязаний государства к осужденному и повышения инклюзивной атмосферы исполнения уголовного наказания.

Изложенный материал позволяет сформулировать ряд следующих обобщающих тезисов. Высокая исследовательская ценность и социально-правовая значимость принципа демократизма объясняется его крайне неоднозначным восприятием научной общественностью, достаточной рыхлым лингво-юридическим содержанием, социально консолидирующим характером, базируется на фундаментальных социально-правовых принципах гласности и открытости и отсылает к сложным научно-теоретическим категориям. Идея демократизма является конституционным сложным принципом-законоположением регулятивного характера и имеет частичное отношение к общегосударственной сфере. Допустимо обозначить три базовых постулата, создающих основу для понимания принципа демократизма: 1) следует выделять внешнюю и внутреннюю стороны проявления принципа демократизма; 2) он весьма чувствителен к преобразованиям в окружающей социальной действительности; его содержание подвержено постоянной трансформации; 3) его реализация сопряжена с переходом от действия ретрибутивистских свойств уголовного наказания к консеквенциалистским началам уголовно-исполнительного воздействия и коммуникативным механизмам обращения с осужденными.

Список источников

1. Лунгу Е.В. Конституционные принципы законности, гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительных отношениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 101–104.
2. Berk C.D. Must Penal Law Be Insulated from Public Influence? // Law and Philosophy. 2021. Vol. 40, Is. 1. P. 67–87.
3. Смольянинов В.Н. Принцип демократизма в уголовно-исполнительном праве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4. С. 109–117.
4. Репьева А.М. Принцип демократизма в воспитательных колониях: содержательный аспект и проблемы реализации // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1. С. 112–115.
5. Сперанский И.А. Принципы советского исправительно-трудового права и их закрепление в основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. 31 с.
6. Чубраков С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / науч. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2015. 126 с.
7. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 138 с.
8. Малейн Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12–18.
9. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казан. гос. ун-т, 2003. 31 с.
10. Макарова Н.А. К вопросу о содержании и значении принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 10–13.
11. Бринчук М.М. Принципы экологического права. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с.
12. Уткин В.А. О «человеческом измерении» в уголовно-исполнительной политике // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 210–213.

13. Сирякова Е.О. Реализация общеправовых принципов в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1–4), № 2. С. 152–159.
14. Meško G., Hacin R. Social Distance Between Prisoners and Prison Staff // The Prison Journal. 2019. Vol. 99, Is. 6. P. 706–724.

References

- Lungu, E.V. (2017) [Constitutional Principles of Legality, Humanism and Democratism in Penal Enforcement Relations]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki* [The Penal System Today: Interaction of Science and Practice]. Proceedings of the All-Russian Conference]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 101–104. (In Russian).
- Berk, C.D. (2021) Must Penal Law Be Insulated from Public Influence? *Law and Philosophy*. 40 (1). pp. 67–87.
- Smol'yaninov, V.N. (2024) Printsip demokratizma v ugolovno-ispolnitel'nom prave [The Principle of Democratism in Penal Enforcement Law]. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 109–117.
- Rep'eva, A.M. (2017) Printsip demokratizma v vospitatel'nykh koloniyakh: soderzhatel'nyi aspekt i problemy realizatsii [The Principle of Democratism in Juvenile Colonies: Content Aspect and Implementation Problems]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik*. 1. pp. 112–115.
- Speranskiy, I.A. (1970) *Printsipy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava i ikh zakreplenie v osnovakh ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik* [Principles of Soviet Corrective Labour Law and Their Consolidation in the Fundamentals of Corrective Labour Legislation of the USSR and the Union Republics]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
- Chubakov, S.V. (2015) *Problema printsipov v ugolovno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [The Problem of Principles in Penal Enforcement Law: History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
- Filimonov, V.D. (2002) *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow: Tsentr YurInfoR
- Malein, N.S. (1996) *Pravovye printsipy, normy i sudebnaya praktika* [Legal Principles, Norms and Judicial Practice]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 12–18.
- Zakharov, A.L. (2003) *Mezhotraslevye printsipy prava* [Inter-Branch Principles of Law]. :Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
- Makarova, N.A. (2024) [On the Content and Significance of the Principle of Democratism in Penal Enforcement Law]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess* [The Penal System: Legislation, Policy, Process]. Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Dedicated to the 30th Anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dedicated to the Memory of the Russian Penitentiary Scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 10–13. (In Russian).
- Brinchuk, M.M. (2013) *Printsipy ekologicheskogo prava* [Principles of Environmental Law]. Moscow: YurLitinform.
- Utkin, V.A. (2024) [On the "Human Dimension" in Penal Enforcement Policy]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess* [The Penal System: Legislation, Policy, Process]. Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Dedicated to the 30th Anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Dedicated to the Memory of the Russian Penitentiary Scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 210–213. (In Russian).
- Siryakova, E.O. (2022) Realizatsiya obshchepравovykh printsipov v otechestvennom ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [Implementation of General Legal Principles in Russian Penal Enforcement Legislation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 17 (1–4), 2. pp. 152–159.
- Meško, G. & Hacin, R. (2019) Social Distance Between Prisoners and Prison Staff. *The Prison Journal*. 99 (6). pp. 706–724.

Информация об авторе:

Тепляшин П.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (Красноярск, Россия). E-mail: pavlushat@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Teplyashin, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/26/17

ТРУДОВЫЕ КОЛОНИИ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ МВД СССР ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1948–1957 гг.)

Евгения Сергеевна Чуканова¹

¹ *Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, upik2021@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые предпосылки создания и функционирования трудовых колоний с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних правонарушителей, осужденных в 1948–1957 гг. Анализируются причины их создания в контексте послевоенного роста подростковой преступности и правовых новелл уголовного законодательства, в частности Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Выявлены особенности правового регулирования и организационной структуры колоний, включая усиленный режим содержания, систему надзора и ограничения в сфере образовательной и трудовой деятельности подростков. Делается вывод о том, что трудовые колонии с особым режимом стали важным элементом советской пенитенциарной системы МВД СССР, а их упразднение в середине 1950-х гг. связано с началом реформирования уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, пенитенциарная система СССР, трудовые колонии с особым режимом, уголовно-исполнительная политика, перевоспитание

Для цитирования: Чуканова Е.С. Трудовые колонии с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних осужденных в пенитенциарной системе советского государства (1948–1957 гг.) // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 102–107. doi: 10.17223/23088451/25/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/17

THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS' SPECIAL-REGIME LABOR COLONIES FOR JUVENILE OFFENDERS IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE SOVIET STATE (1948–1957)

Evgenia S. Chukanova¹

¹ *Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, upik2021@mail.ru*

Abstract. Labor colonies with a special regime, which functioned from 1948 to 1957, constituted a specific institution within the Soviet punitive-rehabilitative system, combining elements of repressive impact and educational work. Their organization reflected the adaptation of the USSR's penal policy to new socio-legal conditions and represented an important stage in the development of the system for dealing with juvenile offenders. The analysis of the functioning of the USSR Ministry of Internal Affairs' labor colonies with a special regime for juvenile convicts in 1948–1957 demonstrates that their establishment was driven by the need to improve the penal system in the context of post-war increases in juvenile delinquency and an expanding contingent of young prisoners. These institutions enabled the segregation of the most dangerous and persistently disruptive convicts from the main body of adolescents, ensured strict control and supervision, and created conditions for implementing educational and labor programs. Their abolition in the mid-1950s was linked to the beginning of reforms in penal policy and a shift towards partial humanization of measures applied to juvenile offenders, aligning with the general trend of the "Thaw" in the social and legal spheres. A historiographic analysis of this institution allows for the conclusion regarding its significance for understanding the evolution of the Soviet penitentiary system and the specifics of implementing state policy towards adolescent offenders. The experience of labor colonies with a special regime illustrates the combination of repressive and rehabilitative mechanisms characteristic of the Soviet punitive-rehabilitative model and remains an important source for studying the patterns of development of penal practice in the USSR.

Keywords: juvenile offenders, penitentiary system of the USSR, labor colonies with a special regime, penal policy, re-education

For citation: Chukanova, E.S. (2025) The USSR Ministry of Internal Affairs' special-regime labor colonies for juvenile offenders in the penitentiary system of the Soviet state (1948–1957). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 102–107. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/17

В послевоенный период советское государство столкнулось с острой проблемой роста подростковой преступности, что было обусловлено как социально-экономическими трудностями, так и изменениями уголовного законодательства. Отмена смертной казни [1. С. 4-7] в стране резко обострила обстановку в местах лишения свободы; вследствие применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [2], «Об усилении охраны личной собственности граждан» [3] увеличилось число осуждённых, включая несовершеннолетних, что оказало дополнительное давление на существующую сеть трудовых колоний.

В сложившейся ситуации традиционные учреждения для несовершеннолетних осужденных демонстрировали ограниченную эффективность. Существующие колонии объединяли разнородный контингент, включавший как впервые осужденных, так и рецидивистов, что затрудняло реализацию воспитательных функций и повышало риск нарушений внутреннего режима. Эти обстоятельства определили необходимость поиска новых организационно-правовых форм воздействия на подростков-правонарушителей. Пытаясь улучшить общую обстановку в трудовых колониях для несовершеннолетних, руководство МВД СССР пошло по пути организации колоний нового типа, аналогичных колониям для взрослых осужденных, введенных в конце 1948 г. [4. С. 120–121].

Создание трудовых колоний с особым режимом являлось одним из решений данной проблемы и было обусловлено необходимостью изоляции наиболее опасных несовершеннолетних заключенных и систематических нарушителей режима от основной массы заключённых, усилением контроля и надзора для предотвращения побегов и проявлений организованной преступной активности внутри колонии, обеспечением дисциплины и порядка посредством введения строгого режима содержания и регламентации образовательной, трудовой и бытовой деятельности осужденных и повышением управляемости системы исполнения наказаний, учитывая увеличение численности несовершеннолетних заключенных.

Так, за 1949–1950 гг. были созданы следующие колонии с особым режимом. 31 октября 1949 г. приказом МВД СССР № 00103 [5] была организована Углицкая трудовая колония для осужденных несовершеннолетних МУЖСКОГО ПОЛА с особым режимом УМВД по Ярославской области» в помещении тюрьмы № 3 на 120 мест. Для размещения колонии предлагалось провести все необходимые подготовительные работы по ремонту и приспособлению помещений, оборудованию инвентарем, руководствуясь приказом № 001255 от 21 октября 1948 г. Все здания, сооружения, транспорт и материально-имущественные ценности тюрьмы необходимо было передать отделу УМВД по Ярославской области по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью безвозмездно. Офицерский и вольнонаемный состав тюрьмы, зарекомендовавший себя с положительной стороны, предлагалось передать для укомплектования колонии с особым режимом.

25 мая 1950 г. в соответствии с приказом МВД СССР № 00328 [6] в помещении бывшей тюрьмы № 4, в г.

Остроге Ровенской области Украинской ССР была организована Острожская трудовая колония для осужденных несовершеннолетних с особым режимом МВД Украинской ССР для мальчиков на 120 мест.

7 июля 1950 г. в соответствии с приказом МВД СССР № 0476 [7] в Земо-Авчальской трудовой колонии для осужденных несовершеннолетних МВД Грузинской ССР необходимо было организовать отделение с особым режимом на 100 мест. Для размещения указанного отделения предлагалось провести необходимые подготовительные работы по ремонту и приспособлению помещений, оборудованию инвентарем.

Трудовые колонии МВД с особым режимом являлись местом заключения для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за повторно совершенные особо опасные преступления, за преступления, совершенные в местах заключения, а также для осужденных несовершеннолетних, допустивших серьезные нарушения внутреннего режима в трудовых колониях МВД.

В трудовых колонии МВД с особым режимом направлялись несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет, осужденные к лишению свободы за:

- а) повторно совершенные преступления: контрреволюционные, бандитизм, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, грабеж и разбой;
- б) аналогичные преступления, совершенные в местах заключения;
- в) серьезные нарушения режима в трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних, дезорганизацию работы колоний.

Трудовые колонии с особым режимом осуществляли свою деятельность на основании Положения «О трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних» [8] и Приказом МВД СССР № 001255 от 21 октября 1948 г.

В трудовых колониях с особым режимом устанавливался усиленный надзор и строгий режим содержания осужденных несовершеннолетних, исключающий возможность уголовных проявлений. Порядок содержания осужденных несовершеннолетних в колониях с особым режимом устанавливается в соответствии в Положением о трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних со следующими дополнениями:

1. Система ограждения и охраны, положенная для трудовых колоний, усиливалась: ограждение должно было состоять из каменной стены или сплошного деревянного забора высотой не менее 3 метров, с козырьком из колючей проволоки; внутренняя предупредительная зона отделялась от территории колонии ограждением из колючей проволоки высотой 2 м; с наружной стороны ограждения выделялась внешняя запретная зона, в которой могли быть устроены кольцевые блок-посты сторожевых собак для усиления охраны в ночное время. Наружные и внутренние посты охраны, а также основные помещения колонии должны были быть оборудованы телефонной связью и сигнализацией.

2. Колония должна была иметь водопровод и достаточное электрическое освещение как в основных помещениях, так и на территории, а также дополнительный источник света на случай аварии. Общежития, карантинное помещение, лестничные клетки, коридоры и

уборные должны освещаться как в дневное, так и в ночное время. В спальнях после отбоя допускался уменьшенный свет.

3. Здания, предназначенные для размещения осужденных, должны быть, как правило, каменными, коридорной системы, внутренней распланировкой, обеспечивающей размещение несовершеннолетних отдельными группами по 50–100 человек в изолированных друг от друга секциях. Уборные и умывальные, по возможности, устраивались в каждой жилой секции. Лестничные клетки оборудовались междуэтажными сетками. Отопление, как правило, центральное, при печном отоплении топка устраивалась из коридора; зеркала печей, выходящие в комнаты, поднимались до потолка и заключались в железный кожух.

4. Жилые комнаты (спальни) должны быть вместимостью до 12–25 человек. Внутреннее оборудование жилой комнаты состояло из сварных металлических коек, наглухо прикрепленных к полу, одного стола, бачка для питьевой воды и необходимого количества табуреток. Мебель была деревянной, легкой конструкции.

5. Для карантинного помещения выделялась отдельная секция, имеющая комнаты вместимостью не более 10 человек в каждой. Осужденные по одному делу и прибывшие из одной трудовой колонии или тюрьмы размещались по разным комнатам карантина. При карантинной секции отводилось помещение под столовую. В карантине устанавливался круглосуточный пост надзирательной службы.

6. При окончании срока карантина осужденные переводились в отдельные жилые секции, причем осужденные по одному делу размещались в разных секциях; подростки в возрасте 14–15 лет, как правило, размещались в отдельных секциях.

Данные о количестве судимостей, сроках наказания и о характере преступлений, совершенных несовершеннолетними осужденными, содержащимися в Угличской и Белозерской детской трудовых колониях с особым режимом, свидетельствовали о том, что контингент несовершеннолетних осужденных состоял из запущенных в педагогическом отношении подростков, 80% из которых – рецидивисты, склонные к совершению новых преступлений [9. С. 35–36, 99–100].

Строгая изоляция осужденных несовершеннолетних в трудовых колониях с особым режимом была обусловлена несколькими ключевыми факторами, связанными с безопасностью, дисциплиной и воспитательной целью учреждения. Во-первых, среди контингента колонии находились подростки, совершившие особо опасные преступления или неоднократно нарушавшие режим, что повышало риск повторных преступлений и деструктивного влияния на других осужденных. Разделение на отдельные секции по группам 50–100 человек позволяло минимизировать контакты между рецидивистами и впервые осужденными, предотвращая формирование преступных сообществ и нарушение внутреннего порядка.

Во-вторых, усиление системы ограждений, установка каменных или сплошных деревянных заборов высотой не менее 3 метров, внутренняя и внешняя предупредительные зоны с колючей проволокой и кольцевыми постами сторожевых собак обеспечивали высокий

уровень физической безопасности колонии. Такие меры были направлены на предотвращение побегов и проникновения посторонних лиц, что особенно важно при работе с подростками, склонными к протестным действиям и нарушению дисциплины.

В-третьих, строгий контроль за передвижением, организация карантинных помещений, размещение подростков по отдельным комнатам, а также раздельное проживание осужденных по одному делу обеспечивали систематическое наблюдение и контроль за поведением каждого воспитанника. Это позволяло своевременно выявлять попытки дезорганизации режима, проявления насилия или группового давления, а также обеспечивало эффективное применение воспитательных и коррекционных мер.

Наконец, использование усиленной инфраструктуры – централизованного отопления, телефонной связи и сигнализации, постоянного освещения помещений – обеспечивало как безопасность, так и возможность круглосуточного контроля со стороны надзирательного персонала. Таким образом, строгая изоляция в сочетании с регламентированным режимом содержания выполняла одновременно функции охранной, дисциплинарной и воспитательной политики, являясь необходимым элементом системы работы с наиболее опасными и трудновоспитуемыми несовершеннолетними правонарушителями в советской пенитенциарной практике.

Содержание осужденных несовершеннолетних в штрафном изоляторе организовывалось в соответствии с инструкцией, объявленной приказом МВД СССР № 001150 от 23 сентября 1948 г. Штрафной изолятор представлял собой специализированное подразделение учреждения, предназначенное для содержания подростков, систематически нарушавших внутренний порядок, оказывавших сопротивление воспитательным и дисциплинарным мерам или участвовавших в дезорганизации деятельности колонии. В исключительных случаях для подавления активного сопротивления применялась смиренная рубашка, что подчеркивало репрессивный аспект воздействия и являлось крайним средством поддержания дисциплины. Вывод осужденных за пределы ограждения колонии не допускался, что обеспечивало высокий уровень безопасности, предотвращало побег и ограничивало контакты с внешней средой, снижая риск вовлечения подростков в противоправную деятельность вне учреждения.

Передвижение несовершеннолетних по территории колонии совершалось в организованном порядке, как правило, в сопровождении воспитателей или надзирателей. Бригады из числа осужденных несовершеннолетних организовывались в количестве 20–25 человек, что позволяло систематизировать трудовую и хозяйственную деятельность, упорядочить перемещение внутри колонии и обеспечить контроль за соблюдением режима.

Созывать общие собрания осужденных несовершеннолетних и созывать из их числа общественные комиссии не разрешалось. Это решение было обусловлено необходимостью предотвращения самоорганизации подростков, формирования группового сопротивления или проявлений влияния «лидеров» среди заключенных. Запрет на собрания и комиссии обеспечивал контроль

над внутренними процессами колонии, поддерживал строгую иерархию, снижал возможности манипуляции правилами со стороны осужденных и способствовал реализации педагогической и дисциплинарной политики учреждения.

В трудовых колониях с особым режимом для несовершеннолетних осужденных образовательная деятельность рассматривалась как один из ключевых инструментов реализации воспитательных целей учреждения. Для осужденных несовершеннолетних, не имеющих образования в объеме 4 классов, организовывалась начальная школа, работающая по программам Министерства просвещения, что обеспечивало формирование базовой грамотности, развитие навыков чтения, письма и счета, что способствовало социальному включению подростков и формированию у них способности к самостоятельной жизни после освобождения из мест лишения свободы.

Для осужденных несовершеннолетних, обучающихся в школах, устанавливался следующий рабочий день:

- 1) в возрасте 14–15 лет – пять часов;
- 2) в возрасте 16–17 лет – семь часов;
- 3) обучающиеся в школе, а также школьники в каникулярное время в возрасте 14–15 лет должны работать шесть часов; в возрасте 16–17 лет – восемь часов.
- 4) обучающиеся в школе, помимо работы на производстве, привлекались к выполнению хозяйственных работ по самообслуживанию.

Учебный процесс в трудовых колониях с особым режимом был тесно интегрирован с трудовой деятельностью, что позволяло сочетать теоретическое и практическое обучение и обеспечивало многоплановое воспитательное воздействие на несовершеннолетних осужденных. Практическая работа на производственных участках и хозяйственных объектах колонии рассматривалась как продолжение образовательного процесса и способствовала закреплению теоретических знаний на практике: навыки, полученные в рамках школьных программ (например, основы арифметики, чтения чертежей или ведения документации), применялись непосредственно в трудовой деятельности, что повышало лучшее усвоение пройденного материала. Совмещение учебы и труда формировало трудовую дисциплину и организационные навыки – несовершеннолетние осужденные учились планировать рабочее время, соблюдать последовательность операций, работать в составе бригад и взаимодействовать с другими участниками коллектива, что также способствовало развитию ответственности за выполнение порученных задач, навыков самоорганизации и коллективного сотрудничества, которые были необходимы как для успешного функционирования колонии, так и для последующей социализации. Интеграция учебного и трудового процессов имела воспитательный эффект: подростки постепенно усваивали нормы поведения, соответствующие трудовой этике и требованиям внутреннего распорядка учреждения. Практический труд выступал как инструмент коррекции деструктивных привычек и укрепления позитивных моделей поведения, со-

здавая условия для формирования навыков самостоятельного принятия решений в рамках установленных правил.

Наконец, такая организация деятельности позволяла готовить подростков к будущей профессиональной жизни: они получали опыт работы с оборудованием, освоения производственных процессов и выполнения хозяйственных задач, что расширяло их возможности трудовой адаптации после освобождения. В то же время необходимо учитывать, что высокая интенсивность труда в сочетании с образовательными занятиями могла создавать физическую и психологическую нагрузку, требующую внимательного педагогического контроля и корректировки режима работы.

Обеспечение осужденных несовершеннолетних вещевым довольствием в колониях с особым режимом осуществлялось в соответствии с нормами, установленными для трудовых колоний, с рядом особенностей, отражавших специфику контингента и режим учреждения. Вещевое довольствие включало базовый комплект одежды, обуви и предметов личной гигиены, необходимый для повседневной жизни и трудовой деятельности в условиях колонии. Исключением был выходной костюм, который не предоставлялся, что подчеркивало строгость режима и ограниченность привилегий для осужденных.

С точки зрения педагогической и воспитательной эффективности, организация вещевого довольствия способствовала формированию навыков самообслуживания и аккуратного обращения с личными вещами, что являлось элементом воспитательной работы и подготовки к самостоятельной жизни после освобождения. Стандартизация и ограниченность комплекта одежды способствовали уравниванию осужденных, снижению социального давления и предотвращению проявлений статусов, конкуренции или конфликтов среди подростков, что укрепляло дисциплину и внутренний порядок. Отсутствие предметов, характерных для «свободного» быта, таких как выходной костюм, выполняло одновременно карательную и воспитательную функцию: оно ограничивало проявления индивидуальной свободы и стимулировало адаптацию к строгому режиму, формируя понимание необходимости соблюдения правил и трудовой дисциплины. Психологически это могло вызывать чувство ограничения личной автономии, однако в контексте системы поощрений и переводов в обычные колонии создавалось стимулирующее воздействие: соблюдение правил, трудовая активность и дисциплина становились средством получения улучшенных условий проживания и социальной «легитимации» внутри учреждения.

Меры поощрения и взыскания, установленные Положением о трудовых колониях осужденных несовершеннолетних, применялись в колониях с особым режимом, учитывающих специфику контингента и усиленный режим содержания, со следующими изменениями: за хорошее поведение и высокие показатели в труде в учреждении не менее полугода осужденные, направленные в колонию с особым режимом как нарушители режима,

могли быть переведены в трудовые колонии для несовершеннолетних. Такой механизм выступал важным стимулом для осужденных, ранее нарушавших режим, способствуя формированию мотивации к соблюдению правил, активному участию в трудовой деятельности и проявлению социальной ответственности. Процесс перевода был строго регламентирован: решение принималось на основании представления начальника колонии с особым режимом и утверждалось руководством Министерства внутренних дел соответствующей республики либо Управления по области или краю. Данный порядок обеспечивал контроль за справедливостью и целесообразностью применения мер поощрения, исключая возможность субъективного влияния со стороны персонала колонии и повышая прозрачность процедур.

Система взысканий была направлена на коррекцию негативного поведения и поддержание внутреннего порядка и включала применение различных дисциплинарных мер в рамках регламентированного режима, что позволяло одновременно предотвращать повторные нарушения и создавать условия для воспитательной работы с осужденными. В совокупности меры поощрения и взыскания формировали систему мотивации, способствующую развитию у подростков ответственности за собственное поведение, трудовой дисциплины и понимания социальных норм, что являлось важным элементом педагогической и воспитательной стратегии колоний с особым режимом.

Условно-досрочное освобождение из мест заключения и сокращение срока наказания к осужденным не применялись. Осужденные, достигшие 18-летнего возраста и не отбывшие к этому времени срока лишения свободы, переводились в колонии УИТЛК / ОИТК или лагеря для взрослых заключенных, нарушители режима и дисциплины могли быть выведены в колонии для взрослых по достижении 17-летнего возраста.

Отмеченный порядок имел преимущественно негативный воспитательный и психологический эффект для несовершеннолетних осужденных, так как исключение института условно-досрочного освобождения лишало подростков важнейшего стимула к правопослушному поведению и исправлению. В обычных трудовых колониях перспектива УДО выполняла функцию позитивной мотивации, тогда как в колониях с особым режимом данная возможность отсутствовала, что порождало у воспитанников ощущение безысходности и формировало правовой нигилизм. Перевод в колонии для взрослых по достижении 18 лет (а для нарушителей режима – 17 лет) фактически означал более раннее вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру взрослого лагерного мира, что усиливало процессы криминогенной социализации и снижало вероятность ресоциализации после освобождения.

Штатно-кадровое обеспечение трудовых колоний с особым режимом и формировалось исходя из необходимости усиленного режима и надзора за несовершеннолетними осужденными, а равно воспитательно-коррекционного воздействия на указанный контингент. Структура штатов совмещала в рамках одного учреждения персонал карательно-режимного профиля, ответствен-

ного за поддержание изоляционного порядка, с педагогическими кадрами, чьи функции охватывали сферу реализации социально-воспитательных мероприятий.

Тем самым штатное расписание данных учреждений отражало двойственную природу советской пенитенциарной политики в отношении несовершеннолетних: сочетание максимальной регламентации и строгого изоляционного контроля с задачей формирования у подростков навыков правопослушного поведения посредством педагогически организованного процесса перевоспитания. Однако на практике эффективность данной модели носила ограниченный характер. Усиление надзорно-карательной составляющей объективно превалировало над воспитательно-коррекционными функциями, что приводило к дисбалансу между декларативными целями перевоспитания и фактическим доминированием режима изоляции и дисциплинарного принуждения. Подобное соотношение сил в кадровом составе снижало педагогическую результативность системы и нередко способствовало воспроизводству криминогенной среды внутри колонии, ограничивая возможности позитивной ресоциализации несовершеннолетних.

Таким образом, трудовые колонии с особым режимом, функционировавшие в 1948–1957 гг., представляли собой специфический институт советской карательно-воспитательной системы, совмещавший элементы репрессивного воздействия и воспитательной работы. Их организация отражала адаптацию уголовно-исполнительной политики СССР к новым социально-правовым условиям и являлась важным этапом развития системы работы с несовершеннолетними правонарушителями. Анализ функционирования трудовых колоний с особым режимом МВД СССР для несовершеннолетних осужденных в 1948–1957 гг. демонстрирует, что их создание было обусловлено необходимостью совершенствования уголовно-исполнительной системы в условиях послевоенного роста подростковой преступности и расширения контингента несовершеннолетних заключенных. Эти учреждения позволяли отделять наиболее опасных и систематически нарушающих дисциплину осужденных от основной массы подростков, обеспечивать строгий контроль и надзор, а также создавать условия для реализации воспитательных и трудовых программ.

Их упразднение в середине 1950-х гг. связано с началом реформирования уголовно-исполнительной политики и переходом к частичной гуманизации мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, что соответствовало общей тенденции «оттепели» в социальной и правовой сфере.

Историографический анализ данного института позволяет сделать вывод о его значении для понимания эволюции советской пенитенциарной системы и особенностей реализации государственной политики в отношении подростков-правонарушителей. Опыт трудовых колоний с особым режимом демонстрирует сочетание репрессивных и воспитательных механизмов, характерное для советской карательно-воспитательной модели, и остается важным источником для изучения закономерностей развития уголовно-исполнительной практики СССР.

Список источников

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни. 26 мая 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 145. Л. 4–7, подлинник.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». 4 июня 1947 г. // Правда. 1947. 5 июня. (документ утратил силу в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1960 г. «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2025).
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан». 4 июня 1947 г. // Правда. 1947. 5 июня. Документ утратил силу, см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1960 г. «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2025).
4. Приказ МВД СССР № 001250 от 21 октября 1948 г. «О трудовых колониях МВД с особым режимом для осужденных несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 269. Л. 120–121. (Гриф секретности снят).
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 305. Л. 207–207 об.
6. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 342. Л. 156–157.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 354. Л. 94–95.
8. Приказ МВД СССР № 001150 от 23 сентября 1949 г. «С объявлением положения о трудовых колониях МВД для осужденных несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 268. Л. 155–166. (Гриф секретности снят).
9. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Л. 429. Л. 35–36, 99–100.

References

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7523. List 36. File 145. Paged 4–7. Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on the Abolition of the Death Penalty. May 26, 1947*. Original. (In Russian).
2. *Pravda*. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Criminal Liability for Theft of State and Public Property"*. June 4, 1947. June 5. (In Russian).
3. *Pravda*. (1947) *Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Strengthening the Protection of Citizens' Personal Property"*. June 4, 1947. June 5. (In Russian).
4. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 269. Pages 120–121. USSR Ministry of Internal Affairs. (1948) *Order of the USSR Ministry of Internal Affairs No. 001250 of October 21, 1948 "On Labor Colonies of the Ministry of Internal Affairs with a Special Regime for Convicted Juveniles"*. (In Russian).
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 305. Pages 207–207 rev. (In Russian).
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. 342. Pages 156–157. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 354. Pages 94–95. (In Russian).
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9401. List 1 a. File 268. Pages 155–166. USSR Ministry of Internal Affairs. (1949) *Order of the USSR Ministry of Internal Affairs No. 001150 of September 23, 1949 "Announcing the Regulation on Labor Colonies of the Ministry of Internal Affairs for Convicted Juveniles"*. (In Russian).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9412. List 1. File 429. Pages 35–36, 99–100. (In Russian).

Информация об авторе:

Чуканова Е.С. – доцент, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: upik2021@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Chukanova, docent, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: upik2021@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.423

doi: 10.17223/23088451/26/18

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА
ОСКОРБЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ

Вадим Викторович Антонченко¹

¹ *Дальневосточная пожарно-спасательная академия (филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России), Владивосток, Россия, antovadim@yandex.ru*

Аннотация. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета, установленного ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, свидетельствует о недостаточности социальных и правовых оснований для существования в уголовном законе норм, охраняющих религиозные чувства верующих, и одновременно избыточности такой охраны, предмет которой осложнен историческим контекстом регуляции данной сферы, связанным с последовательным и настойчивым формированием у граждан атеистического мировоззрения в советский период.

Ключевые слова: религиозные преступления, свобода совести, оскорбление религиозных чувств, свобода совести и вероисповедания, секуляризация

Для цитирования: Антонченко В.В. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета оскорбления религиозных чувств верующих // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 108–114. doi: 10.17223/23088451/26/18

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/18

SOCIO-LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION AGAINST INSULTING
THE RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS

Vadim V. Antonchenko¹

¹ *Far Eastern Fire and Rescue Academy, Vladivostok, Russian Federation, antovadim@yandex.ru*

Abstract. The aim of this work is to determine the necessity and sufficiency of measures for the criminal legal protection of the religious feelings of believers, understood as individual human emotional processes. The subject of the research is a socio-legal analysis of the criminal law prohibition established by parts 1 and 2 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study employs historical, formal-logical, and concrete-sociological methods of scientific inquiry. The results of the study indicate a lack of sufficient social and legal grounds for the existence of criminal law norms protecting the religious feelings of believers and, simultaneously, an excessiveness of such protection. The area of application for the study's results may be the sphere of improving and rationalizing criminal legislation. The novelty of the research lies in identifying the socio-historical and psychological context of the problem of protecting believers' feelings through criminal law means, which affects the necessity and sufficiency of such measures. The author concludes that the practical implementation of the criminal legal protection of believers' feelings is complicated by the socio-legal and historical context regulating this sphere. For a long period, the state consistently and persistently cultivated an anti-religious worldview among citizens, within which religious feelings were viewed as an archaic model of understanding the world, hindering the progressive development of society. When addressing the issues of criminalizing acts such as those outlined in Article 148 of the Criminal Code, the legislator, it seems, must clearly understand whether the punitive state mechanism can be driven by a misalignment between the ethical and aesthetic perceptions of citizens regarding real or unreal reality and their perception of personal offense. Substituting real public interests with narrow group interests differentiates society and generates acute social contradictions. For the population of Russia, the majority of whom are former Soviet citizens and the younger generation raised by them, an instantaneous change in their atheistic and anti-clerical self-identification is not possible. A state that, within the lifespan of one generation, attempts to radically transform its citizens' notions of what is proper and legislatively change ideological and worldview paradigms to their opposites deforms public and individual legal consciousness. Citizens, becoming hostages to radical social changes, may, in some cases, exhibit deviant and delinquent behavior.

Keywords: religious crimes, freedom of conscience, insult to religious feelings, freedom of conscience and religion, secularization

For citation: Antonchenko, V.V. (2025) Socio-legal analysis of the criminal law prohibition against insulting the religious feelings of believers. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 108–114. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/18

Совершенствование уголовного законодательства в сфере охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина не может обойтись без всестороннего научного поиска пределов уголовно-правового регулирования данной сферы, определения его необходимости и возможности. Это обуславливает актуальность научного осмысления проблем взаимодействия социальных и правовых аспектов в области нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Религиозные чувства – это эмоциональное отношение верующих к признаваемым объективными гипостазированным существам, атрибутизированным свойствам и связям, к сакрализованным вещам, персонам, местам, действиям, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в мире и к миру в целом [1. С. 269].

Уголовно-правовому анализу ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ч. 1 и 2 данной статьи криминализовано совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих; ч. 3 и 4 – незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний), посвящено значительное количество работ отечественных юристов [2. С. 106–108; 3. С. 194–198; 4. С. 330–333; 5. С. 70–76; 6; 7. С. 30–35]. Вместе с тем социально-правовые аспекты уголовно-правовой ответственности за оскорбление чувств верующих в современной отечественной юридической науке достаточным количеством исследований не представлены.

Статья 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» в существующей редакции действует с 1 июля 2013 г. До этого она носила название «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий» и имела другое содержание, значительно отличающееся от действующего и предусматривающее ответственность только за действия, препятствующие проведению религиозных обрядов или деятельности организаций религиозного характера. Таким образом, прежнюю редакцию статьи сегодня воспроизводит ее третья часть.

Указанные новации явились уголовно-правовым ответом на эксцесс, связанный с выступлением российской феминистской панк-рок-группы Pussy Riot (Пussy Райот) в храме Христа Спасителя 21 февраля 2012 г., в ходе которого ее участницы провели акцию, обозначенную ими как «панк-молебен». 17 августа 2012 г. суд признал троих участниц группы виновными по уголовному делу о квалифицированном хулиганстве (ч. 2 ст. 213 УК РФ) и, положив в основу приговора выводы экспертов, содержащие отсылки к источникам внутреннего церковного права (Апостольским правилам (ок. 380 г.) и правилам Трулльского собора (691 г.)), назначил им наказание, связанное с реальным лишением свободы [8. С. 51–55; 9].

25 сентября 2012 г. Госдума РФ приняла заявление «О защите религиозных чувств граждан», а на следующий день группа депутатов внесла законопроект о дополнении УК РФ статьей о защите чувств верующих от

оскорблений. Новеллизация статьи 148 УК РФ в 2013 г. породила теоретические и научно-практические дискуссии по поводу необходимости и возможности уголовной защиты от оскорбления чувств верующих, тем более на фоне декриминализации «оскорбления» как такового (ст. 130 УК РФ) в 2011 г.

Поскольку воспрепятствование какой-либо деятельности нарушает определенное право на свободу, постольку именно ч. 3 и 4 данной статьи отражают смысл, заложенный в ее названии. Деяния, предусмотренные ч. 1 и 2, оскорбляющие религиозные чувства верующих, могут нарушать их право на свободу совести и вероисповеданий лишь при расширительном (распространительном) подходе к выявлению содержания воли законодателя, выходящем за рамки ее текстуальной формы – данные нормы охраняют не сами религиозные объединения и обряды, а чувства верующих, которым может быть нанесен вред в результате интерпретации ими (и, впоследствии, судом) чьих-либо действий как оскорбительных. Таким образом в 2013 г., объектом уголовно-правовой защиты и, следовательно, объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, впервые стали чувства, т.е. эмоциональные процессы человека, отражающие субъективное оценочное отношение к реальным или абстрактным объектам.

В отличие от ст. 148 УК РФ, действовавшей до 2013 г., не предусматривавшей санкции в виде лишения свободы, актуальная ее редакция предусматривает такое наказание в первой, второй и четвертой частях. Исходя из установленных санкций, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (до одного года и трех лет лишения свободы по ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ соответственно), представляют для общества бóльшую общественную опасность, чем воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, в том числе совершенное с применением насилия (исправительные работы на срок до одного года и лишение свободы до одного года по ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ соответственно).

Следует заметить, что ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях предусматривается Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 5.26 которого предусматривает санкции как за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, так и за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение.

При этом, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривает ответственность за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам *религиозной ненависти или вражды* либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а

ст. 282 УК РФ предусматривает ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, в том числе и *по мотивам отношения к религии*. Также ч. 2 ст. 214 УК РФ предусматривает ответственность за вандализм, т.е. осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, совершенные в том числе и *по мотивам религиозной ненависти или вражды*.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Преступными эти деяния будут только если они совершены публично, выражают явное и недвусмысленное неуважение к обществу в целом и их целью является именно оскорбление (данные признаки характерны также, например, для состава хулиганства – ст. 213 УК РФ). Это предполагает не только осознание лицом характера совершаемых им действий и предвидение их последствий, но и желание оскорбления религиозных чувств верующих. Указание на цель требует обязательного доказывания прямого умысла виновного на оскорбление: суду, а ранее того – следствию необходимо установить не только форму вины и её виды, в том числе мотив и цель, обозначенную в диспозиции рассматриваемой нормы как «совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Выявление мотива и цели рассматриваемых деяний и определение их достоверности в большинстве случаев требует признания их самими виновными.

Анализ уголовных дел по ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ свидетельствует о том, что в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекались лица, разместившие на своих страницах в общедоступных ресурсах интернета антирелигиозные надписи, статьи или фотоснимки, а также сделавшие оскорбительные надписи и рисунки непосредственно на культовых сооружениях (стенах храмов, крестах). Однако в судебной практике есть и достаточно необычные дела, как, например, дело С., осужденного в 2017 г. сразу по трем статьям УК РФ: ч. 1 ст. 282 («Возбуждение ненависти по религиозному и национальному признакам»), ч. 1 ст. 148 («Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих») и ст. 138.1 («Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации») за съемку видеоролика о «ловле покемонов» в церкви. В большинстве случаев мотивом, руководившим действиями подсудимых, являлось желание продемонстрировать себя и получить популярность в своем круге общения («хайпануть»). Однако в некоторых случаях, связанных с фотографированием, подсудимые даже не отдавали себе отчет в том, что фотографируются на фоне культового сооружения. Для них это было лишь удачной локацией, удобной для съемки.

Уголовное преследование по ст. 148 УК РФ, включая обвинение в суде, осуществляется в соответствии со ст. 20 УПК РФ в публичном порядке. Сами верующие зачастую не знают, что в определенное время в опреде-

ленном месте произошло деяние, связанное с покушением на их свободу совести и вероисповеданий. В случае обращения их в правоохранительные органы неизбежны трудности с определением потерпевших. Однако именно уголовное преследование таких деяний приводит к широкому распространению информации о них и следующей за этим общественной реакции.

Реализация норм ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ на практике не может не сталкиваться с проблемами собирания, исследования, оценки и использования доказательств наличия религиозных чувств у индивидов, относящих себя к социальной группе верующих, и факта их оскорбления. Данные проблемы представляются сегодня неразрешимыми, поскольку они связаны с вопросами, выходящими за пределы права: об истинности веры, о действительной религиозности чувств, их глубине и т.п.

Под оскорблением понимается унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Таким образом, для того, чтобы быть оскорблением, деяние, во-первых, должно быть обращено к конкретным лицам (либо рассчитано на то, что сведения о нем будут доведены до этих лиц) и характеризовать их личность. Во-вторых, деяние (например, высказывание) должно иметь неприличную форму (нецензурная брань, неприличные жесты и т.д.). В-третьих, деяние должно быть направлено на унижение чести и достоинства потерпевших и быть публичным.

Для отграничения оскорбления от иного мнения, высказывания или действия, которое может быть негативным, обидным и неприемлемым для кого-либо, необходимо проведение экспертизы, которая должна выявить наличие оскорбления в правовом смысле. Однако представляется, что средствами современной криминалистики сегодня невозможно достоверно установить наличие, глубину и полноту религиозных чувств, относящихся к сложной по структуре психоэмоциональной сфере как элементу психической деятельности конкретного индивида.

В.И. Ильин говорит о том, что чувства как ролевой компонент можно предписывать, ожидать, но проверить их наличие крайне сложно («в душу не залезешь») [10. С. 28–40]. Более того, человек и сам не всегда в состоянии контролировать свои чувства, поскольку их детерминация происходит в далеко не познанной сегодня средствами науки области психоэмоционального мира индивида. Чувственная сфера человека в большой своей части остается *terra incognita* для познания средствами современной науки. В этом отличие чувств от эмоций, которые могут быть социальным фактом, поддающимся не только интерпретации со стороны окружающих, но и редакции со стороны исполнителя, подчиненной его представлениям об адекватности поведения исполняемой роли (например, «мужчины не плачут»). Это, в частности, обуславливает неподсудность в соответствии со ст. 29 Конституции РФ наличия или отсутствия у человека тех или иных чувств, а также мнений и убеждений.

А.Э. Жалинский считал, что в набор признаков, необходимых для криминализации, входят: а) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося

полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, т.е. правовым благам, имеющим конституционный ранг; б) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества; в) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещаемых деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания; г) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда; д) субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора [11. С. 48–52].

Л.М. Прокументов полагает, что дополнительным аргументом в пользу криминализации деяния является его распространенность [12. С. 56–62]. М.М. Бабаев говорит о том, что общественная опасность в существенной степени зависит от массовости общественно-опасных актов поведения, структуры и динамики преступности, а также от распространенности, характера и тяжести социальных последствий [13. С. 7–19]. Распространенность деяния полагают одним из оснований криминализации многие ученые [14. С. 146–150; 15. С. 70–76; 16. С. 96–101; 17. С. 433–434].

Деяния, описываемые диспозициями частей ст. 148 УК РФ, никак нельзя назвать распространенными. Так, по всем частям данной статьи в России ежегодно осуждаются единицы: в 2020 г. – 1 чел., в 2021 – 14 чел., в 2022 и 2023 гг. – по 11 чел. В среднем количество признанных виновными по данной статье составляет около 0,001% от количества всех осужденных. Находясь под пристальным вниманием средств массовой информации, даже редкие случаи уголовных дел по резонансным статьям получают широкую известность и общественный резонанс, а результаты судебного разбирательства являются важной социальной информацией, которая формирует общественное правосознание и влияет на ход общественных процессов. Как показал проведенный автором в марте 2025 г. опрос преподавателей и студентов неюридических вузов (всего опрошено 155 человек), благодаря СМИ и интернету подавляющее большинство из них знают о существовании уголовно-правовой нормы, защищающей религиозные чувства верующих от оскорбления. При этом 55% от количества опрошенных полагают, что уголовному преследованию по данной норме в России подвергаются «много людей», а 30% полагают, что множество людей за данное преступление осуждено к лишению свободы.

Общественную опасность поведенческого акта в контексте рассматриваемой темы следует анализировать в рамках его взаимодействия с общественными отношениями, в результате которого им причиняется вред или создается угроза причинения вреда [18. С. 139–144]. А.И. Коробеев говорит о том, что уголовный закон продублируется реальными потребностями общества и является социально обусловленным [19. С. 23]. Любой уголовно-правовой запрет должен иметь конкретные основания и причины установления.

Несмотря на 12-летний период действия ст. 148 УК РФ, теория и практика пока не ответили на вопросы, почему социальная группа «верующие» получает особую, в сравнении с другими гражданами, защиту; чем религиозные чувства отличаются от других индивидуальных человеческих эмоций, как установить их истинность и причиненный им вред? Чувства (нравственные, интеллектуальные, эстетические, социальные) основаны на субъективном опыте человека и, как и сам этот опыт, могут носить амбивалентный (противоречивый) характер и иметь различные уровни конкретности и устойчивости. Являясь подклассом эмоциональных процессов, будучи зависимыми от эмоций, подчиняясь индивидуальным личностным качествам, чувства одного человека могут по-разному проявляться в той или иной ситуации. Кроме того, и в одинаковых условиях разные люди могут испытывать различные чувства.

Поступки людей могут быть некрасивы, нелепы, непонимаемы определенной частью общества. Такие поступки могут быть поводом для общественного порицания, однако степень их общественной опасности, требуемая для их криминализации, нуждается в самом тщательном исследовании. При этом преступления, совершаемые по религиозным мотивам, вызываемые религиозной нетерпимостью к иным религиозным, агностическим или атеистическим представлениям и взглядам на «священную истину», представляют действительную общественную опасность [20; 21. С. 216–221; 22; 23].

Законы о богохульстве когда-то были почти повсеместными и до сих пор распространены в государствах с сильными религиозными традициями. При этом религиозным оскорблением в традиционном обществе могло, как показывает история, считаться все, с чем не согласится последователь определенной религии, со всем, что разрывает или ослабляет систему его взглядов о непреложности положений, составляющих его мировоззрение [24. С. 349–416]. В современном мире в большинстве светских юрисдикций, которые придерживаются принципов Всеобщей декларации прав человека, подобные нормы отменены.

Россия является государством с многоконфессиональным и полиэтническим обществом. В соответствии со ст. 14 Конституции Россия является светским государством, в котором никакая религия не может быть обязательной, а религиозные организации отделены от государств и равны между собой. Вместе с тем отношения публичной власти и церкви с середины 90-х гг. прошлого века демонстрируют явное сближение. Реалии социально-правовой действительности говорят о формировании в России новых традиций постсекулярного общества, которые оказывают влияние и на состояние позитивного права, и на правоприменительную практику. Церковь и ее иерархи стремятся участвовать в политической жизни государства в качестве самостоятельного субъекта, обуславливая данное стремление необходимостью создания нравственных основ для российской политической традиции. Участие иерархов в различных мероприятиях социально-политической направленности (праздничные собрания, митинги, парады, юбилей ведомств и учреждений и т.п.) наряду с госслужащими

и политиками говорит о том, что это стремление церкви находит поддержку на государственном уровне. Вместе с тем религия не оправдывает ожиданий как фактор социальной интеграции на основе общности культурно-символических образов. Этнополитическая мифологизация как инструмент вероучений способствует разобщению социальных общностей, а не их сплачиванию: даже конфессии в рамках одной религии отрицают истинность веры друг друга. Особенно справедливо это в отношении чувств ортодоксальных верующих, полагающих себя, в отличие от других, «истинно верующими». Для этой категории граждан само существование иных взглядов, как и иных деноминаций, является оскорблением. Значит, межконфессиональный мир является труднодостижимым, если вообще возможным. Поголовная воцерковленность населения России в дореволюционный период, объяснявшаяся, помимо прочего, крайне небольшой степенью грамотности населения, не смогла предотвратить глобального социального раскола в периоды революций и Гражданской войны [25. С. 40–48].

В период существования Советского государства (1917–1991 гг.) на всей его территории господствовал воинствующий атеизм, который был элементом государственной идеологии, активно поддерживался партийными и государственными органами. Основатель советского государства В.И. Ленин писал: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идёт дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [26. С. 418]. Следуя этому завету, государством проводилась пропаганда атеизма, в годы становления советской власти осуществлялась активная борьба с церковью, которая рассматривалась как крупнейший очаг внутренней контрреволюции. Преследование церкви включало не только ее ликвидацию как государственного института и изъятие ее собственности, систематический снос культовых сооружений, но и физическое уничтожение духовенства. Так, только в 1937–1938 гг., согласно церковным документам, было арестовано 168,3 тыс. представителей православного духовенства, из которых более 100 тыс. были расстреляны [27. Р. 165]. По другим оценкам, в 1930–1940-х гг. было физически уничтожено не менее 25–30 тыс. священнослужителей [28. Р. 90]. В рамках государственной кампании по распространению атеизма массовым преследованиям за свои убеждения или пропаганду религии подвергались и сами верующие.

Тотальное искоренение религии и замена ее «научным» атеизмом, основанным на уверенности в способности людей быть действующими субъектами исторического процесса, соответствовало, по мнению Е. А. Степановой, типичному для эпохи Просвещения рационализму, который был одним из основных факторов перехода к модерности [29. С. 67–82]. В Советском государстве процесс секуляризации направлялся на вытеснение религии не только из публичного социального пространства, но и из частной жизни людей. Религиозность граждан считалась

антиобщественным фактом и была препятствием для любых форм профессионального и социального участия. По мнению М. Pelkmans, невозможно отрицать, что советский атеизм стал важным фактором формирования постсоветской идентичности [30. Р. 1–16]. Это дает основания полагать, что российское общество, воспитанное на модели советского отношения к религии и церкви, остается в своем подавляющем большинстве атеистическим, а религиозное возрождение носит преимущественно демонстративный (реже, обрядовый) характер, не проникая далеко в пределы частной жизни подавляющего большинства людей.

Корректировка нормативной структуры должна учитывать инерционность ценностных ориентиров. Кризис ценностно-нормативной системы, дезадаптация и дезинтеграция граждан в результате резкой смены мировоззренческой парадигмы неизбежно влечет за собой аномии, снижение уровня саморегуляции и, как следствие, социального согласия, вызывающего несогласованность нормативных ожиданий с ценностными предпосылками (делегитимацию) [31].

Влияние религии на социальные процессы и сознание людей значительным образом зависит от политики государства, направленной либо на уменьшение, либо на увеличение ее роли в жизни общества. Государственная кара, предусмотренная для «кошунников», неотягощенных как религиозными взглядами, так и достаточными когнитивными способностями, делающая из них известных в определенных социальных стратах «героев», способна популяризировать данный способ получения «хайпа» и «острых ощущений» молодыми людьми, готовыми им подражать. Одновременно это может отвлечь от культовых мест (а заодно и от самой религии, клерикальных практик и ценностей) людей, не желающих соприкасаться с потенциально небезопасной, как им может представляться, областью.

Разрешая проблемы криминализации деяний, подобных указанным в ст. 148 УК РФ, законодатель, как представляется, должен четко осознавать, может ли быть движущей силой карательного государственного механизма несовпадение этических и эстетических представлений граждан о реальной либо ирреальной действительности и их представление об индивидуальной обиде. Подмена реальных общественных интересов узкогрупповыми дифференцирует общество и порождает острые социальные противоречия. Для населения России, большинство которого составляют бывшие советские граждане и воспитанное ими подрастающее поколение, не представляется возможным мгновенное изменение атеистической и антиклерикальной самоидентификации. Государство, которое на протяжении жизни одного поколения пытается кардинально трансформировать представление своих граждан о должном и законодательно менять мировоззренческие и идеологические парадигмы на противоположные, дезорганизует познавательные процессы и деформирует общественное и индивидуальное правосознание, ставит индивидов в положение заложников радикальных социальных перемен, вызывая, в отдельных случаях, девиантное и делинквентное поведение.

Существование уголовно-правовых норм, дублирующих по своему назначению уже существующие, подрывает принцип экономии уголовной репрессии, рациональность и эффективность уголовного закона. Справедливость уголовного права заключается в соразмерности воздаяния деянию; привлечение к уголовной ответственности и уголовное наказание неизбежно стигмати-

зируют человека на всю оставшуюся жизнь. Такая стигматизация за совершение неразумного, но не обладающего высокой степенью общественной опасности поступка, отрицательно отражающаяся на качестве жизни человека и влекущая утрату его социального статуса, не представляется соответствующей целям правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Религиоведение : учебное пособие. М. : Гардарики, 2004. 317 с.
2. Королева Л.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: к вопросу о терминах // Исторические, философские, политические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11) : в ч. 4 ч. 1. С. 106–108.
3. Новиков В.А. Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и вероисповеданий // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2015. № 3. С. 194–198.
4. Новиков В.А. Религиозные чувства и убеждения верующих как объект уголовно-правовой охраны // Стратегия развития в XXI в. : сб. ст. М., 2015. С. 330–333.
5. Ермакова Т.Н. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 18. С. 70–76.
6. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 239 с.
7. Гончаренко А.И. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и практика применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 17. С. 30–35.
8. Баев В.Г., Крисанов И.А. О законности, обоснованности и справедливости приговора «PUSSY RIOT» // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 51–55.
9. Neu E. Lets Start a Pussy Riot. London : Rough Trade, 2013. 265 p.
10. Ильин В.И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 28–40. doi: 10.21638/11701/spbu.2016.402
11. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правосудия // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М., 2009. С. 48–52.
12. Прокументов Л.М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4. С. 56–62.
13. Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика // Юристы-Правоведы. 2012а. № 2. С. 7–19.
14. Босхолов С.С., Тарасова М.В. Проблемы криминализации и декриминализации преступлений в Уголовном кодексе России // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.И. Суловой. Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 146–150.
15. Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 70–76.
16. Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 96–101.
17. Лопашенко Н.А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 433–434.
18. Авдалян М.Э. Основание криминализации // Вестник удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 139–144.
19. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ, 2019. 347 с.
20. Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. 423 с.
21. Малаев А.П. Совершаемые по мотивам расовой, религиозной и межнациональной ненависти, вражды // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 215–221.
22. Башкатов Л.Д. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 224 с.
23. Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминология: религиозная преступность / под общ. ред. О.В. Старкова. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 386 с.
24. Горфункель А.Х. Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. С. 349–416.
25. Антощенко В. В. Государство, право и религия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88). С. 40–48. doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-40-48
26. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1964–1981. Т. 17. 680 с.
27. Yakovlev A.N. A Century of Violence in Soviet Russia. Yale University Press, 2002. 165 p.
28. Pospelovsky D.V. A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 2: Soviet Antireligious Campaigns and Persecutions, New York : St Martin's Press, 1988. 90 p.
29. Степанова Е.А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 67–82.
30. Pelkmans M. Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion After Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / ed. by M. Pelkmans. Berghahn Books, 2009. P. 1–16.
31. Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Акад. Проект, 2002. 830 с.

References

1. Anon. (2004) *Religiovedenie: uchebnoe posobie* [Religious Studies: A Textbook]. Moscow: Gardariki.
2. Koroleva, L.A. (2011) *Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: k voprosu o terminakh* [Freedom of Conscience and Freedom of Religion: On the Question of Terms]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologi i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (11): 1. pp. 106–108.
3. Novikov, V.A. (2015) *Ugolovno-pravovaya okhrana prava na svobodu sovesti i veroispovedaniy* [Criminal Law Protection of the Right to Freedom of Conscience and Religion]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. 3. pp. 194–198.
4. Novikov, V.A. (2015) *Religioznye chuvstva i ubezhdeniya veruyushchikh kak ob"ekt ugolovno-pravovoy okhrany* [Religious Feelings and Beliefs of Believers as an Object of Criminal Law Protection]. In: *Strategiya razvitiya v XXI v.: sb. st.* [Development Strategy in the 21st Century: Collection of Articles]. Moscow. pp. 330–333.

5. Ermakova, T.N. (2015) Ugolovno-pravovaya zashchita svobody sovesti i veroispovedaniy v Rossii i za rubezhom [Criminal Law Protection of Freedom of Conscience and Religion in Russia and Abroad]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 18. pp. 70–76. (In Russian).
6. Bakhmet'ev, P.V. (2017) *Ugolovno-pravovyye garantii svobody sovesti i veroispovedaniya: otechestvennyi opyt i mezhdunarodnye standarty* [Criminal Law Guarantees of Freedom of Conscience and Religion: National Experience and International Standards]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
7. Goncharenko, A.I. (2018) Publichnye deistviya, vyrazhayushchie yavnoe neubazhenie k obshchestvu i sovershennye v tselyakh oskorbleniya religioznykh chuvstv veruyushchikh (ch. 1 st. 148 UK RF): ugolovno-pravovaya kharakteristika i praktika primeneniya [Public Actions Expressing Obvious Disrespect for Society and Committed to Insult the Religious Feelings of Believers (Part 1, Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal-Law Characteristics and Application Practice]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 17. pp. 30–35.
8. Baev, V.G. & Krisanov, I.A. (2015) O zakonnosti, obosnovannosti i spravedlivosti prigovora "PUSSY RIOT" [On the Legality, Validity and Fairness of the "PUSSY RIOT" Verdict]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 1. pp. 51–55.
9. Neu, E. (2013) *Let's Start a Pussy Riot*. London: Rough Trade.
10. Il'in, V.I. (2016) "Chuvstva" i "emotsii" kak sotsiologicheskie kategorii ["Feelings" and "Emotions" as Sociological Categories]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 4. pp. 28–40. doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.402
11. Zhalinskii, A.E. (2009) [Assessment of the Social Danger of an Act in the Process of Criminal Lawmaking]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Proceedings of the 6th International Conference. 29–30 January 2009. Moscow. pp. 48–52. (In Russian).
12. Prozumentov, L.M. (2012) Criminological Conditions for Criminalization and Decriminalization of Acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 4. pp. 56–62. (In Russian).
13. Babaev, M.M. (2012a) Kriminologiya i ugolovnaya politika [Criminology and Criminal Policy]. *Yurist-Pravoved*. 2. pp. 7–19.
14. Boskholov, S.S. & Tarasova, M.V. (2018) [Problems of Criminalization and Decriminalization of Crimes in the Criminal Code of Russia]. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran* [Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries]. Proceedings of the 6th International Conference. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) of VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). pp. 146–150. (In Russian).
15. Zlobin, G.A. (1980) Osnovaniya i printsipy ugolovno-pravovogo zapreta [Grounds and Principles of a Criminal-Law Prohibition]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 70–76.
16. Kozaev, N.Sh. (2016) Sostoyanie ugolovnoy politiki i voprosy preodoleniya krizisnykh yavleniy v ugolovnom prave [The State of Criminal Policy and Issues of Overcoming Crisis Phenomena in Criminal Law]. *Yuridicheskii vestnik DGU*. 17 (1). pp. 96–101.
17. Lopashenko, N.A. (2007) Rossiyskaya ugolovnaya politika: poisk istiny ili metod prob i oshibok? (Sub'ektivnaya popytka analiza i prognoza) [Russian Criminal Policy: A Search for Truth or a Method of Trial and Error? (A Subjective Attempt at Analysis and Forecast)]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnogo prava*. 2. pp. 433–434.
18. Avdalyan, M.E. (2015) Osnovanie kriminalizatsii [The Basis for Criminalization]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*. 25 (3). pp. 139–144.
19. Korobeev, A.I. (2019) *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [Criminal-Law Policy of Russia: From Genesis to Crisis]. Moscow: YurLitinform.
20. Shiryaev, V.N. (1909) *Religioznye prestupleniya. Istoriko-dogmaticheskie ocherki* [Religious Crimes. Historical-Dogmatic Essays]. Yaroslavl.
21. Malaev, A.P. (2017) Sovremennye prestupleniya, sovershaemye po motivam rasovoi, religioznoi i mezhnatsional'noi nenavisti, vrazhdy [Modern Crimes Committed Motivated by Racial, Religious and Interethnic Hatred, Enmity]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3 (116). pp. 215–221.
22. Bashkatov, L.D. (2001) *Religioznaya prestupnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Religious Crime: Criminal-Law and Criminological Problems]. Law Cand. Diss. Moscow.
23. Starkov, O.V. & Bashkatov, L.D. (2004) *Kriminoteologiya: religioznaya prestupnost'* [Criminology: Religious Crime]. St. Petersburg: Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskii tsentr Press".
24. Gorfunkel', A.Kh. (1958) Dzhordano Bruno pered sudom inkvizitsii (Kratkoe izlozhenie sledstvennogo dela Dzhordano Bruno) [Giordano Bruno Before the Inquisition Court (A Brief Summary of the Investigative Case of Giordano Bruno)]. *Voprosy istorii religii i ateizma*. pp. 349–416.
25. Antonchenko, V.V. (2023) Gosudarstvo, pravo i religiya [State, Law and Religion]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 29 (1 (88)). pp. 40–48. doi: 10.24412/1999-625X-2023-188-40-48
26. Lenin, V.I. (1964–1981) Ob otnoshenii rabochey partii k religii [On the Attitude of the Workers' Party to Religion]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 17. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
27. Yakovlev, A.N. (2002) *A Century of Violence in Soviet Russia*. New Haven: Yale University Press.
28. Pospelovskiy, D.V. (1988) *A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer*. Vol. 2: Soviet Antireligious Campaigns and Persecutions. New York: St Martin's Press.
29. Stepanova, E.A. (2014) Sovetskii ateizm v kontekste mnozhestvennoi modernosti [Soviet Atheism in the Context of Multiple Modernities]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14 (2). pp. 67–82.
30. Pelkmans, M. (2009) Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life. In: Pelkmans, M. (ed.) *Conversion After Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. New York: Berghahn Books. pp. 1–16.
31. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [The Social System]. Moscow: Akademiya.

Информация об авторе:

Антонченко В.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии (филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России) (Владивосток, Россия). E-mail: antovadim@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Antonchenko, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy (Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia) (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: antovadim@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/26/19

ЭФФЕКТ «АМОРТИЗАЦИИ» ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НА ПРИМЕРЕ НАКАЗАНИЙ ЗА КРАЖУ

Марат Тагирович Валеев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mtv666@yandex.ru*

Аннотация. Выдвигается и аргументируется гипотеза об «амортизации» назначаемыми наказаниями за преступления с материальным составом при неизменности и обесценении предусмотренного в нем последствия. Назначаемое наказание «амортизирует» обесценение преступного последствия и происходящее с ним повышение уровня криминализации деяния, что подтверждается проведенным исследованием.

Ключевые слова: уголовное наказание, ответственность за кражу

Для цитирования: Валеев М.Т. Эффект «амортизации» инфляционных процессов при назначении уголовного наказания на примере наказаний за кражу // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 115–117. doi: 10.17223/23088451/26/19

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/19

THE "AMORTIZATION" EFFECT OF INFLATIONARY PROCESSES IN THE IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT: THE EXAMPLE OF PENALTIES FOR THEFT

Marat T. Valeev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mtv666@yandex.ru*

Abstract. The imposed punishment "amortizes" the depreciation of the criminal consequence and the attendant increase in the offense's criminalization level. This is supported by the following evidence. First, the share of imprisonment as a punishment is steadily declining, with courts increasingly imposing fines. Second, the amount of the fine specified in the sanction of Part 3, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation has remained unchanged since 2003, meaning its real value has also been subject to depreciation. This points to another avenue for amortizing the rising criminalization level of this offense: the reduction in the punitive potential of the fine. Third, within the segment of imposed imprisonment for this crime, there is a consistent trend towards shorter sentences. To test the hypothesis's validity, we attempted to determine whether these trends are general and inherent to other offenses as well. The available data do not refute the conclusions drawn. For instance, in 2010, 123 thousand individuals were sentenced to a fine, while in 2020, the number was only 61 thousand. Considering the overall decline in the number of convicted individuals, the proportion of those sentenced to a fine in the conviction structure decreased by 2.99% over ten years. Regarding imprisonment, shorter sentences are occupying an increasingly significant place in the overall punishment structure for crimes. However, for offenses with non-indexed consequences, as in the case of Part 3, Article 158 of the Criminal Code, such growth is significantly more pronounced. For example, while the overall share of imprisonment sentences of up to 1 year increased from 12% to 22% between 2009 and 2023, for the examined offense, it grew from 4% to 25%.

Keywords: criminal punishment, liability for theft

For citation: Valeev, M.T. (2025) The "amortization" effect of inflationary processes in the imposition of criminal punishment: The example of penalties for theft. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 115–117. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/19

В конце 2003 г. законодатель внес ряд изменений в Уголовный кодекс РФ, после которых доход, ущерб, совершение тех или иных уголовно-противоправных действий, в том числе из гл. 21 УК РФ, в привязке к размеру более не исчислялись в «плавающих» условных единицах – минимальных размерах оплаты труда, а стали предусматривать фиксированные твердые суммы и исчисляться в рублях. Переход исчисления

последствий и «размера» преступления с МРОТ на фиксированные суммы имел довольно очевидные преимущества и такие же очевидные недостатки. Первые связаны с большей определенностью, понятностью и предсказуемостью закона. Вторые подразумевают инфляцию и связанные с ней последствия в виде обесценивания денег, падения их покупательной способности и т.д.*

* По данным Росстата инфляция в России составила в 2023 г. 7,42%, 2022 – 11,94%, 2021 – 8,39%, 2020 – 4,9%, 2019 – 3,0%, 2018 – 4,3%, 2017 – 2,5%, 2016 – 5,4%, 2015 – 12,9%, 2014 – 11,3%, 2013 – 6,5%, 2012 – 6,6%, 2011 – 6,1%, 2010 – 8,8%, 2009 – 8,8%, 2008 – 13,3%,

2007 – 11,9%, 2006 – 9,0%, 2005 – 10,9%, 2004 – 11,7%, 2003 г. – 12,0%, т.е. за время действия нормы, изменяющей подход к исчислению последствий инфляция превысила сто процентов.

Деньги, указанные в качестве последствия преступления, имеют определенную покупательную способность. Она не остается неизменной на протяжении времени и, как правило, снижается. Так, по данным Росстата, в 2003 г. один килограмм муки высшего сорта стоил 11,4 руб., в 2010 г. – 21,5 руб., в 2020 г. – 41,6 руб., в 2024 г. – 53,96 руб. Изменение покупательной способности денег, конечно, влияет на преступность деяния – на уровень его криминализации. При фиксированном (неизменном) размере последствия за преступление тем ниже будет фактическая (объективная) граница преступности деяния, чем меньшей покупательной способностью обладают деньги в этом размере. Так, последствие в размере 250 000 рублей, закрепленное за некое преступление в 2003 г., если этот размер оставался неизменным, в 2024 г. при ежегодном уровне инфляции в государстве будет нести уже совершенно иной «заряд преступности деяния». В 2024 г. то же последствие за то же преступление значительно обесценится и не будет отражать реальных представлений законодателя об оценке общественно опасного деяния на момент установления такого размера в 2003 г. Это значит, что если в 2003 г. для квалификации, например, кражи в крупном размере нужно было украсть 22 т пшеничной муки, то в 2024 г. для квалификации этого же хищения достаточно украсть лишь пять тонн. Значит, должна измениться и оценка деяния, данная в санкции, либо законодателем, либо правоприменителем. Идеально, если это делает законодатель. Однако он вряд ли способен с необходимой оперативностью и достаточной гибкостью обеспечивать должную реакцию на подобные изменения, а кроме того, всякий раз это невозможно в силу важного условия последовательной и эффективной уголовной политики – стабильности уголовного закона.

В такой ситуации уместно задаться вопросом: если динамика уровня криминализации, обусловленная обесценением тех фиксированных сумм денежных средств (инфляцией), что указаны в качестве последствий некоторых преступлений с материальными составами, объективно существует, то существует ли соответствующая ей динамика уголовной репрессии со стороны правоприменителя за эти преступления, либо ее уровень (степень) остается неизменным на протяжении времени? Иными словами, происходит ли амортизация (фр. *amortir* – ослаблять, смягчать; лат. *amortisatio* – «ослабление» [1]) повышения уровня криминализации снижением уровня её фактической наказуемости (коль скоро не приходится говорить о снижении этого уровня законодателем)? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из гипотезы: *при неизменности размера последствий преступления, фактическое содержание которого меняется в результате инфляции на относительно продолжительном периоде времени, должна наблюдаться динамика снижения размера наказания, ведь раз обесценивается пороговое значение преступления, значит, должна обесцениваться и цена расплаты за это преступление.*

Для ответа на этот вопрос рассмотрим на конкретном примере, верна ли предложенная гипотеза. Как отмечалось выше, изменениями от 25.11.2003 г. № 162-ФЗ [2] в

примечание 4 к ст. 158 УК РФ были внесены изменения – законодатель перешел от определения понятия крупного размера, кратного МРОТ, к фиксированным единицам, определив его превышающим 250 000 рублей. В таком виде норма существует до настоящего времени. При этом санкция нормы ч.3 ст. 158 УК РФ, предусматривающая ответственность за кражу в крупном размере в виде лишения свободы, оставалась с 2003 г. по настоящее время практически неизменной, претерпев некоторые изменения 07.03.2011 г. [3] – исчезла нижняя граница санкции, и если до изменения лишение свободы предусматривалось на срок от двух до шести, то после изменения и по настоящее время «до шести лет». Размер штрафа не изменялся.

С.А. Елисеев справедливо настаивал на эффективности наказания в виде штрафа за преступления корыстной направленности как формирующего у преступника контрмотив и способствующего предупреждению преступления [4. С. 30]. Проследим на графиках, как менялась доля применения лишения свободы, штрафа, условного осуждения за это преступление в течение времени, а также какой была динамика применения сроков лишения свободы (данные в диаграммах приведены с 2009 г. – с этого года они доступны на сайте Судебного департамента при ВС РФ по 2023 г.).

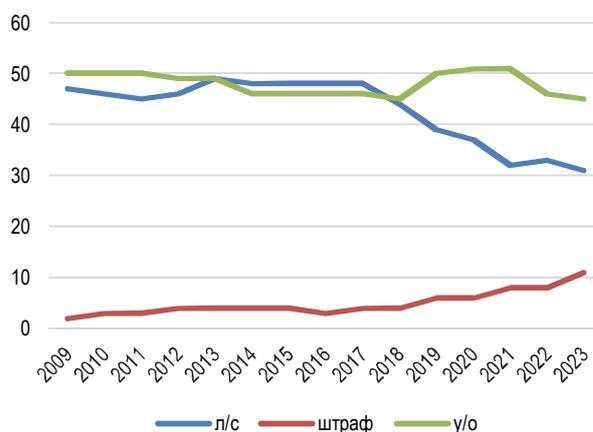

Рис. 1. Динамика наиболее часто применяемых мер по ч. 3 ст. 158 УК РФ, %

Выводы по рис. 1:

1. Доля наказания в виде лишения свободы в структуре применяемых мер к лицам, осужденным по ч. 3 ст. 158 УК РФ, за 14 лет (с 2009 по 2023 г.) имела устойчивую тенденцию к снижению – в среднем на 1,1% ежегодно.

2. Параллельно росло применение альтернативы лишению свободы – штрафа как основного наказания. Прирост составил около 1% ежегодно.

3. Доля условного осуждения оставалась неизменной и колебалась в пределах 46–51%.

Санкция предусматривает лишение свободы до 6 лет. В графике не приводятся сведения о колебаниях санкции в сегменте 5–6 лет в силу отсутствия репрезентативности. На долю этого сегмента в 2009–2023 гг. приходилось менее 1% случаев.

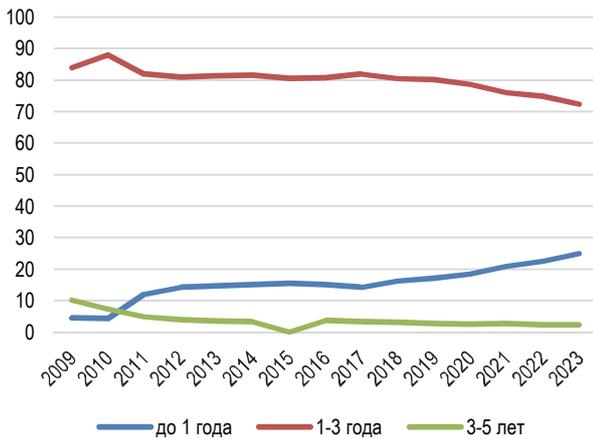

Рис. 2. Динамика структуры наказания в виде лишения свободы, назначаемого по ч. 3 ст. 158 УК РФ, %

Выводы по рис. 2:

1. Лишение свободы в сегменте до 1 года выросло значительно – в 6 раз, т.е. до 25%. Если в 2009 г. лишение свободы в этом размере назначалось в каждом 22-м случае, то в 2023 г. – в каждом 4-м.

2. Лишение свободы в сегменте 1–3 года (на него приходится медиана санкции) имела тенденцию к постепенному снижению с максимума 88% в 2010 г. до минимума 72% в 2023 г.

3. Наказание в сегменте 3–5 лет снизилось более чем в 4 раза – с 10,3 до 2,3%.

Изложенное позволяет настаивать на правильности предложенной гипотезы. Назначаемое наказание «амортизирует» обесценение преступного последствия и происходящее с ним повышение уровня криминализации деяния, что подтверждается следующим. Во-первых, доля наказания в виде лишения свободы неуклонно снижается, суды всё чаще назначают наказание в виде штрафа. Во-вторых, размер штрафа с 2003 г. в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ не менялся, а значит, его размер тоже подвергался обесценению. Это позволяет констатировать еще одно направление амортизации повышения уровня криминализации этого преступления – снижение карательного потенциала штрафа. Во-вторых, наказание в сегменте назначаемого лишения свободы за рассматриваемое преступление имеет устойчивую тенденцию к снижению срока.

Проверяя истинность приведенной выше гипотезы, мы постарались выяснить, не являются ли приведенные тенденции общими, присущими и другим составам. Имеющиеся данные не опровергают полученных выводов. Так, если в 2010 г. к штрафу были приговорены 123 тыс. чел., то в 2020 г. – всего 61 тыс. чел. В процентном соотношении доля осужденных к штрафу в структуре судимости за десять лет снизилась на 2,99%. Что касается лишения свободы, то доля кратких сроков занимает все более значимое место в общей структуре наказаний за преступления. Однако в преступлениях с неизменяющимся последствием, как в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 158 УК РФ, такой рост значительно выше. Так, если в общем доля наказания в виде лишения свободы до 1 года за период с 2009 по 2023 г. выросла с 12 до 22%, то за рассмотренное преступление – с 4 до 25%.

Список источников

1. Малый академический словарь / ред. А.П. Евгеньева. М., 1957–1960 (2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984).
2. Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848.
3. Собрание законодательства РФ. 14.03.2011. № 11. Ст. 1495.
4. Елисеев С.А. Применение штрафа за корыстные преступления // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 26–31.
5. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 21.10.2025).

References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Malyy akademicheskyy slovar'* [The Concise Academic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk,
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2003) 15.12.2003. 50. Art. 4848. (In Russian).
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2011) 14.03.2011. 11. Art. 1495. (In Russian).
4. Eliseev, S.A. (1980) *Primenenie shtrafa za korystnye prestupleniya* [Application of a Fine for Mercenary Crimes]. In: *Voprosy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Improving the Effectiveness of Crime Control]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–31.
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation (n.d.) *Judicial Statistics Data*. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 21st October 2025). (In Russian).

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mtv666@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Penal Law and Criminology, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 343.97

doi: 10.17223/23088451/26/20

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ЦЕЛИ, ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ

Ольга Валерьевна Филиппова¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, ovalfilippova@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания комплексной системы криминологического мониторинга рецидивной преступности. Подчеркивается, что удельный вес рецидива в структуре преступности остается стабильно высоким, а региональные различия – значительными. Отмечается отсутствие единой информационно-аналитической платформы и недостаточная координация между субъектами профилактики, что снижает эффективность государственной политики в этой области. Предлагается формирование специализированного механизма мониторинга под координацией Министерства юстиции РФ, основанного на интеграции субъектов профилактики, регулярном анализе и прогнозировании тенденций рецидива. Реализация данного подхода послужит повышению эффективности профилактических мер и уровня безопасности населения.

Ключевые слова: рецидивная преступность, мониторинг преступности, уголовная политики, противодействие рецидивной преступности

Для цитирования: Филиппова О.В. Криминологический мониторинг рецидивной преступности: цели, предмет и методы // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 118–121. doi: 10.17223/23088451/26/20

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/20

CRIMINOLOGICAL MONITORING OF RECIDIVIST CRIME: GOALS, SUBJECT, AND METHODS

Olga V. Filippova¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation, ovalfilippova@yandex.ru

Abstract. Recidivist crime in Russia continues to pose a serious threat to public and state security. It accounts for up to a third of investigated crimes, has a stable character, and exhibits territorial differences. A deficiency of the contemporary prevention system is the lack of comprehensive criminological monitoring of the state of recidivist crime and the effectiveness of countermeasures against it. The creation of a specialized monitoring mechanism is proposed, coordinated by the Ministry of Justice of the Russian Federation, based on the integration of interdepartmental data and the use of a unified information platform. Such an approach will enable regular collection, analysis, and forecasting of recidivist crime trends, improve the quality of managerial decisions, and enhance the effectiveness of preventive measures. The implementation of monitoring will contribute to strengthening law and order and increasing personal and public safety.

Keywords: recidivist crime, crime monitoring, criminal policy, counteraction to recidivist crime

For citation: Filippova, O.V. (2025) Criminological monitoring of recidivist crime: Goals, subject, and methods. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 118–121. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/20

Рецидивная преступность – одна из наиболее сложных и устойчивых проблем современной уголовной политики. Она представляет серьезную угрозу общественной и государственной безопасности и создает значительную нагрузку на правоохранительные органы и судебную систему. Несмотря на некоторое снижение абсолютных показателей преступлений ранее судимых лиц в последние годы (с 356 384 в 2022 г. до 288 531 в 2024 г.), ее удельный вес в общей структуре российской преступности остается стабильно высоким (32–33%), что указывает на сохраняющиеся системные проблемы в области работы с осужденными и освобожденными в постпенальный период [1].

Рецидивная преступность в России имеет серьезные территориальные различия: наиболее высокая криминальная активность ранее судимых лиц традиционно регистрируется в Сибирском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах. Так, по данным за 2024 г. коэффициент рецидивной преступности на 100 тыс. населения в этих регионах достигал 271,0, 258,3 и 251,5 соответственно (при среднероссийском показателе 197,4). Наиболее низкие коэффициенты наблюдаются в Центральном федеральном округе – 142,1 [1]. Такая ситуация сохраняется на протяжении многих лет, что свидетельствует о стабильности криминогенных факторов и необходимости принятия мер, учитывающих региональную специфику. В данных условиях систематический

мониторинг рецидивной преступности выступает важным инструментом разработки и корректировки государственной политики в сфере противодействия преступности [2. С. 233].

Криминологический мониторинг представляет собой научно обоснованную систему регулярного наблюдения, измерения, оценки и прогнозирования криминальной ситуации, криминогенной обстановки, а также результативности принимаемых мер по предупреждению правонарушений [3. С. 122]. Данный вид мониторинга является важнейшим элементом государственной политики в сфере обеспечения правопорядка, поскольку позволяет формировать объективную и комплексную картину преступности, выявлять ее изменения и тенденции, а также разрабатывать научно обоснованные управленческие решения. Криминологический мониторинг составляет информационную основу системы противодействия преступности. Значимость актуальной и достоверной криминологической информации подчеркивалась еще в XIX в.: так, Ф. фон Лист указывал, что специалист в области уголовной политики неизбежно окажется дилетантом, если лишен надежной научной базы, обеспечиваемой полным и точным знанием фактов [4. С. 7].

Целью криминологического мониторинга выступает разработка и внедрение научно-практических рекомендаций, ориентированных на совершенствование социально-правовых механизмов предупреждения преступности, укрепление правопорядка и обеспечение личной и общественной безопасности. Иными словами, речь идет не только о констатации фактического положения дел, но и о создании условий для выработки эффективных превентивных стратегий, направленных на снижение уровня криминальных угроз.

В рамках данного подхода предмет криминологического мониторинга охватывает широкий спектр взаимосвязанных элементов, среди которых:

- криминологическая ситуация, в том числе количественные и качественные изменения преступности;
- криминогенная обстановка, включающая совокупность социально-экономических, политических, культурных и иных факторов, способствующих совершению преступлений;
- эффективность деятельности по предупреждению преступности, выражающаяся в оценке результативности реализуемых мер;
- меры по повышению эффективности профилактики преступности, предполагающие совершенствование организационно-правовых механизмов и ресурсного обеспечения.

Проведение криминологического мониторинга основывается на ряде принципов, которые обеспечивают его научную состоятельность и практическую применимость. Так, принцип научности предполагает использование общепринятой терминологии, методик и стандартов, соответствующих национальной и международной практике. Это обеспечивает сопоставимость данных, их достоверность и возможность объективного анализа. Принцип системности требует четкой регламентации всех компонентов мониторинга, включая определение

субъектов и объектов наблюдения, установление четких процедур и методик анализа, формирование правовых основ, а также фиксацию исходных данных и форм представления конечных результатов. Принцип доступности и открытости подразумевает, что итоговая информация о состоянии преступности и результативности мер противодействия должна носить публичный характер. При этом необходимо соблюдение установленного режима ограниченного доступа к исходным данным, содержащим сведения ограниченного распространения или конфиденциального характера.

Таким образом, криминологический мониторинг преступности представляет собой не просто инструмент статистического учета, а комплексную, научно обоснованную систему, обеспечивающую информационную основу для разработки и корректировки уголовной политики. Его системное и методически выверенное проведение является необходимым условием для эффективного противодействия преступности в целом и рецидивной преступности в частности.

Содержательная сторона мониторинга включает целенаправленный сбор, обработку и анализ данных, необходимых для выработки выводов и рекомендаций, применимых к различным аспектам уголовной политики – от стратегического планирования до корректировки реализуемых мер профилактики [5. С. 197].

На сегодняшний день, несмотря на нормативное закрепление организационных основ системы профилактики, включающих координацию и мониторинг деятельности в сфере профилактики правонарушений (ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 82-ФЗ «О системе профилактики правонарушений») [6], комплексная система сбора, анализа и оценки информации о состоянии рецидивной преступности и эффективности применяемых мер отсутствует. Такой пробел системы противодействия рецидивной преступности препятствует выработке обоснованных управленческих решений, затрудняет реализацию превентивной функции уголовной политики, не позволяет выявлять и устранять причины низкой эффективности карательно-воспитательного воздействия. Более того, отсутствие целенаправленного мониторинга на федеральном и региональном уровнях ведет к фрагментарности и несогласованности усилий различных субъектов, снижает результативность антикриминогенного воздействия и повышает риск продолжения преступной деятельности ранее судимых лиц.

Отсутствие эффективного мониторинга состояния и результативности профилактических мер в отношении лиц, склонных к рецидиву, представляет собой серьезный институциональный недостаток, препятствующий формированию и реализации эффективной государственной политики в области противодействия рецидивной преступности.

В настоящее время профилактические и контрольные функции в отношении ранее судимых лиц распределены между различными ведомствами: учреждения, исполняющие наказания, и органы внутренних дел осуществляют контроль и индивидуальную профилактическую работу; учреждения здравоохранения обеспечивают лечение и медицинскую реабилитацию; органы занятости и социальной защиты оказывают содействие в

трудоустройстве и социальной адаптации. Отсутствие единой координационной платформы приводит к фрагментарности и несогласованности реализуемых мер и информации по их результатам, что снижает общий превентивный эффект.

Для обеспечения системного подхода к противодействию рецидивной преступности представляется целесообразным создание специализированного механизма ее мониторинга. Координатором данного процесса целесообразно определить Министерство юстиции РФ, наделив его полномочиями по централизованному сбору, обработке и анализу статистической, аналитической и социологической информации, поступающей от уполномоченных ведомств.

Участниками мониторинга должны выступать Генеральная прокуратура РФ, МВД России, ФСИН России, Следственный комитет РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ, научно-исследовательские институты, экспертные центры.

Целями мониторинга состояния рецидивной преступности и эффективности ее противодействия видятся:

1. Повышение уровня личной и общественной безопасности – снижение риска преступной активности ранее судимых лиц за счет превентивных мер.

2. Системное выявление и оценка тенденций рецидивной преступности – определение динамики состояния и структуры, территориальной распространенности преступной активности ранее судимых лиц на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

3. Анализ факторов, способствующих рецидиву.

4. Оценка результативности профилактических мер – определение степени эффективности мер уголовно-правового воздействия, а также мер социально-экономического, медицинского, педагогического и иного характера, направленных на профилактику новых преступлений.

5. Выявление пробелов в межведомственном взаимодействии – анализ согласованности действий субъектов профилактики, определение недочетов и упущений в системе обмена информацией и координации.

6. Прогнозирование уровня рецидивной преступности – разработка научно обоснованных прогнозов с учетом социальных, экономических и криминологических факторов.

7. Разработка и корректировка государственной и региональной уголовной политики – формирование научно-практических рекомендаций в целях совершенствования законодательных и организационных мер.

Предмет криминологического мониторинга рецидивной преступности охватывает совокупность количественных и качественных характеристик, отражающих как само явление, так и условия его формирования, динамику и последствия. Так, в предмет мониторинга входит:

– уровень рецидивной преступности – количественные показатели (число и удельный вес повторных преступлений) и качественные характеристики (вид, тяжесть, способ совершения);

– структура рецидивной преступности – распределение по видам преступлений, категориям осужденных, регионам и социально-демографическим группам;

– кримиогенная обстановка в отношении ранее судимых лиц – уровень их социальной адаптации, занятости, бытовой устойчивости, а также влияние внешних факторов (социальная напряженность, экономическая нестабильность);

– эффективность профилактических и контрольных мер – результативность работы уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел, служб занятости, здравоохранения и социальной защиты;

– состояние межведомственного взаимодействия – качество и регулярность обмена информацией, степень согласованности действий ведомств, задействованных в профилактике рецидива;

– ресурсное обеспечение профилактики – наличие кадровых, финансовых и технических возможностей для реализации комплексных мер;

– региональные особенности рецидивной преступности – влияние местных социально-экономических условий на уровень и характер повторной преступности.

Поскольку цели криминологического мониторинга направлены на выявление тенденций и причин преступности, а также на оценку эффективности мер по ее предупреждению, они должны быть сведены в перечне конкретных, измеримых показателей. В соответствии с обозначенным выше предметом можно выделить следующие группы показателей мониторинга рецидивной преступности:

1. Показатели состояния рецидивной преступности и ее динамики: коэффициент рецидивной преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения); удельный вес рецидивных преступлений в общей структуре преступности; распределение преступлений по видам (тяжкие, особо тяжкие, имущественные, насильственные и др.); региональные особенности рецидивной преступности.

2. Показатели благополучия населения и социальной напряженности: уровень безработицы, бедности, алкоголизации и наркотизации населения; показатели семейного благополучия, общественного недовольства, установленные на основе социологических опросов.

3. Показатели эффективности деятельности по предупреждению преступности: число проведенных профилактических мероприятий и охват целевых групп; показатели трудоустройства и социальной адаптации ранее судимых лиц; соотношение между количеством лиц, состоящих на профилактическом учете, и числом повторно совершивших преступления; уровень межведомственного взаимодействия (наличие совместных программ, обмен информацией), внедрение новых социальных и реабилитационных программ.

Методическая основа мониторинга должна включать комплекс количественных и качественных методов. К количественным относятся статистический анализ данных МВД России, ФСИН России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также анализ ведомственных отчетов; к качественным – экспертные опросы

специалистов, интервью с представителями правоохранительных органов и социальных служб, социологические исследования среди целевых групп.

Особое значение приобретает информационная интеграция: создание единой межведомственной базы данных, позволяющей в режиме реального времени фиксировать сведения о состоянии рецидивной преступности и результативности профилактических мер. Такая платформа должна обеспечивать возможность аналитической обработки данных, автоматической генерации статистических отчетов и формирования прогнозов.

Мониторинг следует осуществлять на постоянной основе с подведением итогов не реже одного раза в год. Итоговый аналитический отчет должен направляться в Правительство РФ, Совет Безопасности РФ, Государственную Думу и Совет Федерации.

На **региональном уровне** органы юстиции субъектов РФ осуществляют сбор, обобщение и первичный анализ данных, а территориальные органы исполнительной власти представляют в Минюст России квартальные отчеты с информацией о динамике рецидивной преступности и предложениями по корректировке региональных мер профилактики. Министерство юстиции обес-

печивает методическую и информационную поддержку субъектов, добиваясь единообразия подходов и процедур.

Таким образом, в современных условиях разработка единой комплексной и научно обоснованной системы мониторинга рецидивной преступности представляется необходимым условием совершенствования государственной уголовной политики. Видится целесообразным создание специализированного механизма криминологического мониторинга, координируемого на федеральном уровне Министерством юстиции РФ. Такой механизм должен опираться на информационную платформу, объединяющую данные всех субъектов профилактики, и обеспечивать регулярный сбор, анализ и прогнозирование тенденций рецидивной преступности. Комплексная реализация мониторинга позволит не только своевременно выявлять изменения в структуре и динамике рецидивной преступности, но и оценивать результативность мер профилактики, корректировать региональные и федеральные программы, формировать научно обоснованные рекомендации, направленные на снижение криминальной активности ранее судимых лиц, укрепление правопорядка и обеспечение личной и общественной безопасности.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 12.10.2025).
2. Филиппова О.В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 228–233.
3. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 122–125.
4. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. 152 с.
5. Игнатов А.Н. Криминологический мониторинг как составляющая механизма формирования и реализации уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 196–205.
6. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

References

1. Main Information and Analysis Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (2025) *The State of Crime in Russia for January-December 2024*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (Accessed: 12th October 2025). (In Russian).
2. Filippova, O.V. (2023) The state of recidivism and the socio-economic situation of the region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 228–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/23
3. Klishkov, V.B., Pasyнков, V.V. & Stebeneva, E.V. (2017) Kriminologicheskii monitoring: znachenie, etapy, metodika [Criminological Monitoring: Significance, Stages, Methodology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (76). pp. 122–125
4. List, F. (2004) *Zadachi ugovolnoy politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie* [Tasks of Criminal Policy. Crime as a Socio-Pathological Phenomenon]. Moscow.
5. Ignatov, A.N. (2015) [Criminological Monitoring as a Component of the Mechanism for Forming and Implementing Criminal Policy]. *Sovremennye problemy ugovolnoy politiki* [Modern Problems of Criminal Policy]. Proceedings of the 6th International Conference. Krasnodar. pp. 196–205. (In Russian).
6. Russian Federation. (2016) "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii": Federal'nyi zakon ot 23.06.2016 g. № 182 ["On the Foundations of the System for the Prevention of Offences in the Russian Federation": Federal Law No. 182 of 23.06.2016]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 26 (I). Art. 3851. (In Russian).

Информация об авторе:

Филиппова О.В. – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Filippova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.98

doi: 10.17223/23088451/26/21

ВИРТУАЛЬНАЯ СЦЕНА В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Николай Трофимович Ведерников¹, Владимир Лишиньевич Юань²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*
² *Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия, it-rigon@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь поведения в компьютерных играх на примере стрелялок (шутеров) с преступлениями, совершаемыми в действительности. Принято считать, что компьютерные игры, в которых широко распространены насилие и жестокость, положительно влияют на рост преступности. Исследование поведения игрока в компьютерных играх может обеспечить криминалистическое знание о его личности, выявить преступную мотивацию, а в перспективе стать источником криминалистически значимых сведений о личности игрока, который только планирует совершить преступление, «репетируя» перед этим преступление в компьютерной игре.

Ключевые слова: личность преступника, поведение, компьютерные игры, подготовка к преступлению, мотив

Для цитирования: Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Виртуальная сцена в компьютерных играх как источник криминалистически значимой информации о личности преступника: постановка проблемы // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 122–125. doi: 10.17223/23088451/26/21

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/21

THE VIRTUAL SCENE IN COMPUTER GAMES AS A SOURCE OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION ABOUT AN OFFENDER'S PERSONALITY: PROBLEM FORMULATION

Nikolai T. Vedernikov¹, Vladimir L. Yuan²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*
² *West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation, it-rigon@mail.ru*

Abstract. The contemporary entertainment industry offers a wide range of computer games across various genres. At the same time, like any leisure activity, computer games have become a locus for concentrating forensically significant information about the personalities of players, especially if these players subsequently commit crimes that bear a suspicious resemblance to actions preliminarily rehearsed in some form within these virtual environments. Prevailing trends in the modern world of virtual entertainment suggest that the number of people choosing this form of leisure will grow, and consequently, the volume of sources containing forensically significant information will increase. In the future, the emergence of a new type of examination related to the study of in-game behavior is possible. It is considered justified that such an examination would be a subtype of forensic psychological examination.

Keywords: offender's personality, behavior, computer games, crime preparation, motive

For citation: Vedernikov, N.T. & Yuan, V.L. (2025) The virtual scene in computer games as a source of forensically significant information about an offender's personality: Problem formulation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 122–125. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/21

Компьютерные игры прочно вошли в жизнь современного человека; с ростом технических возможностей растет предложение: сегодня уже мало кто не слышал об индустрии виртуальных развлечений. Речь идет не только об играх на ПК, но и играх на смартфонах. Появление еще одного способа досуга привлекает внимание криминалистической науки, поскольку современное отечественное право уже далеко не первый год прочно исследует все, что

связано с правоотношениями, возникающими и протекающими преимущественно в виртуальном пространстве.

Зарубежные и отечественные исследования, изучающие взаимосвязь между насильственными преступлениями (violent crimes), преступлениями против жизни и здоровья с насилием в компьютерных играх, преимущественно в жанре стрелялок (shooters), в большинстве своем признают наличие влияния жестокости в компью-

терных играх на личность, связывая с этим и рост преступности в целом. Так, не все зарубежные исследователи считают, что насилие в компьютерных играх влияет на преступность в реальности, некоторые исследователи указывают на отсутствие прямых доказательств, подтверждающих значимую прогностическую связь между воздействием жестоких видеоигр и насильственной преступностью [1. Р. 51–52], отмечая, что регулирование, направленное на сокращение уровня жестокости в играх (игровом контенте), способно снизить агрессию игроков (геймеров) в долгосрочной перспективе, но потенциально также может привести к всплеску преступности в краткосрочной перспективе [2. Р. 25–26].

В то же время отечественные исследователи фиксируют устойчивые взаимосвязи между насилием в компьютерных играх и криминализацией лиц подросткового возраста [3. С. 34; 4. С. 42–43] и не только подросткового [5. С. 9].

Давая оценку установленным неоднозначным взаимосвязям между насилием и жестокостью в компьютерных играх и совершением преступлений следует исходить из разницы в мотивации игроков. Очевидно, что следует отличать профессионального киберспортсмена от игрока-любителя, также очень многое зависит от жанра игры и ее контента. Внутриигровое поведение является отражением психологических свойств, поскольку игрок-любитель, даже не отождествляя себя с игровым персонажем, не сопоставляя события в виртуальном пространстве с событиями из реальной жизни, проводит таким образом свой досуг, а значит, имеет свой личный интерес и невольно может проецировать в игру свои желания, не всегда в полной мере осознаваемые. По всей видимости, требуются более детальные и глубокие исследования влияния игровой мотивации на психологию преступника, которые могут быть затруднены ввиду того, что, как правило, в компьютерные игры вовлечены больше молодые люди, а значит, выборка будет в значительной степени зависеть от возраста исследуемых испытуемых. Нужно заметить, что в настоящее время все еще доминирует устойчивая недооценка преступлений, связанных с компьютерными играми [6. С. 259], хотя рост внимания правоохранительных органов к этой сфере все же имеет отчетливую тенденцию к росту.

Среди внутриигровой мотивации наиболее опасной, как представляется, является мотивация проигрывания сценария будущего преступления, поскольку именно в этом случае имеется прямая связь между внутриигровым поведением и преступным поведением вовне. В таком разрезе игра представляет собой сцену, на которой репетируется будущее преступление; к примеру, в последние несколько месяцев в России произошло два нашумевших преступления, в которых компьютерные игры оказались замешаны напрямую:

29.09.2025 г. в заголовках отечественных СМИ вышла новость о том, что студент, напавший на техникум в Архангельске, репетировал атаку в игре Minecraft [7].

14.10.2025 г. вышла вторая новость: Фанат GTA 5 раздробил голову 19-летнему другу в Петербурге. Он репетировал убийство в игре [8].

Несмотря на схожесть, оба случая имеют ряд существенных различий:

1. В первом случае отсутствуют сведения об установленном наличии у подозреваемого лица отклонений психического характера, во втором случае была запланирована психолого-психиатрическая экспертиза.

2. В первом случае имелся устойчивый интерес к одному конкретному сценарию, который проигрывался как минимум дважды в Minecraft, во втором случае конкретного акцента на потерпевших и месте совершения убийства не было, сценарий проигрывался в компьютерных играх Red Dead Redemption 2 и Grand Theft Auto 5 без привязки к объектам и людям из реального мира, но, помимо игр, он создавал с помощью ИИ сцены со взрывами голов.

3. В первом случае мотивом нападения могла быть месть, во втором случае фигурирует «навязчивая идея об убийстве».

4. В первом случае не было предпринято попытки суицида, однако поскольку нападавшего сумели обезвредить, неясно, могла бы такая попытка быть предпринята впоследствии при других обстоятельствах; во втором случае после совершения преступления нападавший предпринял попытку суицида.

5. В первом случае преступление было совершено в общественном месте при скоплении людей, во втором – в квартире.

Несмотря на различия, общим в описанных преступлениях являются компьютерные игры, увлечение которыми предшествовало непосредственному нападению и у которых прослеживаются следующие общие черты:

1. Нападающих интересовал жанр игр «от первого лица» (Shooter) или «от третьего лица» с возможностью переключаться на режим «от первого лица».

2. Жертвами убийств в указанных играх выступали люди.

3. Убийства в компьютерных играх происходили с использованием огнестрельного оружия (Minecraft, Red Dead Redemption 2 и Grand Theft Auto 5).

4. В реальности убийства были совершены после публикации с использованием ножей и молотка.

Анализ внутриигрового поведения в сопоставлении с реальными преступлениями, которые были совершены после, позволяет отметить следующие закономерности.

1. Существенно отличается сцена, которая была в компьютерных играх перед совершением преступлений, следовательно, если потенциальный преступник планирует нападение на конкретных людей в конкретном месте, он будет использовать внутриигровые возможности для создания обстановки, похожей на настоящую: то же здание, те же помещения, та же планировка и т.д., придание внутриигровым персонажам внешнего облика, наиболее близкого к прототипам реальных людей, присвоение им тех же имен. В случае, если параллели с реальными местами и людьми отсутствуют, возможно, мотивация отличается, а в компьютерной игре отрабатываются лишь способы и средства совершения преступления.

2. Отличие использованных в игре и в реальном мире орудий совершения преступления говорит о том, что в

компьютерной игре лишь проигрывается желаемый сценарий, компьютерная игра не становится тренировочной площадкой, в которой происходит так называемая репетиция, а значит, взаимосвязь между используемым способом и орудием совершения убийств в компьютерных играх и в реальной жизни не является устойчивой и очевидной.

3. Маркеры, свидетельствующие о том, что внутриигровое поведение игрока, связанное с убийством персонажей в игре в будущем, может быть воплощено в форме нападения на настоящих людей, не очевидны, однако наиболее подозрительным с этой точки зрения может быть следующее внутриигровое поведение:

а) игры, в которых присутствует возможность уничтожения персонажей, похожих на людей;

б) происходит целенаправленное нападение, вне всякой зависимости от внутриигрового сюжета;

в) нападение производится в местах, имеющих реальный прототип в настоящей действительности;

г) игрок глумится и издевается над жертвами: отрывает им конечности, совершает множество ударов и (или) выстрелов, наблюдает за мучениями внутриигровых персонажей, совершает массовые убийства внутри игры, уродует трупы.

Безусловно, однозначно сказать, что такое внутриигровое поведение является свидетельством того, что такой игрок в будущем совершит убийство, нельзя, однако насторожить должно такое обстоятельство, если вдруг игрок выкладывает записи с подобными сценами насилия и жестокости в публичное пространство, хвастается и гордится этим через социальные сети, мессенджеры, форумы и т.д. Подозрительной может быть даже одна такая опубликованная запись, поскольку она может послужить своеобразным «манифестом» или даже предвестником реального преступления.

В настоящее время мониторинг публичного пространства Интернета осуществляется на вполне приемлемом уровне, поэтому подобные публикации должны насторожить сотрудников правоохранительных органов; вместе с тем в будущем, возможно, станет актуальной экспертиза внутриигрового поведения игроков на предмет наличия предрасположенности к совершению преступлений против жизни и здоровья, в связи с чем имеет смысл предпринять попытку сформулировать вероятные вопросы такой экспертизы:

1. Являются ли людьми убитые игроком внутриигровые персонажи (включая случаи, когда они внешне похожи на людей)?

2. Происходит ли избиение и (или) убийство внутриигровых персонажей (NPC) вне рамок сюжетной линии?

3. Какие способы убийства используются игроком?

4. Используются ли игроком изощренные средства поражения внутриигровых персонажей?

5. Производится ли издевательство и глумление над телами убитых персонажей, расчленение трупов и т.п. вне сюжетной линии?

6. Какие участки тела внутриигровых персонажей подвергаются целенаправленным ударам (целенаправленные удары в область половых органов внутриигровых персонажей могут с высокой степенью вероятности свидетельствовать о психологических проблемах сексуального характера у игрока)?

7. Имеют ли внутриигровые персонажи прототипы реальных людей? (например, придание им аналогичных ФИО).

8. Повторяются ли игроком сцены с убийством внутриигровых персонажей на регулярной основе?

9. Имеется ли у игрока разнообразие в игровых жанрах (например, игры от первого или третьего лица, так как стрелялки (Shooters) и ролевые игры наиболее подходят под проигрывание сцен насилия и убийств в условиях, близких к реальным)?

10. Какая мотивация стоит у игрока за убийством внутриигровых персонажей (личная неприязнь, связь с прототипом реального человека, интерес, эксперимент и др.)?

Разумеется, два проанализированных случая – это совсем мало для полноценного масштабного исследования. В перспективе внутриигровое поведение тоже должно стать и станет еще одним источником криминалистически значимой информации о личности, поскольку игра – это форма досуга, в котором максимально отражаются личностные особенности, черты и свойства, а именно знание о них способно решить задачи не только по эффективному расследованию преступлений, но и разработать комплекс мер по предупреждению совершения преступлений. Нельзя отрицать, что анализ конкретных случаев (кейсов) – это современная тенденция в науках о человеке, на сегодняшний день, ставшая неотъемлемой частью отечественных научных традиций, тем не менее изучение ограниченного количества событий и обстоятельств, если это не соответствует достаточности статистической выборки, является лишь гипотезой, а в данном исследовании, когда явление еще недостаточно изучено, гипотеза, базирующаяся на ограниченном количестве конкретных случаев, есть явление закономерное и естественное.

Список источников

- Smith S., Ferguson C., Beaver K. A longitudinal analysis of shooter games and their relationship with conduct disorder and self-reported delinquency // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2018. № 58. P. 48–53.
- Cunningham A.S., Engelstätter B., Ward M.R. Understanding the Effects of Violent Video Games on Violent Crime // *ZEW Discussion Papers*. 2011. № 11-042. P. 1–42.
- Питащук Е.Е. Взаимосвязь компьютерных игр и преступности // *Вопросы студенческой науки*. 2022. № 11 (75). С. 30–38.
- Сафин Ф.Ю., Баженов А.В. Деструктивное влияние игрового компьютерного контента на криминализацию несовершеннолетних // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. № 1, т. 16. С. 39–46.
- Антонян Ю.М. Преступное поведение как игра // *Общество и право*. 2024. № 2 (88). С. 9–13.
- Смушкин А.Б. Онлайн игры как пространство совершения преступлений // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 259–264.
- Кильдошкин Р. Игра Minecraft помогла спланировать нападение на техникум в Архангельске // *Газета.ru*. 2025. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/09/29/26837102.shtml> (дата обращения: 26.10.2025).

8. Кульчицкий Е. Фанат GTA 5 размоzzhil голову 19-летнему другу в Петербурге. Он репетировал убийство в игре // Газета.ru. 2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/10/14/21858434.shtml?updated> (дата обращения: 26.10.2025).

References

1. Smith, S., Ferguson, C. & Beaver, K. (2018) A longitudinal analysis of shooter games and their relationship with conduct disorder and self-reported delinquency. *International Journal of Law and Psychiatry*. 58. pp. 48–53.
2. Cunningham, A.S., Engelstätter, B. & Ward, M.R. (2011) Understanding the Effects of Violent Video Games on Violent Crime. *ZEW Discussion Papers*. 11-042. pp. 1–42.
3. Pitashuk, E.E. (2022) Vzaimosvyaz' komp'yuternykh igr i prestupnosti [The Interrelationship Between Computer Games and Crime]. *Voprosy studencheskoi nauki*. 11 (75). pp. 30–38.
4. Safin, F.Yu. & Bazhenov, A.V. (2022) Destruktivnoe vliyaniye igrovogo komp'yuternogo kontenta na kriminalizatsiyu nesovershennoletnikh [The Destructive Influence of Gaming Computer Content on the Criminalization of Minors]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. 1 (16). pp. 39–46.
5. Antonyan, Yu.M. (2024) Prestupnoye povedeniye kak igra [Criminal Behavior as a Game]. *Obshchestvo i pravo*. 2 (88). pp. 9–13.
6. Smushkin, A.B. (2021) Onlain igry kak prostranstvo soversheniya prestupleniy [Online Games as a Space for Committing Crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 468. pp. 259–264.
7. Kil'dyushkin, R. (2025) Igra Minecraft pomogla splanirovat' napadeniye na tekhnikum v Arkhangel'ske [The Game Minecraft Helped Plan an Attack on a Technical College in Arkhangelsk]. *Gazeta.ru*. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/09/29/26837102.shtml> (Accessed: 26th October 2025).
8. Kul'chitskiy, E. (2025) Fanat GTA 5 razmozzhil golovu 19-letnemu drugu v Peterburge. On repetroval ubiistvo v igre [A Fan of GTA 5 Bashed in the Head of a 19-Year-Old Friend in St. Petersburg. He Rehearsed the Murder in the Game]. *Gazeta.ru*. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2025/10/14/21858434.shtml?updated> (Accessed: 26th October 2025).

Информация об авторах:

Ведерников Н.Т. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Юань В.Л. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: it-rigon@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.T. Vedernikov, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Forensic Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

V.L. Yuan, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Law Disciplines, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.985.2

doi: 10.17223/23088451/26/22

ФОРМЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Владимир Александрович Завьялов¹

¹ *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, vladimirzavjalov@lenta.ru*

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает генезис воззрений ученых-криминалистов, исследовавших тактические операции и комбинации, с позиции комплексного характера приведенных тактико-криминалистических средств. Акцент сделан на позициях современников, которые исследовали тактические и тактико-процессуальные комплексы как самостоятельное явление. Автор приходит к выводу о том, что тактико-криминалистические комплексы выражаются вовне в виде двух форм: тактической операции и тактической комбинации.

Ключевые слова: тактико-криминалистические комплексы, тактические операции, тактические комбинации

Для цитирования: Завьялов В.А. Формы тактико-криминалистических комплексов // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 126–129. doi: 10.17223/23088451/26/22

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/22

FORMS OF TACTICAL-FORENSIC COMPLEXES

Vladimir A. Zavyalov¹

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, vladimirzavjalov@lenta.ru*

Abstract. The term "tactical complexes" has become established in science. A number of forensic scientists understand it as a complex combination of several tactical and operational combinations. Others point out that tactical operations combine complexes of procedural and/or non-procedural actions. Another group of scholars uses the term "tactical complex" in scientific discourse as a generic concept and, within this approach, already distinguishes two types of such complexes: tactical operations and combinations. According to the author, this approach is the most comprehensive and reflects modern views on the development of the doctrine of tactical operations and combinations. The author has studied semantic approaches to the concept of "form." By comparing these with the features of tactical complexes, the author has concluded that the meaning of the form of tactical complexes should be understood as their external manifestation, which is precisely tactical operations and combinations.

Keywords: tactical-forensic complexes, tactical operations, tactical combinations

For citation: Zavyalov, V.A. (2025) Forms of tactical-forensic complexes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 126–129. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/22

В современной криминалистической науке длительный период ученые оперируют рядом понятий, которые отражают в одном случае совокупность следственных действий с непроцессуальными средствами доказывания, в другом – совокупность тактических приемов, используемых при производстве отдельного следственного действия.

Не вдаваясь в семантическую дискуссию, как правильно именовать указанные выше явления, отметим более традиционный подход, по нашему мнению, к использованию терминов, которыми обозначают проявления совокупности процессуальных, непроцессуальных средств и тактических приемов в криминалистической науке.

Так, «упорядоченную совокупность следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных как процессуальных, так и непроцессуальных действий,

соответствующих процессуальных решений, проводимых по единому плану под единоличным руководством уполномоченного должностного лица, обусловленную сложившейся следственной ситуацией, для решения тактических задач предварительного расследования, когда иными средствами невозможно решить такую задачу» [1. С. 51], мы понимаем как тактическую операцию.

С свою очередь, совокупность тактических приемов, реализуемых в рамках следственного действия, которая имеет своей целью разрешение одной тактической задачи, следует считать тактической комбинацией [2. С. 183].

В процессе изучения рассматриваемых явлений ряд ученых стали указывать на их комплексный характер тактических операций и комбинаций.

Так, Н.Е. Мерецкий, давая определение оперативно-тактической комбинации, указывает, что «это определенное закономерное комплексное сочетание нескольких

тактических и оперативных комбинаций, запланированных и проводимых с использованием фактора внезапности в целях решения конкретных задач расследования, обусловленных данной следственной ситуацией» [3. С. 29].

Н.П. Яблоков, характеризуя тактическую операцию, пишет: «...более широкий тактический комплекс, включающий помимо деятельности следователя приемы и методы оперативно-розыскных, контрольно-ревизионных органов и иных вспомогательных служб, называется тактической операцией. Она может решать не одну, а несколько взаимосвязанных тактических задач как в стадии предварительного следствия, так и до возбуждения уголовного дела» [4. С. 407].

В.Ю. Сокол, давая определение тактической операции, помимо указания на то, что она является формой организации расследования преступлений, пишет о входящем в ее структуру комплексе взаимосвязанных следственных, оперативно-розыскных и иных действий [5. С. 164].

Другой вектор развития учения о комплексном характере тактических операций и комбинаций задали такие ученые, как А.В. Шмонин, Е.Н. Асташкина и др.

Е.Н. Асташкина и др. в работе, посвященной криминалистической тактике, говорят о наличии родового понятия, которым характеризуются криминалистические явления, сочетающие в себе множественность средств разрешения тактических задач. Таким понятием, исходя из позиции Е.Н. Асташкиной и др., является тактико-криминалистический комплекс, под которым понимается, «совокупность следственных действий, оперативно-розыскных, контрольно-ревизионных, технических и иных мероприятий, а также сочетание тактических приемов, реализуемых в рамках отдельного следственного действия. Указанные комплексы применяются с целью решения конкретных задач, возникших на определенных этапах расследования преступлений в условиях тех или иных следственных ситуаций» [6. С. 4].

При этом Е.Н. Асташкина и др. дифференцируют тактико-криминалистический комплекс на тактические операции и комбинации [6. С. 4].

Е.Н. Асташкина и др. конкретизируют понятие тактической операции, под которой понимают «систему согласованных и взаимосвязанных по целевому назначению следственных, оперативно-розыскных и иных действий, разрабатываемых с учетом сложившейся следственной (доследственной) ситуации, проводимых по плану и под руководством должностного лица для разрешения определенных тактических задач выявления, расследования и предупреждения преступлений» [6. С. 12].

А.Н. Асташкина и др. в своей работе определяют и тактическую комбинацию, которой считаю «оптимальное сочетание тактических приемов, применяемых в процессе производства отдельного следственного действия, направленное на решение конкретной промежуточной задачи расследования и обусловленное сложившейся следственной ситуацией» [6. С. 36].

В свою очередь А.В. Шмонин в своей работе «Методика расследования преступлений» реализует концепцию комплексного подхода к развитию родового понятия, объединяющего признаки исследуемых тактико-криминалистических средств; именуя его тактическим

комплексом и раскрывая этот термин, он пишет: «...тактический комплекс – это организационно-упорядоченная совокупность (система) тактических приемов и/или процессуальных действий, и/или оперативно-розыскных и/или иных мероприятий, направленная на разрешение задач предварительного расследования или обусловленная этой задачей и следственной ситуацией» [7. С. 349].

А.В. Шмонин включает в предлагаемую им систему тактических комплексов операции и, соответственно, комбинации.

Операция проявляется как «...комплекс процессуальных и иных действий (мероприятий), направленных на разрешение задачи предварительного расследования или обусловленных этой задачей и следственной ситуацией» [7. С. 347].

Давая определение тактической комбинации, А.В. Шмонин указывает, что это «...комплекс тактических приемов и/или процессуальных действий, направленных на разрешение задачи предварительного расследования или обусловленных этой задачей и следственной ситуацией» [7. С. 347].

Представляется весьма интересным подход к определению и значению тактических комплексов Е.В. Шишкиной, которая говорит, что тактическим комплексом является «совокупность следственных действий, выбор, последовательность и тактическое содержание которых определяются следователем на основе всесторонней оценки следственной ситуации, с учетом тактических возможностей в разрешении поставленной цели» [8. С. 43]. Е.В. Шишкина выстраивает иерархию комплексных тактических средств, подразумевая в ней, что в тактический комплекс, исходя из его структуры, может входить тактическая комбинация, а сам комплекс может являться составной частью тактической операции [8. С. 43].

Указанный автор определяет признаки тактических комплексов, которые позволяют дифференцировать его от иных смежных криминалистических терминов. К таким признакам она относит: 1) включение в структуру такого комплекса только следственных действий; 2) участием уголовного судопроизводства, реализующим комплексы, исключительно является следователь; 3) объединяющим признаком комплексов является наличие цели, носящей, как правило, локальный характер, и порождённые ей соответствующие промежуточные задачи; 4) связь элементов комплекса одним замыслом, который диктует избрание, очередность и тактический рисунок каждого из элементов [8. С. 45].

Несмотря на оригинальность высказанных идей, мнение Е.В. Шишкиной нам представляется не столь однозначным, поскольку В.И. Шикановым [9. С. 147–148], Л.Я. Драпкиным [10. С. 19–20] разработаны классификация тактических операций, к одному из видов которых они относят операции, включающие в себя исключительно следственные действия, и операции, соединяющие в себе следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия. Более того, за алгоритмичный характер и ситуационную обоснованность тактических операций ратует большая плеяда ученых криминалистов [11. С. 44; 12. С. 50–51, 13. С. 210; 14. С. 144].

В своей работе Е.В. Шишкина абсолютно верно говорит о неопределенности в языке прикладной уголовно-правовой науки в части использования различных категорий, обозначающих одно и то же явление [8. С. 40], но, невзирая на это, фактически вводит новый термин, который обозначает следственные однородные тактические операции. По нашему мнению, наличие или отсутствие каких-либо структурных элементов тактических операций, будь то следственные действия или же оперативно-розыскные мероприятия, не может влиять на появление нового по объему и по соотношению с иными тактико-криминалистическими средствами термина, который в целом отображает устоявшиеся признаки тактических операций.

Однако, как верно отмечает Е.В. Шишкина, структура тактических комплексов характеризуется своеобразием, и выделяет тактические комплексы, предусмотренные законом. К таким она относит следственные действия, состоящие в тактической и процессуальной взаимосвязи (в частности, допрос и очную ставку, допрос и опознание, допрос и проверку показаний на месте).

Действительно, «вторичные» следственные действия решают ряд тактических задач: устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц (ч. 1 ст. 192 УПК РФ); идентификация по мысленному образу (ч. 1 ст. 193 УПК РФ); установление новых обстоятельств, проверка ранее данных показаний (ч. 1 ст. 194 УПК РФ).

Несколько шире на комплексный характер ряда процессуальных действий смотрит Б.В. Асаенко, который к числу тактических комплексов также относит задержание, поскольку оно включает в себя личный обыск, являющийся самостоятельным следственным действием по своей сути [15. С. 565–568]. По нашему мнению, такого рода комбинация направлена на процессуальную экономию, а также на своевременное, исключающее уничтожение, обнаружение и изъятие следов, орудий или средств преступления у преступника, что также может быть отнесено к тактическим задачам.

С учетом этого мы считаем, что более целесообразным термином, отражающим тактические и процессуальные аспекты принятия решения о производстве очной ставки, опознания и проверки показаний на месте, задержания и его непосредственного производства, такого рода сочленение следственных действий целесообразней именовать тактико-процессуальными комплексами, которые не являются в чистом виде тактико-криминалистическими средствами и под которыми необходимо понимать сочетание следственных и/или процессуальных действий, обусловленное предписанием уголовно-процессуального закона и направленное на разрешение конкретной тактической задачи.

Таким образом, если говорить о тактическом комплексе как о тактико-криминалистическом средстве, то можно прийти к выводу, что он является родовым понятием по отношению к тактическим операциям и комбинациям,

объединяет в себе их признаки. Однако в криминалистической науке широко используется термин «форма», в настоящее время его можно встретить в учении об организации расследования (формы организации, формы планов расследования), в учении о криминалистической идентификации (формы криминалистической идентификации) и др.

Для уяснения семантического значения термина «форма» необходимо обратиться к словарям, в которых указанный термин интерпретируется в следующих значениях: «1. Способ существования содержания (во 2-м знач.), неотделимый от него и служащий его выражением. Единство формы и содержания. 2. Внешнее очертание, наружный вид предмета. Земля имеет форму шара. Квадратная ф. Предмет изогнутой ф. 3. Совокупность приемов и изобразительных средств художественного произведения. Повествовательная ф. Ф. стиха. 4. В языкознании: материальное выражение грамматического значения. Формы слова. Формы словоизменения. 5. Перен. Внешний вид, видимость (как нечто противоречащее внутреннему содержанию, действительности). Удобная ф. для прикрытия чего-н. По форме только правильно. 6. Установленный образец чего-н. Дать сведения по форме. Готовые лекарственные формы (готовые лекарства). 7. Приспособление для придания чему-н. тех или иных очертаний. Литейная ф. Ветчина в форме (спрессованная в таком приспособлении). 8. Одинаковая по покрою, цвету одежда (у военных, у служащих одного ведомства, учащихся). Офицерская ф. Парадная ф. Школьная ф. 9. мн. Очертания частей тела, фигура (разг.). Красавица с пышными формами. * В форме – 1) в таком состоянии, что может проявить все свои силы, способности, умение; собран, подтянут. Спортсмен сегодня в хорошей форме; 2) чего, в знач. предлога срод. я., в виде чего-н., будучи выражен, оформлен каким-н. образом. Доклад в форме тезисов. П прш. формальный, -ая, -ое (к 1 – спец., 3 и 4 знач.), формовый, -ая, -ое (к 7 знач., спец.), формовой, -ая, -ое (к 7 знач.; спец.), форменный, -ая, -ое (к 6 и 8 знач.) и формный, -ая, -ое (к 7 знач.; спец.). формальный анализ. Форменный бланк. Форменная одежда. Формный цех.

Исходя из изложенного, термин «форма» целесообразно употреблять в значении «проявление вовне».

Сопоставляя содержание тактических операций и комбинаций с избранным значением термина «форма», следует вывод о том, что тактико-криминалистические комплексы, в понимании нашего исследования, проявляются вовне через тактические операции и комбинации; сами по себе тактические комплексы, по нашему мнению, являются категорией абстрактной, с точки зрения практики расследования преступлений – не проявляемой, в отличие от тех операций и комбинаций, которые активно используются следователями для решения различного рода тактических задач, т.е. имеют внешнее выражение.

Формами тактико-криминалистических комплексов являются тактические операции и комбинации.

Список источников

1. Завьялов В.А. Формирование и реализация тактических операций : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 273 с.
2. Криминалистика: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Просвещение, 2015. 366 с.

3. Мерещкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2007. 368 с.
4. Криминалистика : учебник / под ред. Н.П. Яблокова. М. : НОРМА-ИНФРА М, 2010. 752 с.
5. Сокол В.Ю. Методологические и организационные аспекты тактико-криминалистического обеспечения раскрытия преступлений. Краснодар : Кубанская государственная сельскохозяйственная академия, 1998. 173 с.
6. Асташкина Е.Н., Марочкин Н.А., Михальчук А.Е., Решетников В.Я. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы : учеб.-практ. пособие. М. : Приор-издат, 2003. 184 с.
7. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений : учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2006. 464 с.
8. Шишкина Е.В. Тактические комплексы в системе криминалистических средств расследования преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 40–50.
9. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса: на материале процессуальных и криминалистических исследований уголовных дел об убийстве. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1978. 190 с.
10. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для академического бакалавриата / под ред. Л.Я. Драпкина. М. : Юрайт, 2015. 228 с.
11. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 128 с.
12. Гарифуллин И.Р. Понятие и сущность тактической операции // Южно-уральские криминалистические чтения: сборник научных статей. Вып. 14 / под ред. И.А. Макеренко. Уфа, 2006. С. 49–51.
13. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 480 с.
14. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе методики расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2012. 304 с.
15. Асаенко Б.В. Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : сборник материалов II Международной заочной научной конференции / отв. ред. В.Е. Бурый. 2017. С. 565–568.

References

1. Zav'yalov, V.A. (2021) *Formirovanie i realizatsiya takticheskikh operatsii* [Formation and Implementation of Tactical Operations]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
2. Ishchenko, E.P. (ed.) (2015) *Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov* [Forensics: A Textbook for Bachelors]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Meretskiy, N.E. (2007) *Kriminalistika i operativno-takticheskie kombinatsii* [Forensics and Operational-Tactical Combinations]. Moscow: YurLitinform.
4. Yablokov, N.P. (ed.) (2010) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensics: A Textbook]. Moscow: NORMA-INFRA M,
5. Sokol, V.Yu. (1998) *Metodologicheskie i organizatsionnye aspekty taktiko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya prestupleniy* [Methodological and Organizational Aspects of Tactical-Forensic Support for Crime Solving]. Krasnodar: Kuban State Agricultural Academy.
6. Astashkina, E.N., Marochkin, N.A., Mikhal'chuk, A.E. & Reshetnikov, V.Ya. (2003) *Rassledovanie prestuplenii. Kriminalisticheskie komplekсы* [Investigation of Crimes. Forensic Complexes]. Moscow: Prior-izdat.
7. Shmonin, A.V. (2006) *Metodika rassledovaniya prestupleniy* [Methods of Crime Investigation]. Moscow: Yustitsinform.
8. Shishkina, E.V. (2023) *Takticheskie komplekсы v sisteme kriminalisticheskikh sredstv rassledovaniya prestuplenii* [Tactical Complexes in the System of Forensic Means of Crime Investigation]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 1. pp. 40–50.
9. Shikanov, V.I. (1978) *Aktual'nye voprosy ugovornogo sudoproizvodstva i kriminalistiki v usloviyakh sovremennogo nauchno-tehnicheskogo progressa: na materiale protsessual'nykh i kriminalisticheskikh issledovaniy ugovornykh del ob ubiystve* [Current Issues of Criminal Procedure and Forensics in the Context of Modern Scientific and Technological Progress: Based on Materials from Procedural and Forensic Studies of Murder Cases]. Irkutsk: Irkutsk University.
10. Drapkin, L.Ya. (ed.) (2015) *Kriminalisticheskaya taktika: ucheb. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata* [Forensic Tactics: A Textbook for Academic Bachelor Degree Candidates]. Moscow: Yurait.
11. Sokol, V.Yu. (1979) *Takticheskie operatsii pri rassledovanii prestupleniy* [Tactical Operations in Crime Investigation]. Minsk: BSU.
12. Garifullin, I.R. (2006) *Ponyatie i sushchnost' takticheskoy operatsii* [The Concept and Essence of a Tactical Operation]. In: *Yuzhno-ural'skie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnykh statey* [South Ural Forensic Readings: Collection of Scientific Articles]. Issue 14. Ufa. pp. 49–51.
13. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [A Course in Forensics: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Yurist'.
14. Komarov, I.M. (2012) *Kriminalisticheskie operatsii dosudebnogo proizvodstva v sisteme metodiki rassledovaniya prestuplenii* [Forensic Operations of Pre-Trial Proceedings in the System of Crime Investigation Methodology]. Moscow: YurLitinform.
15. Asaenok, B.V. (2017) *Aktual'nye voprosy sovremennoy yuridicheskoy nauki: teoriya, praktika, metodika* [Current Issues of Modern Legal Science: Theory, Practice, Methodology]. In: *Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* [Collection of Materials of the 2nd International Correspondence Scientific Conference]. S.I. pp. 565–568.

Информация об авторе:

Завьялов В.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: vladimirzavjalov@lenta.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Zavyalov, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vladimirzavjalov@lenta.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.985

doi: 10.17223/23088451/26/23

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ И СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Александра Сергеевна Коваленко¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы совершенствования форм взаимодействия участников уголовного судопроизводства, анализируются научные взгляды на понятие и формы взаимодействия, а также на классификации называемых форм. Сопоставляются понятия следственной группы и тактико-криминалистической операции.

Ключевые слова: взаимодействие в ходе расследования преступлений, формы взаимодействия, следственная группа, криминалистическая тактика, комплексные тактико-криминалистические средства, тактико-криминалистическая операция, организация расследования

Для цитирования: Коваленко А.С. Соотношение понятий тактико-криминалистической операции и следственной группы в контексте организации расследования // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 130–133. doi: 10.17223/23088451/26/23

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/23

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF TACTICAL-FORENSIC OPERATION AND INVESTIGATIVE TEAM IN THE CONTEXT OF INVESTIGATION ORGANIZATION

Alexandra S. Kovalenko¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. Contemporary science offers a wide range of different perspectives on the concepts of interaction and investigation organization. It is worth noting that, in a broad sense, interaction will be expressed through the form of investigation organization, setting the main direction of activity for the investigator and other subjects of criminal proceedings. In a narrow sense, interaction is considered an element of investigation organization alongside goal-setting and investigation planning. Possessing a dual nature, the concept of interaction, in any of the considered variants, will have an inextricable connection with investigation organization and its forms. An investigative team is the most optimal form of organizing the investigation of crimes characterized by particular complexity of forensic activity concerning them, designed to utilize coordinated elements of support for this activity to solve the most complex and voluminous tasks of the investigation. This research considers the problems of determining the relationship between an investigative team and a tactical-forensic operation. The interconnection between them is traced through the dependence of the organizational system, represented in the form of an investigative team, and its element – the tactical-forensic operation. In the author's opinion, an investigative team is the optimal form for utilizing complex tactical-forensic means, especially tactical-forensic operations. This means, being a complex form of interaction, can be considered a unique tool in the activity of an investigative team, as in the context of other forms of investigation organization, its rational use is difficult to imagine. This phenomenon is explained by the fact that a tactical-forensic operation presupposes multi-level interaction not only within the investigative team but also between members of the investigative team and other subjects of criminal proceedings. Such a diversity of individuals requires exceptional organization of the investigation, which would order the interaction developing between them.

Keywords: interaction during crime investigation, forms of interaction, investigative team, forensic tactics, complex tactical-forensic means, tactical-forensic operation, investigation organization

For citation: Kovalenko, A.S. (2025) The relationship between the concepts of tactical-forensic operation and investigative team in the context of investigation organization. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 130–133. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/23

Общеизвестно, что эффективность расследования преступлений во многом зависит от качества организации взаимодействия между различными субъектами уголовного процесса. По этой причине проблема взаимодействия следователя с иными лицами является одной из ключевых в криминалистической науке и практике.

В современных условиях значимость данной проблемы возрастает в связи с совершенствованием преступной деятельности, что побуждает криминалистику к поиску более технологичного и интенсивного взаимодействия. Взаимодействие в рамках досудебного производства в специальной литературе рассматривается с различных сторон. Одни авторы акцентируют внимание

на процессуальных особенностях взаимодействия [1. Т. 20. С. 43; 2. С. 124], рассматривая в основном процессуальные формы взаимодействия и предъявляемые к их наполнению требования. Вторая группа авторов выбрала в качестве направления исследования разработку методических рекомендаций по оптимальному использованию потенциала как процессуальных, так и непроцессуальных действий [3. С. 734]. Для целей исследования взаимосвязи положений о деятельности следственной группы и тактико-криминалистической операции в контексте взаимодействия, осуществляемого следователем, более плодотворной является точка зрения, рассматривающая процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия в виде специфической системы. Необходимо сказать, что независимо от следования тому или иному подходу каждый из них предполагает рассмотрение ряда обстоятельств:

1. Взаимодействие – это согласованная деятельность [4. С. 33, 5. С. 10]. Она основана на законе и иных нормативно-правовых актах, представляет совместную согласованную деятельность органов государственной власти, а также должностных лиц, ориентированную на решение единой задачи [6. С. 25], что находит отражение в отдельных определениях взаимодействия [7. С. 3]. И те, и иные авторы справедливо акцентируют внимание на совместном характере действий, направленных на расследование преступления, поскольку коммуникация является существенной характеристикой любого взаимодействия. Стоит отметить, что некоторые авторы подчеркивают командный характер взаимодействия его субъектов, объединенных в специфическую группу-команду [8. С. 9].

Вместе с тем названные черты взаимодействия не говорят о его сущности. Также не раскрывает сущность взаимодействия такой фактор, как перечисление субъектов взаимодействия и видов деятельности, в рамках которой оно осуществляется. Дело в том, что при использовании приема перечисления обстоятельств теряется главное – сущность явления. Излишняя конкретизация и расширение границ в определении не делают его актуальным, поскольку позволяет добавить новые субъекты и виды деятельности в рамках взаимодействия, что в первую очередь указывает на стремление расширить его количественные характеристики.

2. Взаимодействие при расследовании преступлений принимает форму взаимосвязи его субъектов. В рамках указанной концепции под взаимодействием органов и должностных лиц следует понимать такую взаимосвязь в их деятельности, которая обеспечивает правильное сочетание полномочий, присущих каждому из участников взаимодействия, а также присущих их деятельности методов и средств [9. С. 72]. В литературе существует схожая позиция, которая определяет взаимодействие как профессиональные отношения [10. С. 17]. Безусловно, обе вышеуказанные позиции позволяют «уловить» назначение взаимодействия в ходе расследования, однако они недостаточно полно описывают его сущность. Другими словами, термины «взаимосвязь» и «отношения» размывают границы начала и окончания взаимодействия как явления, не наполняя при этом его форму содержанием.

3. Взаимодействие – это форма организации расследования. Нам отчасти близка именно данная позиция, так как она наиболее полно отражает сущность взаимодействия как элемента организации расследования. Анализируя работы сторонников этой позиции, подробнее рассмотрим научный взгляд Р.С. Белкина, который писал о взаимодействии субъектов доказывания лишь как об одной из форм организации расследования преступлений, заключающейся в основном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени [11. С. 22]. Таким образом, взаимодействие не рассматривалось им как элемент организации расследования. В определенной мере эта позиция была уточнена В.Д. Зеленским, который рассматривает взаимодействие и как форму, и как элемент организации расследования [3. С. 735]. Дискуссионность приведенного высказывания определяется тем, что взаимодействие получает некую двойную сущность. В широком смысле взаимодействие как раз будет выражаться через форму организации расследования, задавая основное направление деятельности следователя и иных субъектов уголовного процесса. Так, взаимодействие как явление с точки зрения деятельностного подхода будет содержать такие элементы, как субъекты, цели и задачи взаимодействия, его средства, результаты и т.д. В то же время взаимодействие в узком смысле следует понимать, как «подсистему в руководстве расследованием» [12. С. 144], которая наряду с целеопределением и планированием нуждается в регулировании при организации расследования. То есть во взаимодействии, рассматриваемом с точки зрения организации расследования, элементами являются планирование, целеопределение и руководство расследованием [3. С. 734].

Относительно определения форм взаимодействия в криминалистической науке также нет единства мнений, что объясняется сложностью рассматриваемого явления. Прежде всего необходимо обратить внимание на понимание форм взаимодействия как способа связи, построения и проявления согласованной деятельности лиц [13. С. 130], что открывает возможности для широкого классифицирования взаимодействия по различным основаниям. При этом ряд авторов выделяет процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия [14. С. 518]. Процессуальные формы представляют собой нормативно-правовое согласование возможностей различных субъектов – участников уголовного судопроизводства [15. С. 133]. Для целей нашего исследования это имеет едва ли не определяющее значение, поскольку его предметом является криминалистическая деятельность следственной группы в контексте применения ею тактико-криминалистических комплексов. Некоторые авторы отмечают исключительную важность такой формы взаимодействия по уголовным делам, как следственная группа [16. С. 8]. Однако не умаляя значения следственной группы как организационно-криминалистического построения в целом, отметим, что она скорее будет являться формой организации расследования, которая объединяет и систематизирует определенным образом различные формы взаимодействия.

Следственная группа как форма организации расследования предусматривает специфичную непрерывность процесса взаимодействия между процессуально-определёнными участниками и оперативность проведения следственных действий за счёт оптимизации различных криминалистических схем решения тактических задач расследования. Деятельность следственной группы урегулирована уголовно-процессуальным законодательством, однако ее участники, безусловно, могут использовать и непроцессуальные формы взаимодействия, такие, например, как совместное планирование мероприятий по реализации оперативных данных, обмен информацией и т.п. Следственная группа как форма организации расследования предполагает постоянное использование непроцессуальных, простых в организационном плане форм взаимодействия, а также позволяет использовать более сложные формы взаимодействия, такие как тактико-криминалистические комплексы, которые включают в себя и процессуальные, и непроцессуальные формы взаимодействия. В таком случае следственная группа формирует стратегический контекст в виде достижения конечных результатов расследования, а тактико-криминалистические операции служат инструментом реализации этого плана. При этом следственная группа как целое обеспечивает процессуальное распределение полномочий и контроль за соблюдением законодательства, что позволяет тактическим операциям выступить эффективным и законным средством. Не стоит забывать и о том, что участники следственной группы могут осуществлять деятельность совместно с участниками судопроизводства, которые не включены в ее состав. Выбор определенной формы взаимодействия обусловлен тактико-криминалистическими задачами расследования и, разумеется, следственной ситуацией, где наивысшим уровнем сложности будут обладать задачи, требующие решения с помощью вовлечения во взаимодействие иных участников уголовного судопроизводства; примером задачи подобного уровня можно назвать задачу преодоления противодействия расследованию.

Об эффективности следственной группы могут свидетельствовать результаты анкетирования сотрудников Следственного комитета Российской Федерации по Томской области: 87,5% опрошенных считают, что такая форма организации расследования позволяет решить больший объем задач за меньший срок. Как отмечают некоторые опрошенные, необходимость оперативного производства нескольких следственных действий, а также наличие двух и более подозреваемых являются важными критериями принятия решения о создании следственной группы.

Исходя из целей и оснований создания следственной группы, можно вывести криминалистическое обоснование для ее создания.

Тактико-криминалистическая операция, являясь одним из таких средств в арсенале следственной группы, системно обладает обширным набором процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия. Таким образом, следственная группа представляет собой организационную структуру, а тактико-криминалистическая операция – основной элемент её деятельности. Исследуемый тактико-криминалистический комплекс, являясь «инструментом» расследования, проводимого следственной группой, решает задачи, требующие повышенной эффективности воздействия на следственную ситуацию [17. С. 84], и эти задачи всегда будут формироваться на основании тех целей, которые ставятся перед взаимодействием внутри следственной группы.

Р.С. Белкин разделял взаимодействие на длительное и эпизодическое, уточняя, что «орган дознания либо выполняет разовые поручения следователя, либо они сотрудничают на всем протяжении расследования» [11. С. 22]. Стоит отметить, что данная классификация может быть применена не только к взаимодействию между следователем и сотрудниками органа дознания, но и с другими участниками уголовного судопроизводства. Так, следственную группу как форму организации расследования будет характеризовать длительность взаимодействия ее участников. В то же время тактико-криминалистическая операция предполагает эпизодическое взаимодействие для достижения целей, поставленных перед комплексом. Такое положение обуславливается отношением этих явлений друг к другу, поскольку внутри следственной группы взаимодействие осуществляется непрерывно по одним вопросам и точно – для решения более узких, тактических задач в рамках проведения тактико-криминалистических операций.

Заклучая изложенное, подчеркнем, что следственная группа формирует стратегическое направление деятельности, а тактико-криминалистические операции служат криминалистическим механизмом его реализации, что демонстрирует их иерархическую связь. При этом следственная группа как организационное образование содействует чёткому распределению полномочий участников и надзору за соблюдением процессуальных норм, что является необходимым условием законности и результативности тактических операций. Все вышесказанное также применимо и к взаимодействию в рамках расследования преступлений группой дознавателей.

Список источников

1. Лазарева В.А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования. // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 41–48.
2. Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. С. 119–125.
3. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 4. С. 734–744.
4. Белецкий В. Ю. О понятии взаимодействия следователя и органов дознания // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. № 2. С. 33–34.
5. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 32 с.
6. Щербаков В.Ф. Реализация государственной политики противодействия преступности в сфере экономики подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел МВД России (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 34 с.
7. Ратинов А.Р. Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений / Звирбуль В.К., Кочаров Г.И., Овчинников В.И., Овчинский С.С. и др.; под общ. ред.: И.И. Карпец, А.Н. Шейкин. М. : Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, 1964. 137 с.

8. Гордин А.В. Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 22 с.
9. Криминалистика : учебник / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М. : Высш. шк., 1994. 527 с.
10. Танкевич О.В. Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания : учеб.-метод. пособие. ГрГУ, 2003. 115 с.
11. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия : справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
12. Овсянников В.В. Криминалистическая теория и практика установления и следственного розыска причастного к совершению преступления лица по его внешнему облику : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2024. 287 с.
13. Герасимов И.Ф. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания при расследовании особо опасных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 375 с.
14. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА, 1999. 990 с.
15. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 184 с.
16. Усыннин В.М. Процессуальные формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 196 с.
17. Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М. : Юрист, 1997. 760 с.

References

1. Lazareva, V.A. (2021) Vzaimodeystvie sledovatelya, rukovoditelya sledstvennogo organa i prokurora pri vobuzhdenii i osushchestvlenii ugolovnoy presledovaniya [Interaction of the Investigator, Head of the Investigative Body and Prosecutor During the Initiation and Implementation of Criminal Prosecution]. *Pravovaya paradigma*. 20 (2). pp. 41–48.
2. Plesneva, L.P. (2015) Formy vzaimodeystviya sledovatelya s organami doznaniya [Forms of Interaction Between the Investigator and the Bodies of Inquiry]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 4. pp. 119–125.
3. Zelenskii, V.D. (2015) O ponyatii i soderzhanii organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the Concept and Content of Organizing Crime Investigation]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. 4. pp. 734–744.
4. Beletskii, V.Yu. (2011) O ponyatii vzaimodeystviya sledovatelya i organov doznaniya [On the Concept of Interaction Between the Investigator and the Bodies of Inquiry]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 33–34.
5. Amenitskaya, N.A. (2006) Vzaimodeystvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost' v raskrytii i rassledovanii prestupleniy (v OVD) [Interaction of the Investigator and Bodies Carrying Out Operational-Search Activities in Solving and Investigating Crimes (in the Internal Affairs Bodies)]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
6. Shcherbakov, V.F. (2006) Realizatsiya gosudarstvennoy politiki protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki podrazdeleniyami ekonomicheskoy bezopasnosti organov vnutrennikh del MVD Rossii (teoretiko-prikladnoy analiz) [Implementation of State Policy for Countering Crime in the Economic Sphere by the Economic Security Units of the Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Theoretical and Applied Analysis)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Ratinov, A.R. et al. (1964) Vzaimodeystvie sledovateley prokuratury i organov militsii pri rassledovanii i preduprezhdenii prestupleniy [Interaction of Prosecution Investigators and Police Bodies in the Investigation and Prevention of Crimes]. Moscow: Vsesoyuznyi in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Prokuratury SSSR.
8. Gordin, A.V. (2005) Vzaimodeystvie operativno-rozysknykh podrazdeleniy i sledovatelya organov vnutrennikh del pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Interaction of Operational-Search Units and the Investigator of Internal Affairs Bodies in Solving and Investigating Crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Gerasimov, I.F. & Drapkin, L.Ya. (eds) (1994) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensics: A Textbook]. Moscow: Vyssh. shk.
10. Tankevich, O.V. (2003) *Professional'noe vzaimodeystvie sledovatelya s organami doznaniya* [Professional Interaction of the Investigator with the Bodies of Inquiry]. S.l.: GrSU.
11. Belkin, R.S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya: sprav. posobie dlya kursantov, slushateley i prepodavateley ucheb. zavedeniy MVD, ad'yunktov, doktorantov, nauch. sotrudnikov i prakt. rabotnikov organov vnutr. del* [Forensic Encyclopedia: Reference Manual for Cadets, Students and Teachers of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs, Postgraduates, Doctoral Students, Researchers and Practitioners of Internal Affairs Bodies]. 2nd ed. Moscow: Megatron-XXI.
12. Ovsyannikov, V.V. (2024) *Kriminalisticheskaya teoriya i praktika ustanovleniya i sledstvennogo rozyska prichastnogo k soversheniyu prestupleniya litsa po ego vneshnemu obliku* [Forensic Theory and Practice of Establishing and Investigative Search for a Person Involved in Committing a Crime Based on Their Appearance]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
13. Gerasimov, I.F. (1966) *Vzaimodeystvie organov predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya pri rassledovanii osobo opasnykh prestupleniy* [Interaction of Preliminary Investigation Bodies and Inquiry Bodies in the Investigation of Especially Dangerous Crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.
14. Averyanova, T.V., Belkin, R.S., Korukhov, Yu.G. & Rossinskaya, E.R. (1999) *Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov* [Forensics: A Textbook for Universities]. Moscow: NORMA.
15. Gerasimov, I.F. (1975) *Nekotorye problemy raskrytiya prestupleniy* [Some Problems of Solving Crimes]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
16. Usynin, V.M. (2005) *Protsessual'nye formy vzaimodeystviya organov predvaritel'nogo sledstviya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost', po ugolovnym delam na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsesssa* [Procedural Forms of Interaction Between Preliminary Investigation Bodies and Bodies Carrying Out Operational-Search Activities in Criminal Cases at the Pre-Trial Stages of the Criminal Process]. Abstract of Law Cand. Diss. Izhevsk.
17. Obratsov, V.A. (ed.) (1997) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Yurist'.

Информация об авторе:

Коваленко А.С. – аспирант кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Kovalenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Научная статья
УДК 347.93

doi: 10.17223/23088451/26/24

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ – ОТДЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА БЫТЬ

Олег Викторович Воронин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Раскрываются основные нормативные правовые предпосылки определения прокурорского надзора в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора. Главными из них выступают комплексность сложившегося надзора прокуратуры за современной деятельностью судебных приставов, включающей в себя различные по своей правовой природе виды деятельности, а также инициативный характер прокурорского надзора за законностью деятельности судебных приставов, обусловленный возможностью судебных приставов в оперативном (упрощенном) порядке в установленных законом случаях ограничивать основные конституционные права граждан при осуществлении возложенных на приставов обязанностей.

Ключевые слова: прокурорский надзор, отрасль прокурорского надзора, судебные приставы

Для цитирования: Воронин О.В. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами – отдельной отрасли прокурорского надзора быть // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 134–138. doi: 10.17223/23088451/26/24

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/24

PROSECUTOR SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS BY BAILIFFS: THE CASE FOR ESTABLISHING A SEPARATE BRANCH

Oleg V. Voronin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. Currently, the main normative legal preconditions have matured for designating prosecutor supervision over bailiffs as an independent branch of prosecutor supervision. The primary reasons are the comprehensive nature of the existing prosecutor supervision over modern bailiff activity and the proactive nature of this supervision. The comprehensive nature of prosecutor supervision is evident in the emergence of several distinct directions within it, as rightly noted by specialized directives of the Russian General Prosecutor's Office. Currently, within the framework of supervision over the execution of laws by bailiffs, one can separately distinguish: supervision over the legality of the initiation and conduct of enforcement proceedings; supervision over the procedural activities of inquiry officers within the Bailiff Service; supervision over the legality of administrative practice; supervision over the legality of the use of special means to ensure the established order of court activities and to ensure the forced execution of court decisions. The proactive nature of prosecutor supervision over the execution of laws by bailiffs is expressed in the prosecutor's ability to exercise the granted legal powers independently of the presence of a signal about a law violation, as well as in their right to use these powers at their own discretion to conduct measures aimed at identifying and uncovering legal violations. The existence of such capabilities is due to the fact that after recent legislative changes, bailiffs have been granted the power, on the grounds specified in the law, to significantly restrict the core constitutional rights of debtor citizens promptly (e.g., to enter a debtor's dwelling without judicial consent, to restrict a citizen's freedom of movement by prohibiting them from leaving the Russian Federation, etc.). In this regard, considering the dependent position of the debtor citizen during the forced execution of court decisions, the proactive nature of prosecutor supervision serves as a significant guarantee for the prompt assurance of legality in bailiff activities, as well as the restoration of the violated rights of persons involved in the forced execution of court decisions.

Keywords: prosecutor supervision, branch of prosecutor supervision, bailiffs

For citation: Voronin, O.V. (2025) Prosecutor supervision over the execution of laws by bailiffs: The case for establishing a separate branch. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 134–138. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/24

Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами традиционно рассматривается как самостоятельная прокурорская деятельность, однако в науке до сих пор нет единства мнений, к какому конкретному виду она относится. Спектр взглядов широк: самостоятельное направление в рамках надзора за исполнением законов [1. С. 84]; отдельный вид прокурорской деятельности [2. С. 39]; формирующаяся отрасль прокурорского надзора [3. С. 250] и, наконец, его отдельная, самостоятельная отрасль [4. С. 58; 5. С. 38].

На различных этапах развития законодательства и прокурорской деятельности каждая из приведенных позиций представляется достаточно обоснованной. Безусловно, как и любая разновидность специализированного надзора, прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами изначально обусловлен общим надзором, поэтому вполне логично на этапе становления (в середине 90-х гг. XX в.) рассматривать его как отдельное направление прокурорского надзора в рамках надзора за исполнением законов. Однако дальнейшее развитие законодательства, регулирующего деятельность судебных приставов, возложение на них дополнительных обязанностей, развитие службы судебных приставов и усложнение их деятельности приводят к изменению содержания и организации прокурорского надзора (конец 90-х гг. XX в.), что находит логичное отражение и в научных взглядах на него уже как на отдельный самостоятельный вид прокурорской деятельности, а далее – как на формирующуюся (начало 2000-х гг.), а позже – и самостоятельную отрасль прокурорского надзора.

Несмотря на то, что в 90-х гг. XX в., а также в начале 2000-х гг. в теории наметилась некоторая тенденция отхода от использования традиционного понятийного аппарата, выработанного советскими учеными, современная наука прокурорского надзора сохраняет устоявшиеся подходы к определению структуры и содержания прокурорской деятельности. В этой связи представляется отрадным сохранение деления единого по своей сути прокурорского надзора на отдельные отрасли как методологического приема организации и повышения эффективности прокурорской деятельности. Поэтому проблема определения сущности той ли иной прокурорской деятельности путем признания ее самостоятельной отраслью или включения в состав существующих не теряет своей актуальности и в полной мере касается прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами.

Противники признания данной деятельности в качестве самостоятельной отрасли в основном приводят следующие аргументы:

1. Раздел III Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о прокуратуре) не был дополнен отдельной отраслевой главой, определяющей предмет, пределы и правовые средства прокурорского надзора за законностью деятельности судебных приставов.

2. Из содержания Закона о прокуратуре не ясно, деятельность каких судебных приставов охватывается предметом надзора прокуратуры: только лишь судебных приставов-исполнителей или же включает в себя также надзор за законностью деятельности судебных

приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

3. Наконец, противники выделения данного направления деятельности в отдельную отрасль полагают, что деятельность судебных приставов в силу зависимость от судебной власти характера не обладает достаточной независимостью для признания ее в качестве самостоятельной. Узкое содержание правовых отношений, складывающихся в ходе принудительного исполнения судебных решений, и зависимый от судебных органов характер деятельности судебных приставов не позволяют прокурору реализовать всю полноту надзорных мер, свойственных для отдельной отрасли надзора. К тому же сам Закон о прокуратуре не закрепляет отдельные правовые средства надзора за судебными приставами: прокурор, надзирающий за их деятельностью, фактически использует общенадзорные полномочия.

Несмотря на справедливость приведенных аргументов с точки зрения действующей редакции Закона о прокуратуре, представляется, что формальным подходом ограничиваться не стоит.

Действительно, Закон о прокуратуре не содержит отдельной отраслевой главы, посвященной регулированию прокурорского надзора за законностью деятельности судебных приставов, но вместе с тем он называет данный вид деятельности в ч. 2 ст. 1 наряду с иными отраслями прокурорского надзора (при этом помещая его между надзором за исполнением законов органами, осуществляющими, ОРД, дознание и предварительное следствие, и надзором за законностью принудительной изоляции, которые традиционно рассматриваются как самостоятельные отрасли прокурорского надзора). В науке прокурорского надзора давно и обоснованно аргументируется, что отсутствие отдельной отраслевой главы в действующей редакции Закона о прокуратуре служит существенным его недостатком и пробелом, поэтому едва ли стоит акцентировать на этом доводе принципиальное внимание. К тому же не следует забывать, что отраслевое деление прокурорского надзора – это не метод правового регулирования прокурорской деятельности, а методологический прием его оптимальной организации.

На начальном этапе правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами действительно не совсем было ясно, деятельность каких судебных приставов включается в его предмет. Во многом этому способствовала неразвитость самого законодательства, регулирующего деятельность судебных приставов и самой службы в целом. Однако новеллы законодательства в конце 90-х гг. XX века – начале 2000-х гг. существенно изменили правовой статус Федеральной службы судебных приставов России и характер деятельности судебных приставов. Федеральная служба судебных приставов России (далее по тексту – ФССП России) стала представлять собой отдельный орган исполнительной власти, расширились ее штат и состав, а деятельность всех приставов, помимо большей независимости (в том числе, от судебного контроля), приобрела самостоятельный и комплексный характер.

Кроме традиционного исполнительного производства, активнее стали осуществляться уголовно-процессуальные производства (дознание), административная практика, обеспечение безопасности различных субъектов производства в ходе судебных процессов и при совершении исполнительных действий, нередкими стали случаи исполнения принудительных приводов (доставлений), применения специальных средств для обеспечения установленного порядка деятельности судов [6]. Изменение содержания и характера деятельности судебных приставов обусловило изменение прокурорского надзора – он приобрел инициативный и комплексный характер.

Инициативный характер прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами выразился в возможности прокурора реализовывать предоставленные ему правовые средства независимо от наличия сигнала о нарушении закона, а также в его праве с их помощью по собственному усмотрению проводить мероприятия, направленные на выявление и вскрытие нарушений закона. Наличие таких возможностей обуславливалось тем, что после последних изменений законодательства судебным приставам была предоставлена возможность при наличии указанных в законе оснований существенно ограничивать основные конституционные права граждан-должников в оперативном порядке (входить в жилище должника без судебного согласия, ограничивать свободу передвижения гражданина путем запрета покидать пределы РФ и пр.). В этой связи с учетом зависимого положения гражданина-должника в ходе принудительного исполнения судебных решений инициативный характер прокурорского надзора выступил существенной гарантией оперативного обеспечения законности деятельности судебных приставов, а также восстановления нарушенных прав лиц, вовлеченных в принудительное исполнение решений судов.

Комплексность прокурорского надзора проявилась в появлении у него нескольких направлений, на что справедливо обратили внимание профильные директивы Генпрокуратуры России [7]. В рамках надзора за исполнением законов судебными приставами в настоящий момент отдельно можно выделить: надзор за законностью возбуждения и осуществления исполнительных производств; надзор за процессуальной деятельностью дознавателей службы судебных приставов; надзор за законностью административной практики; надзор за законностью применения специальных средств для обеспечения установленного порядка деятельности судов и для обеспечения принудительного исполнения судебных решений и др. В этой связи рассматривать прокурорский надзор за законностью деятельности судебных приставов в качестве одного из направлений в рамках общего надзора становится достаточно сложно.

Кроме того, специфика прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами проявилась также в особенностях реализации основных правовых средств прокурорского надзора. К примеру, как показывает практика, при вынесении такого традиционного средства прокурорского реагирования, как протест на

противоречащий закону акт судебного пристава-исполнителя, прокурор практически всегда устанавливает сокращенные срок его отмены, изменения или приведения в соответствие – трое суток (вместо общего 10-суточного срока).

Приведенные аргументы свидетельствуют о наличии существенных предпосылок для поддержания позиции ученых, выступающих за признание данного направления прокурорского надзора в качестве отдельной самостоятельной отрасли прокурорского надзора.

В литературе справедливо указывается, что основное препятствие заключается в отсутствии отдельных положений, которые могли бы детализировать правовое регулирование данной деятельности в качестве отраслевой. Безусловно, такой шаг законодателя способствовал бы окончательному нормативному оформлению прокурорского надзора за законностью деятельности судебных приставов в качестве отдельной отрасли. Однако не следует забывать, что «отраслевое» правовое регулирование не исчерпывается лишь закреплением соответствующих требований в Законе о прокуратуре, необходимо также наличие достаточного законодательного и нормативного правового массива, регулирующего деятельность поднадзорного лица.

Без наличия данного компонента вести речь о существовании самостоятельного содержания предмета отдельной отрасли бессмысленно. Как было отмечено выше, такая составляющая в настоящий момент сформирована и вполне достаточна для выделения в отдельный предмет отрасли, что в теории прокурорского надзора является одним из критериев признания ее самостоятельности. Внесение соответствующих изменений в Закон о прокуратуре должно стать лишь логическим завершением правового оформления рассматриваемой прокурорской деятельности в качестве отдельной отрасли.

Предмет самостоятельной отрасли прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в настоящий момент определяется ст. 1, 21, 26 Закона о прокуратуре и включает в себя: соблюдение судебными приставами Конституции РФ и иных действующих на территории РФ законов; надзор за законностью выносимых судебными приставами правовых актов; надзор за законностью принимаемых судебными приставами решений и совершаемых действий; соблюдение со стороны судебных приставов прав и свобод лиц, вовлеченных в их деятельность.

Пределы (границы предмета) по актам устанавливаются применительно к каждой отрасли прокурорского надзора отдельно. В этом заключается их смысл как одного из критериев выделения отраслей прокурорского надзора. За основу берутся прямые предписания Закона о прокуратуре и сложившаяся практика регулирования деятельности поднадзорных лиц. Применительно к общему надзору в качестве пределов выступают только акты высшей юридической силы – Конституция РФ и законы, действующие на территории России. В других отраслях – также и иные нормативные правовые акты, когда это допускает Закон о прокуратуре [8. С. 68].

По кругу нормативных правовых актов верхний предел прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами охватывает надзор за соблюдением требований, содержащихся в Конституции РФ, а на отраслевом (специальном) уровне – надзор за исполнением требований, содержащихся в федеральных законах и приравненных к ним нормативных правовых актах.

Установление пределов прокурорского надзора по кругу лиц строится на обособлении деятельности отдельных органов, учреждений и должностных лиц, а также правовых норм (институтов), регулирующих их деятельность. Ранее во внимание также принималась их отраслевая (институциональная) принадлежность. В настоящее время этот критерий хотя и не утрачивает полного значения, тем не менее не играет приоритетной роли. Уточненными критериями для определения пределов по кругу поднадзорных лиц выступают:

1) существование совокупности органов, учреждений и должностных лиц, обладающих схожей направленностью деятельности, выражающейся в близких по своему содержанию целях и возложенных на них функциях;

2) высокая степень автономности и довольно продолжительный период функционирования их в таком качестве;

3) наличие отдельных правовых институтов, регулирующих их деятельность.

Первые два признака позволяют сгруппировать отдельные органы, учреждения и должностные лица в ис-

торически сложившиеся самостоятельные системы, входящие в предмет прокурорского надзора, и с учетом второго критерия – специфики правового регулирования их деятельности – подразделить на отдельные отрасли [8. С. 66–67].

Деятельность ФССП России и судебных приставов отвечает указанным критериям, поэтому вполне уместно вести речь о наличии у рассматриваемой отрасли пределов по кругу поднадзорных лиц.

По кругу субъектов верхний предел надзора включает деятельность ФССП России в целом, службы судебных приставов Управления военных судов Министерства юстиции и Главного судебного пристава России; на специальном (отраслевом) уровне – деятельность приставов-исполнителей, приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, управлений и отделов службы судебных приставов в субъектах РФ, а также иных территориальных и специализированных подразделений службы судебных приставов и их должностных лиц.

Таким образом, фактическое наличие отдельного предмета и пределов надзора также служит дополнительным аргументом в пользу признания прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в качестве самостоятельной отрасли современного прокурорского надзора. В этой связи позиции ученых, выступающих за обособление данной прокурорской деятельности на отраслевом уровне, заслуживают всяческой поддержки.

Список источников

1. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М. : Дашков и Ко, 2006.
2. Рябцев В.П. Прокуратура приобретает новые полномочия // Российская юстиция. 1999. № 4.
3. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебно-методический комплекс / под ред. проф. Ю.К. Якимовича. Томск : Изд-во НТЛ, 2008.
4. Винокуров А.Ю. К вопросу о классификации внешнефункциональной деятельности прокуратуры Российской Федерации // Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры : избранные статьи. М., 2012.
5. Пак В.А. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014.
6. Отчеты и доклады о деятельности ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9 (дата обращения: 16.12.2025).
7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами : Указание Генпрокуратуры России от 19.09.2022 № 521/7 (ред. от 25.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2025).
8. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности / под ред. А.Г. Халиулина. Томск : Изд-во НТЛ, 2013.

References

1. Savenkov, A.N. (ed.) (2006) *Prokurorskii nadzor v Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Prosecutor Supervision in the Russian Federation: A Textbook]. Moscow: Dashkov i Ko.
2. Ryabtsev, V.P. (1999) *Prokuratura priobretat novye polnomochiya* [The Prosecution Acquires New Powers]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 4.
3. Voronin, O.V. (2008) *Prokurorskiy nadzor v Rossiiskoy Federatsii: uchebno-metodicheskii kompleks* [Prosecutorial Supervision in the Russian Federation: A Teaching and Methodological Complex]. Tomsk: Izd-vo NTL.
4. Vinokurov, A.Yu. (2012) *K voprosu o klassifikatsii vneshnefunktsional'noi deyatel'nosti prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [On Classifying the External Functional Activities of the Prosecution of the Russian Federation]. In: *Aktual'nye voprosy organizatsii i deyatel'nosti prokuratury: izbrannye stat'i* [Current Issues of Organization and Activities of the Prosecution: Selected Articles]. Moscow.
5. Pak, V.A. (2014) *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov sudebnymi pristavami po obespecheniyu ustanovlennogo poryadka deyatel'nosti sudov* [Prosecutor Supervision over the Execution of Laws by Bailiffs Ensuring the Established Order of Court Activities]. Irkutsk: Irkutsk Law Institute.
6. FSSP. (n.d.) *Otchety i doklady o deyatel'nosti FSSP Rossii* [Reports and Accounts on the Activities of the FSSP of Russia]. [Online] Available from: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9 (Accessed: 16th December 2025).
7. Consultant Plus. (2024) *On the Organization of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bailiffs: Directive of the Prosecutor General's Office of Russia No. 521/7 dated 19.09.2022 (as amended on 25.03.2024)*. (Accessed: 16th December 2025). (In Russian).
8. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoy deyatel'nosti* [Theoretical Foundations of Modern Prosecutorial Activities]. Tomsk: Izd-vo NTL.

Информация об авторе:

Воронин О.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Voronin, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*